

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СПЕЦИАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ? ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ *

Ф. С. Сафуанов

Аннотация: в контексте эволюции типов научной рациональности выделены основные признаки специальной методологии юридической психологии: психотехнический подход; исследование особенностей психической деятельности, имеющих юридическое значение и влекущих за собой определенные правовые последствия; многопредметное и междисциплинарное формирование специальных знаний юридического психолога; применение системного подхода 2-го порядка; компетентностный подход при формировании специальных знаний юридического психолога.

Ключевые слова: юридическая психология, методология, типы научной рациональности, постнеклассическая наука, психотехника, специальные знания, системный подход, компетентностный подход.

Abstract: In the context of the evolution of types of scientific rationality highlights the main features of a specific methodology of legal psychology: psychotechnic approach, investigation of the features of mental activity and legal significance entailing certain legal effects, multi-disciplinary and interdisciplinary formation of the specialized knowledge of legal psychology, the application of a systematic approach 2nd order, the competence approach in the formation of specialized knowledge of legal psychology.

Keywords: legal psychology, methodology, types of scientific rationality, postnonclassical science, psycho, expertise, systems approach, the competence approach.

В настоящее время юридическая психология переживает своеобразный ренессанс. Он знаменуется не только созданием и отлаженной работой практических психологических служб в МВД, ФСИН России и других ведомствах, но и изданием таких новых профильных психологических журналов, как «Прикладная юридическая психология», «Юридическая психология», «Психология и право», существованием нескольких диссертационных советов по специальности 19.00.06 («Юридическая психология»), успешным функционированием первого в России факультета юридической психологии в Московском городском психолого-педагогическом университете и ряда кафедр в других образовательных учреждениях. Вместе с тем остается некоторое чувство неудовлетворенности, связанное с тем, что количество эмпирических исследований значительно опережает осмысление проблем юридической психологии на метауровне: до сих пор остаются дискуссионными вопросы места юридической психологии в системе психологических наук, ее предметного содержания, теоретического статуса

* В основу статьи положен доклад, сделанный на научно-методологическом семинаре по юридической психологии в декабре 2010 г. (ИПРАН, Москва).

и т. п. Работ, посвященных собственно методологии юридической психологии, крайне мало. Большинство учебных пособий и монографий (за редким исключением [5]) в качестве специальных описывают общенаучные и общепсихологические методологические принципы, не имеющие особой специфики по сравнению с другими областями психологического знания. При описании методов юридической психологии приводятся в основном заимствования из общей или клинической психодиагностики. В связи с этим и сегодня остаются во многом актуальными слова А.Р. Ратинова и Г.Х. Ефремовой: «Юридическая психология лучше разработана не как наука, а как учебная дисциплина, ориентированная на популяризацию психологических знаний в учебном процессе, а прирост новых знаний в этой области происходит еще медленно» [6, с. 3-11].

Несмотря на то что в большинстве учебных пособий приводятся разнообразные определения предмета юридической психологии, на наш взгляд, она остается объектной наукой. Условно можно выделить две плоскости классификации разделов психологической науки. С одной стороны, психология подразделяется на частные теоретические дисциплины, конкретизирующие предмет общей психологии (закономерности развития и функционирования психики как особой формы жизнедеятельности) по отношению к его различным аспектам: возрастной динамике психики, ее функционированию в социальных группах, патологии психической деятельности и т. п., то есть на возрастную, социальную, клиническую и др. С другой стороны, можно выделить прикладные области психологии, в которых общие

и частные теоретические дисциплины психологии находят применение в какой-либо конкретной области человеческой жизнедеятельности — в спорте (психология спорта), юриспруденции (юридическая психология), системе школьного образования (школьная психология) и т. д. Эти конкретные области применения психологических знаний можно обозначить как отрасли психологии.

Так, в юридической психологии, как следует из анализа паспорта специальности 19.00.06 — «Юридическая психология», востребованы в основном следующие теоретические психологические области.

1. Общая психология, психология личности. Методология данных дисциплин по отношению к специфическому объекту (участникам правовых отношений) реализуется в следующих областях исследования:

- Понятие личности в психологии.
- Индивидуально-психологические особенности личности как участника правовых отношений.
- Психология личности преступника.
- Психология аномального поведения.
- Психология личности юриста.
- Мотивация деятельности людей в сфере правоотношений.
- Психология преступного поведения.

2. Социальная психология и психология управления по отношению к специфическому объекту (профессиональной деятельности юриста) отражены в других областях исследования:

- Психологические механизмы совершенствования взаимоотношений в правоохранительной сфере.

- Социально-психологическая характеристика профессиональной деятельности юриста.

- Организационно-управленческая подструктура профессиональной деятельности юриста.

- Психология управления в правоохранительной деятельности.

- Психологические барьеры общения в профессиональной деятельности юриста.

3. Психология труда, психологическое консультирование и психокоррекция по отношению к специфическому объекту (процессуальным видам деятельности: следствию, судопроизводству и исполнению наказаний) воплощены в еще одной группе областей исследования:

- Психологические основы профилактики правонарушений.

- Психологические особенности судопроизводства.

- Психологические особенности гражданско-правового судопроизводства.

- Психологические особенности административно-правового судопроизводства.

- Психология расследования преступлений.

- Психология предварительного следствия.

Разумеется, что юридическая психология как прикладная отрасль психологии не сводится только к практической деятельности и эмпирическим исследованиям — она, как и всякая иная прикладная дисциплина, должна иметь свои *теоретические* и *методологические основы*. Этот аспект отражен в паспорте специальности в следующих областях исследования:

- Методологические проблемы общения в профессиональной деятельности юриста.

- Методологические основы криминальной психологии.

- Методологические основы психологии гражданско-правового судопроизводства.

- Методологические основы психологии административно-правового регулирования.

- Методологические основы назначения и проведения судебно-психологической экспертизы.

Как видно, методологические проблемы разрабатываются преимущественно в частных разделах юридической психологии. *Общетеоретические* и *методологические вопросы* поставлены только в трех сферах:

- Психологические методы изучения личности субъектов правоприменительной, правоохранительной и правоисполнительной деятельности.

- Юридическая психология в системе научных отраслей знания.

- Психологические основы обучения, подготовки, переподготовки и трудоустройства работников правоохранительной системы.

Эти три ключевые позиции мы возьмем как основу методологического анализа.

Рассмотрение методов, применяемых в научных исследованиях и практической деятельности юридических психологов, показывает, что они по своей сути ничем не отличаются от общепринятых методов теоретической и прикладной психологии. Иными словами, трудно согласиться с положением, что у юридической психологии есть свои, специфические только для этой об-

ласти знания, методы исследования. Скорее, можно говорить об особенностях применения обще- и клинко-психологических методов в криминальной, судебной, пенитенциарной и правовой психологии.

Эти особенности, с нашей точки зрения, сводятся к следующим обстоятельствам:

1) они применяются к специфическим объектам (личность, социально-психологические взаимоотношения, профессиональная деятельность, психокоррекция и другие психологические явления, опосредованные правовым контекстом) и предметам (правосознание как элемент самосознания);

2) повышенная ответственность за правовые решения, юридически значимые последствия и, соответственно, за психологическое обоснование этих решений, предъявляет особые требования к эмпирической (диагностической и прогностической) валидности и надежности. Как показывает опыт, в практике комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы может применяться достаточно ограниченный круг опросников, проективных методов. Многие методики, хотя и описаны в научной литературе как валидные и надежные, в экспертной практике мало применимы. Надежность теста — понятие, отражающее точность психодиагностического исследования и устойчивость результатов к воздействию посторонних факторов. Одной из главных особенностей контингента испытуемых в психолого-психиатрической экспертизе является как раз наличие таких дополнительных факторов, не учитываемых при валидации методик: психические рас-

стройства, психогенные наслоения в ситуации привлечения к уголовной ответственности или признания потерпевшим, разнообразные установки по отношению к исходу экспертизы (симуляция, аггравация, диссимуляция и т. п.), процессуальное положение подэкспертного и др. [8, с. 60-64];

3) особые требования к конструктивной (соответствие теории) валидности. Дело в том, что многие методы создаются в соответствии с отличными друг от друга теориями и моделями личности, которые могут противоречить имплицитной модели личности в теории и практике уголовного права. Например, психоаналитические представления о психике трудно уживаются с обоснованием понятий «невменяемость», «вина» и т. п. [11, с. 92-97];

4) применение методик в юридической психологии имеет правовые и этические ограничения (например, применительно к подэкспертным с психической патологией).

Такое положение дел обнажает недостатки применения обще-, клинко-, социально-психологических эмпирических методов в юридической психологии.

Можно выделить следующие основные проблемы.

1. Применяются в основном эмпирические (а не экспериментальные и герменевтические) процедуры.

2. Используются часто доэкспериментальные (а не экспериментальные и квазиэкспериментальные) планы [4, с. 34-191].

3. Эмпирические методы плохо связаны с теоретическими моделями или основываются на линейных причинно-следственных связях психических яв-

лений и реального поведения либо на теориях, не нацеленных на объяснение и предсказание поведения. Так, существует огромное количество публикаций, в которых ксенофобия изучается по опросникам без обсуждения и объяснения связи ксенофобских установок с девиантным поведением (хотя еще в 1934 г. Р. Ла-Пьер обнаружил расхождение между социальной установкой (негативным отношением к китайцам) и реальным поведением), при исследовании агрессии ограничиваются лишь изучением агрессивности и враждебности как свойств личности, игнорируя сложную связь между уровнем агрессивности и агрессивным поведением [7].

Теперь обратимся к главному вопросу: *существует ли специальная методология юридической психологии, и если существует, то в чем ее главные особенности?*

В целом соглашаясь с точкой зрения, что для методологии юридической психологии характерны принципы психологической и юридической специфичности, психологической целостности, конструктивности, гуманности и законности [5], мы попробуем проанализировать проблему с позиций философии познания в контексте эволюции типов научной рациональности.

1. Мы часто в научных исследованиях, проводимых в области юридической психологии, оперируем гносеологическими понятиями середины и конца XX в., противопоставляя себя как исследователя объекту познания: в широком смысле особенностям психической деятельности человека. Как отмечал В.С. Степин, такой подход характерен для классического типа науки, при котором, стремясь к позитивистскому идеалу

объективно-истинного знания, элиминируется все, что относится к субъекту познания, средствам и операциям его деятельности [9, с. 619-636]. Парадокс состоит в том, что в научных исследованиях и практике юридической психологии особенности субъекта и способов познания мы в неявном виде учитываем. Так, при исследовании психических особенностей работников правоохранительных органов нас интересует не столько их уровень развития или структура личности, сколько соответствие этих особенностей нормативным, профессиографическим показателям, то есть основным результатом подобных исследований будут выступать, например, критерии отбора кадров по психологическим показателям, а не сами показатели.

Наиболее ярко это положение проявляется в области судебно-психологической экспертологии. И в научном осмыслении, и в практической деятельности эксперта главное — это средства взаимодействия с психикой (в первую очередь критерии экспертной диагностики тех или иных особенностей психической деятельности, имеющих юридическое значение и влекущих определенные правовые последствия). Данное положение в области судебной экспертизы с участием психолога впервые реализовано в докторской диссертации М.М. Коченова: он выделил в качестве объекта научного исследования «профессиональную деятельность экспертов-психологов, направленную на получение доказательств путем применения специальных психологических познаний» [3].

В связи с этим основой методологии юридической психологии выступа-

ет подход, сформулированный Ф.Е. Василюком в отношении психологии практики, который «позволил бы научно изучать... опыт работы с психикой, прежде всего опыт профессиональной психологической работы, . черпать темы из этого опыта, создавать понятия и модели, описывающие и объясняющие опыт, формулировать результаты в виде, возвращаемом и конвертируемом в опыт» [2, с. 25-40].

Таким образом, одной из методологических особенностей деятельности юридического психолога выступает то обстоятельство, что она является «*психотехнической*» в том смысле, как ее понимал Л.С. Выготский: психотехническая теория — это не теория «объекта», а теория практики, теория «психологической работы с объектом».

2. Итак, мы можем говорить о теории юридической психологии как теории, которая должна реализовывать уже не классический тип научной деятельности с противопоставлением субъекта и объекта познания, а соответствовать следующей ступени познания. Неклассический тип научной рациональности учитывает не только знания об объекте, но и связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности исследователя. Объективно-истинное описание и объяснение подразумевают в качестве обязательного условия рефлексии этих связей [9].

Выделяя, вслед за М. Фуко и П.Д. Тищенко [10] три взаимодействующих дискурса, в которых существует человеческая практика, в данном случае практика юридической психологии, мы можем отметить, что наряду с «дискурсом истины» (которую воплощает академическая наука) и «дискурсом благоденствия»

(практическая психология) существует так называемый профанный дискурс. Профанный дискурс — метафорически это поле заказчика психологических исследований и услуг, он в известном смысле является основным и определяющим направления как научной, так и прикладной деятельности психолога. В отличие от практики психотерапии и психологического консультирования, где потребитель (заказчик) психологических услуг и объект психологического исследования чаще всего слитен (одно и то же лицо), в юридической психологии профанный дискурс воплощается в системе юриспруденции, правоохранительных органах и т. п., и поэтому существует четкое разведение профанного дискурса и объекта исследования юридического психолога. Наиболее ярко эта дифференцированность может быть проиллюстрирована в области судебно-психологической экспертизы. Заказчиком экспертизы, ставящим определенные задачи перед сведущим лицом в научной психологии, является следствие или суд, а объектом деятельности эксперта-психолога — особенности психики обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, истца или ответчика.

В отличие от практики психодиагностики, во многих областях юридической психологии, судебной экспертизе (да и в других видах профессиональной деятельности юридического психолога) взаимоотношения между заказчиком и психологом очень четко оформлены в законодательном плане. Так, психодиагностика работников организаций основана, как правило, на стихийном взаимодействии с руководителями фирмы или банка, не регулируется законодательно или ведомственно, а этика исследо-

ваний опирается на личное моральное сознание (в лучшем случае на корпоративные кодексы), возникают проблемы с добровольностью исследований и информированным согласием. В то же время взаимодействие юридического психолога с заказчиком исследований определено законодательством (в случае судебного эксперта — процессуальным) и ведомственными подзаконными актами, а этика достаточно жестко сопряжена с правом.

Однако данной констатации явно недостаточно для понимания взаимодействия юридического психолога с заказчиком — в широком смысле с системой права. Требования заказчика должны сводиться не только к процессуальной, но и к содержательной стороне деятельности юридического психолога. Юристы как представители профанного дискурса нуждаются в психологических исследованиях в тех случаях, когда им при необходимости решения определенных задач (организационных, управленческих, следственных, судебных и т. п.) требуется применение специальных знаний в области психологии. Специальные знания — это не просто знания области научной психологии, они являются специальными применительно к целям юридической деятельности. Следовательно, выводы, положения и рекомендации, вытекающие из исследований в юридической психологии, должны иметь юридическое значение и в ряде случаев (например, в судебной экспертизе) могут повлечь за собой определенные правовые последствия. Необходимо согласиться с положением, что исследования в юридической психологии имеют значение тогда, когда «вскрывается именно юридическая специфика психологического» [5].

Проиллюстрируем указанное примерами. Так, если проводится экспериментальное исследование синдрома эмоционального выгорания у судебного эксперта-психолога в психогигиенических целях предупреждения развития невротических состояний для выработки профилактических и психокоррекционных мер, то такое исследование не имеет специфики юридической психологии, его можно отнести к клинико-психологическому изучению специфического объекта — участника уголовного процесса и судопроизводства. Такое исследование в принципе ничем не отличается от изучения данного синдрома у представителей иных профессий с выраженным коммуникативным компонентом и повышенной ответственностью. Если же данные о синдроме эмоционального выгорания у психолога связаны с его судебно-экспертной деятельностью, а также выявлена связь выраженности этого синдрома с незаконной «гуманностью» или «жестокостью» при вынесении экспертных заключений, то в таком исследовании четко будет прослеживаться юридико-психологическая специфика. Другой пример. Если психолог при судебно-психологической экспертизе эмоционального состояния обвиняемого ограничивается констатацией «стресса», «растерянности», «эмоционального напряжения» и т. п., то его заключение вряд ли может быть использовано в полной мере судом. Если же эксперт знает, что для квалификации ст. 107 УК РФ («Убийство, совершенное в состоянии аффекта») имеют значение эмоциональные реакции и состояния, которые характеризуются внезапностью возникновения, развиваются в ответ на психотравмирующие воздей-

ствия со стороны потерпевшего или на длительную психотравмирующую ситуацию, связанную с поведением потерпевшего, и на высоте своего развития резко ограничивают способность обвиняемого в осознанно-произвольной регуляции своих криминальных действий, то он в заключении опишет уголовно-релевантные признаки эмоционального состояния, на основе которых суд сможет квалифицировать аффект как признак состава преступления.

Возвращаясь к пункту 1, можно отметить, что юридическое значение психологических исследований невозможно определить без психотехнического предмета исследования: в судебной экспертизе — без четких критериев судебно-психологической экспертной оценки психических явлений; в психокоррекционной работе и психологическом консультировании работников правоохранительных органов — без метода, объединяющего участников психотерапевтического процесса; в кадровой работе — без психологических критериев эффективности профессиональной деятельности и т. д.

Таким образом, еще одной методологической особенностью деятельности юридического психолога является *исследование особенностей психической деятельности, имеющих юридическое значение и влекущих за собой определенные правовые последствия*.

3. Теперь, когда мы показали, что исследование в юридической психологии — это психотехническое познание, в котором важное значение имеют не только знания об объекте, но и знание средств и способов взаимодействия с объектом, и что характерной особенностью такого психотехнического позна-

ния выступает исследование особенностей психической деятельности, имеющих юридическое значение, самое время задуматься и о проблеме субъекта познания, то есть проблеме специальных знаний юридического психолога.

Только решение проблемы субъекта познания позволит юридической психологии, как отрасли практической психологии с ее психотехническим потенциалом, приобрести статус постнеклассической науки — науки, учитывающей соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностями средств и методов деятельности, но и со структурой специальных психологических знаний, которые, в свою очередь, связаны с ценностными социальными и внутринаучными структурами [9].

Проблема специальных знаний юридического психолога имеет три аспекта. Очень важную роль играет вопрос о содержании или объеме специальных знаний юридического психолога, учитывая как психологические, так и юридические составляющие. Мало освещенной является проблема структуры специальных знаний, имеющая отношение к более общей проблеме профессионального образа мира. И, наконец, и с первым и со вторым аспектами связан третий — «модель специалиста» на основе компетентностного подхода. Этот аспект выдвигается на первый план в свете реформы системы образования и реализации Болонских принципов высшего образования в нашей стране.

3.1. Очевидно, что процесс формирования специальных знаний юридического психолога должен быть *междисциплинарным*. В первую очередь в объем знаний юридического психолога должны входить знания юриспруденции по край-

ней мере в двух проявлениях. С одной стороны, это знания о законодательной регламентации профессиональной деятельности психолога (это особо касается юридических психологов «в погонах» и судебных экспертов), с другой — четкие представления о юридических последствиях результатов научных исследований и практической деятельности психолога.

Кроме того, формирование специальных знаний юридического психолога должно быть *многопредметным*. Многопредметность определяется описанным ранее соотношением теоретических областей и прикладных отраслей психологии: объем знаний юридического психолога должен охватывать, наряду с общей психологией, и возрастную, и социальную, и клиническую и другие области психологии. Также решение разнообразных задач в криминальной, судебной, пенитенциарной, правовой психологии, судебной экспертизе определяет необходимость включения в юридико-психологические знания ряда медицинских (психиатрии, сексологии и наркологии) и комплексных (суицидологии, криминологии, виктимологии и др.) наук в определенном объеме.

Только при условии междисциплинарного и многопредметного формирования специальных знаний юридического психолога возможно применение в научных и прикладных исследованиях *системного* подхода.

Однако провозглашение системного подхода как методологической основы любой научной работы создает немалые трудности при необходимости его операционализации. Главная опасность заключается в том, что использование системного подхода часто остается де-

кларативным. Другое препятствие возникает в тех случаях, когда его применение ограничивается только рассмотрением системного строения исследуемого предмета, а процесс научного познания протекает традиционным способом или подменяется комплексным подходом, учитывающим достижения и методы исследования различных областей знания (например, психологии и психиатрии), которые тем не менее не образуют системной методологии. Современные теории системного подхода требуют качества системности не только от изучаемого явления, но и от процесса его познания [13], рассматривают системность как свойство не только сложности первого исследуемого уровня, но и как признак сложности второго уровня — системы наблюдения [12].

Другой аспект системного подхода — это взаимодействие психологии с заказчиком исследования — юриспруденцией. На объектном уровне — уровне профессиональной деятельности юридического психолога в его взаимоотношениях с юристами — системный подход реализуется во взаимопроникновении теории и практики. Ю. Хабермас выделяет соотношение теории и практики как существенный аспект реального применения системного подхода к сложным социальным системам [14]. Он рассматривает следующие функции взаимодействия теории и практики: 1) формулировка теоретических положений с их верификацией эмпирическими фактами; 2) установление подлинности этих теоретических положений (верификации недостаточно) через их «ратификацию» теми, кто применяет эти знания; 3) выделение конкретных стратегий применения теоретических знаний.

3.2. Еще одним аспектом проблемы специальных знаний юридического психолога является вопрос об их структуре. Основываясь на идеях Е.Ю. Артемьевой [1], структуру юридико-психологических знаний можно представить в виде трехуровневой парадигмальной модели.

Внешний слой (когнитивный) — заключается в субъектной идентификации психических явлений в терминах базовой — психологии, а также смежных наук: психиатрии, виктимологии, суицидологии и т. п. Объектно этому уровню соответствуют теоретические и эмпирически выделенные представления о тех или иных сторонах психических явлений, зафиксированные в словарях, глоссариях, всевозможных классификациях, учебниках, пособиях, монографиях и т. д.

Следующий, более глубинный, уровень — гносеологический — представляет собой воплощение междисциплинарного формирования знаний юридического психолога и включает в себя, наряду с многопредметными базовыми дисциплинами, и юридические знания в освещенном ранее аспекте. Эта юридическая составляющая специальных знаний и определяет юридическую значимость исследуемых психических явлений и может повлечь за собой определенные правовые последствия. Объектно этот слой можно описать с помощью тезауруса, центральными смысловыми точками которого будут являться уже не общепсихологические, а правовые понятия, определяющие юридическую значимость диагностируемых на первом уровне психических явлений (примеры таких тезаурусов в области судебно-психологической экспертизы мы приводили еще в 1998 г. [8]).

И, наконец, центральным глубинным слоем структуры специальных познаний юридического психолога является система генерализованных недифференцированных смыслов, аккумулирующих не только когнитивный, но и эмоционально-мотивационный, и ценностный опыт эксперта. Этот уровень, с одной стороны, аксиологический, а с другой — практически не вербализуем, мало осознаваем и составляет ту часть профессиональных знаний, которую обычно называют «искусством» проведения психологического исследования. Именно на этом уровне могут проявляться дисфункциональные состояния (типа «эмоционального выгорания» и «профессиональной деформации»), нарушающие профессиональную деятельность юридического психолога.

3.3. Последний аспект проблемы специальных знаний юридического психолога мало освещался в научной литературе (В.Ф. Енгальчев). Он касается процесса формирования этих знаний и заключается в построении модели специалиста на основе компетентностного подхода. В соответствии с реализацией Болонских принципов высшего образования в нашей стране этот аспект в скором будущем выдвинется на первый план, и будет положен в основу обучения узких профессионалов как в специалитете, так и в магистратуре.

Понятие «компетенция» (по Европейскому проекту TUNING) включает в себя: знание и понимание (теоретическое знание академической области, способность знать и понимать), знание как действовать (практическое и оперативное применение знаний к конкретным ситуациям), знание как быть (ценности как неотъемлемая часть способа восприятия и жизни с другими в соци-

альном контексте). Такое членение хорошо коррелирует с описанной ранее структурой специальных знаний юридического психолога: понятие «компетенция» включает в себя не только когнитивную и операционно-технологическую составляющие, но и мотивационную, этическую, социальную, поведенческую стороны.

В настоящее время складывается интересная ситуация: все три сохранившиеся специальности по направлению «Психология» («Клиническая психология», «Педагогика и психология девиантного поведения», «Психология служебной деятельности») так или иначе относятся к юридической психологии. В связи с этим особенно важно при обсуждении и воплощении стандартов внедрять учебные программы, формирующие как общие (универсальные, ключевые, надпрофессиональные), так и предметно-специализированные (профессиональные) компетенции по разным специализациям юридической психологии. В свою очередь в основе магистерских программ должны лежать как раз профессионально-специализированные компетенции по узким профилям юридической психологии.

Итак, в настоящей статье мы попытались в контексте концепции эволюции типов научной рациональности выделить основные признаки специальной методологии нашей научной отрасли. С нашей точки зрения, они сводятся к следующему:

1. Психотехнический подход.
2. Исследование особенностей психической деятельности, имеющих юридическое значение и влекущих за собой определенные правовые последствия.

3. Многопредметное и междисциплинарное формирование специальных знаний.

4. Применение системного подхода 2-го порядка.

5. Компетентностный подход при формировании специальных знаний юридического психолога.

Хотелось бы надеяться, что будут высказаны иные (развивающие, дополняющие или опровергающие) позиции по проблеме специальной методологии юридической психологии.

Литература

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. — М., 1999. — 350 с.
2. Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопр. психологии. — 1986. — № 6.
3. Коченов М.М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. — М., 1991.
4. Кэмпбелл Д. Методы экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. — М., 1980.
5. Прикладная юридическая психология / под ред. А.М. Столяренко. — М.: Юнити-Дана, 2000. — 639 с.
6. Ратинов А.Р., Ефремова Г.Х. К проблематике юридической психологии // Юрид. психология: сб. науч. тр. — М., 1998.
7. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. — М., 2003. — 300 с.
8. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. — М., 1998. — 192 с.
9. Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. — М., 2000.
10. Тищенко П.Д. Биовласть в эпоху биотехнологий. — М., 2001.
11. Шишков Ф.С., Сафуанов Ф.С. Человек в зеркале психоанализа и уголовное право // Обзорные психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. — 1992. — № 3.
12. Beer S. Cybernetics and management. — Oxford, 1959.
13. Checkland P.B. System thinking, system practice. — Chichester, 1981.
14. Habermas J. Theory and practice. — London, 1974.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ МИССИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В. И. Чернилов

Аннотация: статья посвящена онтологическим проблемам, возникающим во взаимоотношениях человека с правом, традиционно относимых к предмету юридической психологии, в ней развоятся положения о цивилизационном значении юридико-психологического знания и вытекающей из этого необходимости нового понимания путей формирования ее предмета.

Ключевые слова: цивилизация, глобализация, человеческие ресурсы, технократический, онтология, миссия, междисциплинарный подход, предмет юридической психологии.

The summary: this paper is devoted to ontological problems of human-law relations as a traditional subject of juridical psychology, the civilized significance of human-law knowledge and a new approach to the subject of juridical psychology are analyzed.

Keywords: civilization, globalization, human resource, technocratic, ontology, mission, interdisciplinary approach, subject of juridical psychology.

Остро поставленная проблема перехода страны к инновационной стратегии развития как главного условия технологического встраивания в мировую экономику и обретения статуса одного из ведущих геополитических «игроков», столь же остро выдвигает на передний план вопрос качества имеющегося в России человеческого капитала, путей его формирования и рационального использования. По мнению политолога Д.

Бадовского, «в определенный момент выясняется, что критическим ограничителем становится собственно качество человеческого капитала и встает вопрос социальной модернизации, а не технологической и экономической в узком смысле (курсив наш. — В.Ч.). Выясняется, что для того чтобы с этой моделью можно было работать, нужно сделать по сути дела две важные вещи: первая — чтобы у нас система социальных институтов, прежде всего образования, оставалась конкурентоспособной и одной из лучших, а весь комплекс образования и наук работал; и второе — чтобы в России были конкурентоспособные и привлекательные условия жизни...» [1].

Необходимость развития человеческих ресурсов как стратегического вектора государственной политики в настоящее время достаточно хорошо осознана на разных уровнях управления. Без всякого преувеличения можно сказать, что всякие попытки решения проблем стратегического управления «в обход» человеческих ресурсов обречены на провал. Ориентация только на укрепление (наращивание) нормативно-правовой базы имеет свои пределы, обусловленные соображениями политического, финансово-экономического и цивилизационного порядка. Только прорыв в сфере формирования, развития и рационального использования человеческих ресурсов является общепризнанным видом самых эффективных и возобновляемых ресурсов, опора на которые позволяет адекватно от-

вечать на новые угрозы и вызовы нынешнего и предстоящего времени. Следует отметить, что хотя общая идеология ресурсно-ориентированной стратегии управления достаточно хорошо осознана и представлена в целом ряде отечественных и зарубежных публикаций (она развивается с 80-х годов XX в. в рамках концепции формирования, развития и рационального использования психологических ресурсов(потенциала) как стратегического направления деятельности систем управления различного уровня в правоохранительных органах), ее реализация на практике встречается если не сознательное сопротивление, то подчас прохладное отношение. Тому есть множество причин, среди которых главной, по нашему мнению, является трудно искоренимая особенность российского менталитета рассматривать человека в качестве дешевого, готового и всегда под рукой находящегося средства разрешения любых проблемных ситуаций. Иными словами, в России еще не накоплен опыт бережного обращения с этим подлинно стратегическим (в отличие от сырьевых) ресурсом, качество которого определяет состояние национальной безопасности уже сегодня и в геополитической перспективе.

В последнее время наметился определенный сдвиг в осознании необходимости преодоления накопившегося отставания в социальных преобразованиях, наукоемких технологиях и духовной сфере. Своего рода знаком времени стало повышенное внимание к инновационности мышления и действий на всех уровнях и прежде всего на уровне требований к системам управления (менеджменту ведомства, организации, а в пределе — каждому руководителю). Эта

задача выдвинута в качестве важнейшего условия обеспечения национальной безопасности страны, конкурентных преимуществ в XXI в.

С нашей точки зрения весомый вклад в решение этих грандиозных задач должна внести и юридическая психология. Рассмотрим некоторые из перспективных направлений ее развития, актуальность которых обусловлена целым рядом ранее трудно уловимых реалий.

Главным направлением исследований юридической психологии является анализ взаимоотношений в системе «человек-право», в настоящее время это одна из наименее разработанных областей исследований. Анализ наиболее авторитетных исследований в юридической психологии свидетельствует о предпочтении их авторов изучать скорее профессиональную деятельность в сфере правопорядка, чем сложившиеся тенденции в сфере правотворчества и функционирования самой системы права. За некоторым исключением (работы О.Д. Ситковской, где обстоятельно освещаются вопросы соотношения психологии с правом, особенно с уголовным) проблематике «человек-право» до сих пор уделяется мало внимания, а имеющиеся результаты исследований во многом не соответствуют реальному масштабу сложности возникающих в этой сфере проблем. Неудивительно, что эта сторона проблемы основательно затронута не юридическими психологами, а юристами, осознавшими необходимость критически-рефлексивного осмысления сложившегося положения дел. Рассмотрим некоторые из поставленных при этом задач юридико-психологического характера.

В процессе обстоятельного анализа системы правового обеспечения стратегического управления в правоохранительной сфере начальник правового департамента МВД России В.В. Черников привел данные, представляющие большой интерес в рамках исследуемой проблемы. В частности, он отметил, что «современная правовая база правоохранительной деятельности весьма объемна. К примеру, только прямое упоминание органов внутренних дел (милиции) содержат 119 федеральных конституционных законов и федеральных законов... действует свыше 11,4 тысячи нормативных правовых актов МВД России, регулирующих сферу внутренних дел» [4, с. 23]. Исходя из этого и на основе ряда других фактов автор делает вывод о наличии своего рода коллизии. С одной стороны, есть общественные отношения, которые нуждаются в правовом урегулировании, и они без сомнения будут регулироваться, с другой — нет четких критериев областей социальной жизни, подлежащих формализации. Это приводит, по выражению автора, к тенденции «неправомерного вмешательства в настоящее людское бытие». Подобная тенденция наблюдается не только в нашей стране, в подтверждение чего он цитирует высказывание известного итальянского правоведа, в котором подчеркивается неразумность растущего ограничения областей стихийного взаимодействия индивидов и преувеличение необходимости регулирования группового поведения [4, с. 23]. И если с необходимостью регулирования стихийного поведения индивидов и групп можно было бы смириться, то превышение некой, гипотетически существующей, меры самостоятельности должно повлечь за собой

особое внимание со стороны специалистов в сфере человековедения.

Для понимания негативных психологических следствий диспропорции между результатами подобного рода правотворчества и природой человека (не говоря уже о возможностях реализации) совершенно необязательно было ссылаться на зарубежный авторитет. Достаточно было вспомнить предостережения отечественных ученых, сделанные еще в первой половине прошлого века (И.П. Павлов и его «рефлекс свободы», С.Л. Рубинштейн о внешних детерминантах поведения и внутренних условиях, А.Н. Леонтьев о единстве внешней и внутренней деятельности и др.). Однако В.В. Черников прав по существу поднятой им на фундаментальном уровне проблемы: история человеческой цивилизации доказала, что тотальное регламентирование жизнедеятельности (в любой форме) ведет к нарушению меры регулирования и саморегулирования в поведении человека. И в этом плане не контролируемое никакими сдерживающими соображениями вторжение норматива в систему регуляции поведения человека не оставляет ему «ни глотка» самостоятельности, разрушает ее и по своим последствиям ничем не лучше политической тирании, с которой его роднит власть принуждения. На этом фоне как-то блекнут феномены правового нигилизма или неразвитого правового сознания, о которых так пекутся многие юристы и юридические психологи.

Отмеченная коллизия немедленно обнаруживается не только на фундаментальном уровне, но и при попытках бесконечно дробного урегулирования всех сторон деятельности сотрудников правоохранительных органов. В психологиче-

ском плане подобного рода тенденцию, с нашей точки зрения, следует оценить как тревожную. В данном случае речь может идти о подавлении механизмов регуляции поведения человека на основе исключительно нормативно-правовой регламентации, неизменно сопровождающейся угрозой правового принуждения. Казалось бы, совершенно понятно, что это тупиковый путь. Однако многие сферы деятельности сотрудников правоохранительных органов нуждаются (и будут нуждаться!) в более углубленном правовом обеспечении.

Так, в системе «право-человек» возникает проблема меры регулирования и саморегулирования (управления-самоуправления), которая не может быть зафиксирована раз и навсегда, превращая процессы управления на всех уровнях скорее в искусство, интуицию и культуру, чем в строгую науку. Сама по себе нормативно-правовая основа человеческой деятельности есть только некое основание этой деятельности, остается потенциально существующей без ее реализации в живой человеческой деятельности. В известном смысле бытие права только и возможно в реальности человеческой деятельности. Вместе с тем в настоящее время уже не только возможно, но и необходимо говорить о прогрессирующем (на фоне отмеченного лавинообразного роста числа нормативно-правовых актов во всех сферах человеческой жизнедеятельности) *отчуждении человека от права*. Усложнение системы права, даже лишь в количественном отношении, делает невозможным для простого человека самостоятельное пользование правовыми средствами в полном объеме. Следствием этого становится столь же лави-

нообразный рост различного рода посредников в виде адвокатов, юридических бюро, консультантов, помощников по юридическим вопросам и др.

Если отмеченная тенденция сохранится, то можно будет вполне обоснованно делать вывод о глобальном технократизме в правотворчестве и правоприменении, то есть принципиальной неспособности законодателя к отражению в нормах права глубинных законов регуляции человеческого поведения. С позиций законодателя человек выступает как некая теоретическая конструкция, с которой всех же приходится считаться. Потребность в понимании того, что происходит в человеческой психологии, возникает только когда на сцене общественной жизни неожиданно появляются такие феномены, как терроризм, экстремизм, коррупция и т. п., представляющие угрозу национальной безопасности. Сегодня такой в очередной раз «незапланированной» в рамках ориентированной исключительно на построение правового государства политики стала проблема межэтнических (и даже межнациональных) отношений. Лидеры ведущих европейских стран (Германия, Франция и Англия) вынуждены были заявить о крахе проводимой ими и их предшественниками политики мультикультурности. К этой проблеме вынужден был обратиться Президент России Д.А. Медведев на заседании президиума Государственного совета, на котором обсуждались вопросы межнационального и межконфессионального согласия, развития национальных культур.

Безусловно, у законодателя существует уже отработанный механизм реагирования на подобного рода «неожиданности». Его главными составляющи-

ми являются либо ужесточение наказания за ставшие массовыми правонарушения, либо отмеченное ранее стремление урегулировать очередные пробелы в законодательстве созданием все большего числа новых правовых норм. Складывается впечатление, что для законодателя не существует никакой потребности сначала понять, что же происходит в современном обществе, какова реальная (обыденная) психология людей, выступающая и как регулятор их поведения и как сопротивляющаяся реализации кабинетных замыслов реальность. Если невозможно не вмешиваться в стихию человеческого бытия, то нужно ли полностью исключать какую-либо возможность со стороны человека самостоятельно строить свое поведение, все в большей степени вынуждая его к действиям исключительно в соответствии с машиной правовых установлений. Тревожная тенденция все большего «закабаления» человека правом и связанным с ним принуждением уже очевидна, но также очевидно и деструктивное влияние на глубинные первоосновы самого человеческого бытия.

Представляется, что проложенные юристами-гуманистами России пути, на которых они обращались к психологии (душе) человека как высшей инстанции, обуславливающей трактовку юридически значимой ситуации, сегодня кардинальным образом повернуты в сторону от человека. На первый план выступила значимость права, не ограниченного ничем, никакими духовными и человеческими ценностями. Формализм, безразличие к судьбе человека, технократизм, не обязывающая к размышлению простота юридических действий (при относительно высоком уровне опла-

ты их субъектов), создали систему стимулов для бездумного и оправданного служения Закону.

Уход от культурно-духовной стороны государственной деятельности повлек за собой массовое распространение правового нигилизма (неизбежного следствия технократизма в правотворчестве и правоприменении), ставшего еще одной напастью для России. Потеря нравственной составляющей, ценностной системы мировоззрения, заложенной Спасителем, которой руководствовались выдающиеся русские юристы прошлого, привела к исчезновению духовного смысла права, духовной и гражданской ответственности за человека (соотечественника, согражданина), в отношении которого выносится то или иное правовое решение.

Из указанного можно сделать вывод о поистине онтологическом существовании, по крайней мере, двух барьеров, препятствующих эффективному функционированию права: 1) извечное несовершенство с содержательной и количественной сторон актуальной нормативно-правовой основы существующей человеческой цивилизации; 2) столь же извечная невозможность ее неукоснительной реализации в любой сфере человеческой деятельности.

Какова же должна быть позиция юридической психологии — науки, по своей сути призванной исследовать проблемы взаимовлияния права и человека? Ответ на этот вопрос, с нашей точки зрения, лежит в обращении к ее *экзистенциальной миссии*, в контексте которой трансформируются представления о ее предмете.

Как уже отмечалось ранее, сегодня в юридической психологии доминируют исследования психологического обеспе-

чения бесконечно дробящихся и столь же бесконечно изменяющихся во времени видов правоохранительной деятельности. При этом подчас довольно сложно провести четкую границу между исследованиями, относимыми к ведению юридической психологии и психологии труда, не говоря уже о такой ее «подотрасли», как психология труда в особых условиях. Юридическими указанными исследованиями квалифицируются большей частью потому, что они выполнены «на материале» правоохранительной деятельности, с «попутно» формулируемыми предложениями по совершенствованию ее нормативно-правового обеспечения. Сущностной характеристикой этого направления исследований является идеология «*психологического обеспечения*». Данное представление об исключительно обеспечивающей роли психологических исследований в решении задач правоохранительной деятельности стимулирует рассмотрение и самой психики, и человека в целом, только в качестве *обеспечивающего средства* реализации целей этой деятельности. Очевидным следствием такого подхода становится превращение правоохранительной деятельности в мифическую самооценку, конструируемую по технократическим лекалам. Представляется, что именно юридической психологии, как никакой другой отрасли психологической науки, надлежит решать фундаментальные проблемы гуманистической коррекции сложившегося в отечественной правовой науке подхода. Необходимо восстановить онтологический статус психического, оттесненного на второй план сначала хорошо известной в психологии теорией отражения, а затем поверхностной и сиюми-

нотно ориентированной прагматизацией. Только в этом случае, юридическая психология должна выполнить свою экзистенциальную миссию.

Необходимость обращения к изучению психики в онтологическом плане в настоящее время глубоко осознана. С точки зрения В.А. Барабанщикова, «долгое время онтология психических явлений считалась проблемой «второго плана» и отдавалась «на откуп» смежным дисциплинам — физиологии, логике, социологии или информатике... Сегодня становится очевидно, что без учета способа существования психических явлений, их бытия психологическое знание остается принципиально неполным, а в практическом отношении — весьма ограниченным» [2, с. 23]. Представляется, что указанное применительно к психологическому знанию в полной мере относится к любому виду практической деятельности, решающей свои проблемы без учета онтологии человеческой психики. Вместе с тем выход психического со второго плана на первый влечет за собой смену упомянутой идеологии «психологического обеспечения» на идеологию «обеспечения психического». Первые практические результаты ее реализации в юридической психологии уже имеются (различного рода психологические экспертизы, работы по проблемам психологической безопасности личности и общества, исследования в сфере экологической психологии и т. п.). Однако надо при этом отдавать себе отчет в уровне сложности этого направления психологических исследований, обусловленном не только выходом психологии из самой себя в глобальный мир, но и его преобразования по человеческим меркам.

Для юридической психологии заманчиво использовать онтологический подход для решения исходного вопроса — что представляет собой ее предмет. Исторически сложившееся направление такого поиска (еще со времен Ф. Энгельса) опирается на *доминанту территориальности* — новая наука имеет право на существование только при условии наличия не освоенного другими науками предмета исследований. Каждому последователю нового научного направления хочется иметь твердую почву под ногами, то есть предмет научных устремлений. Есть ли такая территория у юридической психологии? Можно ли использовать методологию поиска свободных территорий для построения ее предмета?

В качестве первого фактора, разрушающего подобные территориальные притязания, в настоящее время выступает тотальная глобализация мира и научного мышления о нем. Целый ряд видных ученых подчеркивают, что современное теоретическое и прикладное мышление уже не может не включать в себя глобализацию в качестве важнейшего фактора, определяющего многие существенные характеристики изучаемых или создаваемых объектов. В психологии это требование выступает и как необходимость рассматривать любое изучаемое явление в качестве системы, включенной в систему более высокого порядка или метасистему (А.В. Барабанщиков, А.В. Карпов), и как методология междисциплинарного подхода, за которым стоит реальная взаимосвязанность человека и мира (А.Л. Журавлев, А.В. Юревич и др.). Причем такое расширение масштабов научного анализа в системном и междисциплинарном отношении при-

водит к серьезной трансформации сложившихся ранее представлений о реальных границах любого предмета психологических исследований.

Под напором новых данных не выдерживает критики и еще один оплот отмеченной ранее доминанты территориальности — построение предмета науки на идеологии стыка предметных областей двух наук. Применительно к юридической психологии речь идет о двух, фактически независимо существующих, науках — праве и психологии, каждая из которых при такой интеграции ничего не изменяет в понимании своего предмета. Наиболее последовательно эта точка зрения выражена А.М. Столяренко, полагающим, что юридическая психология «понимает свой предмет в «психологической части» так, как его понимает психологическая наука, а в «юридической части» так, как его понимает юридическая наука» [5, с. 30]. Если даже не принимать в расчет использование термина «часть» как несистемного, то при таком подходе не достигается необходимая системная интеграция стыкуемых реалий, в результате которой стало бы возможным появление некоей новой целостности, по праву способной выступить в качестве предмета особой науки — юридической психологии. Следует отметить, что с аналогичными проблемами при формулировке своих предметов сталкивается целый ряд других отраслей психологического знания (социальная психология, организационная психология и психология управления, политология и т. п.).

Для решения вопроса о предмете юридической психологии весьма полезен опыт построения такового одним из лидеров европейской социальной психологии — С. Московичи. Чем же отли-

чается социальная психология от целого ряда других психологических (и не только) наук? С. Московичи утверждает, что «для ответа на этот вопрос я мог бы заняться историческим и логическим анализом. Это было бы чрезвычайно интересно, но увело бы нас слишком далеко в высшие сферы теории и науки. Я думаю, однако, что воздав должное теории, мы заметим, что в действительности наша наука в меньшей степени отличается своей «территорией», чем своим специфическим подходом... это прежде всего определенный способ рассмотрения явлений и отношений» [3, с. 20-21]. В чем он видит особенности этого подхода? Социальная психология одновременно анализирует и объясняет и психологические и социальные феномены [3, с. 26]. Заметим (применительно к юридической психологии), что речь идет не об отдельных направлениях психологического и юридического анализа в соответствии со сложившимися в этих науках принципами и методами, а об *одновременном* анализе. Иными словами, чисто правовой анализ, равно как и сугубо психологический, ни в каких обособленных своих «частях», не являются адекватными для юридической психологии. Если, конечно, такой подход к построению ее предмета будет принят в качестве методологически исходного. Несколько спрямляя мысль, можно считать методологически некорректным любой правовой анализ, если в нем одновременно не присутствует собственно психологический. Более того, психологическая составляющая мышления в процессе правотворчества имеет как бы двойное бытие — с точки зрения учета адресата конструируемой нормы права (юридическая антропология) и как реально текущий психи-

ческий процесс, включая рефлексивный анализ тех или иных его сторон.

В заключение отметим, что ни поиск своей особой территории, ни обращение к несуществующему «стыку» человека с правом не позволяют конституировать предмет юридической психологии.

С. Московичи, столкнувшись с задачей построения предмета социальной психологии, отказался от поиска в качестве такового особой территории в пользу особого способа рассмотрения социальных явлений, стирающего ранее возведенные грани между личностью и социумом.

Предмет и предназначение юридической психологии есть определенный способ понимания, изучения и служения человеческому бытию, мера благополучия которого должна стать единственным критерием эффективности системы права и его применения. Человечество упаковано в праве, вопрос заключается только в мере гармонии. Именно в поиске ее видится нам великая экзистенциальная миссия юридической психологии.

Литература

1. Бадковский Д. Россия может стать одним из глобальных R&D центров: комментарий политолога об инновационной стратегии страны URL: <http://er.ru/er/text.shtml?18/5466,111110#>.
2. Барабанщиков В.А. Системность в психологии: методологическая позиция и пути ее реализации // Системная организация и детерминация психики / под ред. В.А. Барабанщикова. — М., 2008.
3. Социальная психология / под ред. С. Московичи. — 7-е изд. — СПб.: Питер, 2007.
4. Черников В.В. Правовой аспект стратегического управления в правоохранительной сфере // Стратегическое управление в правоохранительной сфере: проблемы теории и практики: сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 31 окт. 2008 г.). — М.: Академия управления МВД России, 2009.
5. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А.М. Столяренко. — М., 2003.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ: СИСТЕМНО ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

А. Н. Пастушеня

Аннотация: в статье излагаются теоретико-методологические основания психологического объяснения преступного поведения. Рассматривается модель психологического механизма такого поведения, который структурно-функционально раскрывает психическую деятельность, детерминирующую поведение в соотношении с внешними факторами. Обосновывается положение о том, что центральным звеном в этом механизме является целеполагание. Анализируется воздействие на психическую регуляцию внешних условий, фонового психического состояния субъекта и его актуальной социальной роли. Обращается внимание на уровневое строение психической деятельности, включающее интеллектуальную, эмоциональную, импульсивную регуляцию.

Ключевые слова: психологический механизм преступного поведения, психическая деятельность, личность субъекта преступного поведения, внешние условия, уровни психической регуляции.

The summary: theoretical-methodological basis of psychological explanation of criminal behaviour is considered in the article. The model of psychological mechanism of such behaviour which structurally reveals psychological activity, determining behaviour in correlation with external factors is considered. It is grounded that the central link in this mechanism is aim. The influence on psychic regulation of external conditions, background psychic condition of a subject and his actually social role is

analyzed. Special attention is paid to level structure of psychic activity, including intellectual, emotional, impulsive regulation.

Keywords: psychological mechanism of criminal behaviour, psychic activity, personality of a subject of criminal behaviour, external conditions, levels of psychic regulation.

Применение мер уголовной ответственности основывается на оценке вины субъекта преступления. В уголовном законе используется ряд понятий, выражающих различные характеристики психологической стороны деяния и личности его субъекта: «субъективная сторона преступления», «умысел» и «неосторожность», «мотив» и «цель», «состояние аффекта», «уменьшенная вменяемость», «личность виновного» и др. Эти понятия выражают различные составляющие психической деятельности субъекта, подготавливающей поведение во внутреннем плане и регулирующей его осуществление. Их познание позволяет более полно понять внутреннее и внешние факторы преступления, более точно воспроизвести процесс его совершения, установить характер и степень вины субъекта.

Психологическое объяснение социального поведения, в том числе противоправных деяний, основывается на ряде методологических принципов психологии: детерминизма, системности, единства сознания и деятельности, личностного и деятельностного под-

ходов и др. Согласно принципу *детерминизма* (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов), психологическое объяснение преступного поведения должно учитывать взаимодействие внутренних (психических) и внешних [социальных] факторов в его происхождении. Такое взаимодействие выражается в том, что внешние условия и влияния воспринимаются и субъективно оцениваются индивидом в соотношении с его потребностями, интересами, отношениями, чувствами и другими психологическими свойствами личности и в соответствии с этой оценкой влияют на поведение. Их влияние может иметь различную силу и направленность. Так, внешние условия могут ставить индивида в сложную ситуацию, угрожающую личностным ценностям, из которой он не может найти правомерный выход. Такие внешние условия приобретают функцию внешней причинной детерминанты. В то же время их причинный характер соотносится с личностными предпосылками субъекта — его податливостью криминогенным влияниям обстоятельств.

В соответствии с *принципом единства сознания и деятельности* виновно совершенное противоправное деяние индивида рассматривается как осознанная произвольная активность. Этот принцип определяет, что такая активность является мотивированной, основывается на субъективном понимании значения деяния, осуществляется на основе свободы воли. Однако общеизвестно, что в психической регуляции преступного поведения присутствуют и подсознательные непроизвольные явления. Они выступают как неосознаваемые мотивы (влечения, зависимости, травматические комплексы и др.),

а также автоматизмы действий и операций (инстинкты, рефлексy, стереотипы, навыки и др.). Однако их проявление не исключает осознания психически нормальным человеком противоправности собственных действий и способности ими сознательно управлять, за исключением случаев, когда он не знает об уголовной наказуемости деяния.

Личностный подход (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, К.К. Платонов, Б.Ф. Ломов, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский) определяет, что совершение преступного деяния происходит в силу психологических свойств субъекта, определенная совокупность которых образует внутреннюю причину такого деяния. Лицо, совершившее преступление, обладает склонностями к определенным преступным деяниям либо у него не сформирована антикриминальная устойчивость личности. Последняя выражается в податливости криминогенному влиянию со стороны других лиц либо отсутствии способности найти правомерный выход из проблемной ситуации и допустимости в этом случае криминального варианта действий. Личность субъекта преступления, рассматриваемая как система психологических свойств, содержит внутренние предпосылки преступного поведения. Из этого вытекает и обратное утверждение — преступление не может совершить человек, не имеющий криминогенной склонности и обладающий по своим личным качествам устойчивостью против криминогенного влияния внешних факторов.

Деятельностный подход (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, К.К. Ломов, К.К. Платонов, В.П. Зинченко, С.Д. Смирнов и др.) основывается на положениях психологической теории деятельности.

Его суть заключается в том, что поведение человека (как и его деятельность) детерминировано психической деятельностью. Эта психическая деятельность включает в себя ряд элементов, представляющих отражательные и регулятивные психические процессы: формирование образа внешних условий, мотивации, цели, мобилизация волевых усилий, реализация умений и др. Для психологического объяснения преступного поведения необходима оценка функциональных и содержательных сторон этих психических процессов.

Всестороннее и глубокое психологическое объяснение преступного поведения требует опоры на *принцип системности* (В.А. Ганзен, В.В. Дружинин, М.Ю. Казаринов, Б.Ф. Ломов, А.М. Столяренко). В соответствии с этим принципом психическая регуляция преступного поведения должна рассматриваться как открытая динамическая система. Системное описание психической регуляции предполагает раскрытие структуры ее элементов (какие психические явления она включает в себя) и их взаимодействий, в результате которых происходит подготовка поведения во внутреннем плане и его исполнительная регуляция. Системный подход также требует рассмотрения внешних факторов преступного поведения как целостной совокупности социальных условий, имеющих различную степень непосредственности и динамичности влияния на внутренний мир индивида: события и ситуации, характеризующиеся определенными обстоятельствами, с которыми сталкивается индивид; непосредственные условия его жизнедеятельности, включая его ближайшее социальное окружение; специфические социальные условия региона проживания;

социальные условия в стране.

Для системного психологического объяснения преступного поведения с реализацией требований перечисленных методологических принципов необходимо использование рациональных объяснительных схем и адекватных им понятий. В качестве понятия, обладающего необходимым объяснительным потенциалом, выступает понятие «психологический механизм». Несмотря на частое его использование в научной литературе для объяснения психических явлений понятия «механизм», его определение не имеет общепринятой трактовки и используется в существенно различающихся значениях. Толкование (лексическое значение) слова «механизм», приведенное С.И. Ожеговым, обозначает: «система, устройство, определяющее порядок какого-нибудь вида деятельности» [5, с. 300]. В энциклопедическом словаре термин «механизм» определяется как система, предназначенная для преобразования движения одних тел в требуемое движение других тел [4, с. 722]. В этом определении акцент делается на взаимодействие элементов системы, приводящее к требуемому движению. При рассмотрении психической регуляции социального поведения (в том числе преступного) как открытой самоорганизующейся динамической системы важное значение приобретает раскрытие структуры ее элементов, их функций и взаимодействий, порождающих реальное поведение индивида. В связи с этим использование понятия психологического механизма поведения для такого системно-функционального объяснения психической регуляции социального поведения индивида является весьма приемлемым.

Психологический механизм преступного поведения можно определить как системную совокупность функционально взаимосвязанных психических процессов, состояний и свойств личности субъекта, а также внешних условий, которые в результате взаимодействия детерминируют данное поведение.

Раскрывая психологический механизм преступного поведения, необходимо исходить из положений о психической деятельности, детерминирующей социальное поведение индивида. В ней выделяются два наиболее общих процесса: процесс психического отражения и процесс психической регуляции, которые проявляются в многообразии познавательных, эмоциональных, мотивационных, волевых и других процессов. Эти отражательно-регулятивные процессы одновременно выступают и составляющими психической деятельности, и элементами психологического механизма поведения. Они протекают индивидуально своеобразно и их содержание обусловлено свойствами личности субъекта. Говоря о таких составляющих психической деятельности, С.Л. Рубинштейн обращает внимание на различие психологического строения простых и сложных форм волевого действия (поведения). Он отмечает: «В простом волевом акте побуждение к действию, направленному на более или менее осознанную цель, почти непосредственно переходит в действие, не предваряемое сколько-нибудь сложным и длительным сознательным процессом; сама цель не выходит за пределы непосредственной ситуации, ее осуществление достигается посредством привычных действий, которые производятся почти автоматически, как только дан импульс. Для слож-

ного волевого акта... существенно прежде всего то, что между импульсом и действием вклинивается сложный сознательный процесс. Действию предшествует учет его последствий и осознание его мотивов, принятие решения, возникновение намерения его осуществить, составление плана его осуществления... В сложном волевом действии можно выделить 4 основные стадии или фазы: 1] возникновение побуждения и предварительная постановка цели; 2] стадия обсуждения и борьбы мотивов; 3] решение; 4] исполнение» [8, с. 190]. Б.Ф. Ломов, систематизируя психологическое строение деятельности, включает в нее такие составляющие, как мотив, цель, планирование, переработка текущей информации, оперативный образ (и концептуальная модель), принятие решения, действия, проверка результатов и коррекция действий [2, с. 216-231]. В.Н. Кудрявцев, говоря об основных элементах механизма преступного деяния, обращает внимание на мотивацию, планирование, исполнение. При этом блок планирования предусматривает «определение субъектом его целей, предполагает выбор им объектов своей деятельности, а также средств достижения намеченной цели» [1, с. 32-36]. Признавая наличие указанных составляющих психической деятельности, детерминирующей преступное поведение, необходимо отметить, что важнейшим ее элементом является принятие цели и способ ее достижения, поскольку цель и неразрывно связанный с ней способ выражают правовую направленность планируемых и совершаемых действий.

Обобщая приведенные данные о структурировании психической деятельности субъекта поведения, можно

выделить такие ее составляющие, как: восприятие и оценка ситуации и других социальных условий; прогнозирование хода событий и их значения для себя (личностного смысла); переживание потребности и побуждения к ее удовлетворению; принятие цели, включающей в себя способ ее достижения; формирование плана действий; мобилизация воли и исполнительная регуляция, обеспечивающая реализацию целевой установки. Говоря о такого рода «составляющих», Б.Ф. Ломов указывает, что «они раскрывают различные аспекты (и уровни) регулирующей функции психического в подготовке, организации и выполнении деятельности» [2, с. 217].

На психическую деятельность влияет также состояние нервной системы субъекта и его фоновое психическое состояние, которые представляют собой внутренние условия, не относящиеся к свойствам личности. Основываясь на изложенных посылах, можно выделить следующие основные элементы психоло-

гического механизма преступного поведения:

- процессы психического отражения и регуляции, к основным из которых относятся: социальная перцепция, мотивообразование, целеполагание, исполнительная регуляция;
- личность преступника — прежде всего присущие ей криминогенные свойства, то есть свойства, существенные для порождения преступного деяния;
- внешние условия, включающие в себя социальные условия жизнедеятельности и обстоятельства ситуации, значимые в детерминации преступного поведения;
- актуальная социальная роль субъекта, которая была ему присуща в ситуации совершения преступления;
- внутренние условия — функциональное и фоновое психическое состояние субъекта.

Взаимосвязь этих элементов психологического механизма преступления представлена на рисунке 1.

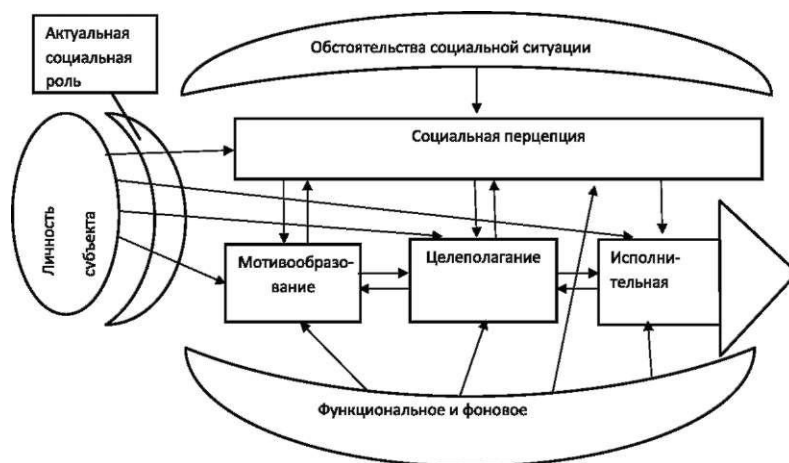

Рис. 1

Кратко охарактеризуем указанные основные элементы психологического механизма преступного поведения.

1. Отражательно-регулятивные психические процессы, образующие в совокупности психическую деятельность, детерминирующую преступное поведение: социальная перцепция, мотивообразование, целеполагание, исполнительная регуляция.

Социальная перцепция — представляет собой восприятие и оценку субъектом внешних условий и своего положения в этих условиях. В качестве внешних условий выступают обстоятельства ситуации, в которой совершается преступление, а также более широкий контекст условий социальной среды и жизнедеятельности индивида, связанных с его социальным положением и выполняемыми социальными ролями. В детерминации преступного поведения внешние условия влияют:

- на мотивообразование, задавая необходимость действовать, когда, например, возникает угроза личностным ценностям субъекта или предоставляется благоприятная возможность для достижения личностно ценного результата;

- принятие преступной цели и способность, когда субъект оценивает необходимость и возможность в сложившихся условиях действовать определенным преступным способом, либо когда другие лица, в том числе члены преступной группы, склоняют к совершению преступного деяния (к принятию преступной цели и способа действий);

- исполнительную регуляцию, когда субъект оценивает внешние условия для адекватного осуществления намеченных действий.

Результатом процесса восприятия является *образ внешних условий*, важнейшей стороной которого выступает значение внешних условий для субъекта поведения. Значение оценивается в личностной системе критериев. Оценка может быть аксиологической (значение для личных ценностей и потребностей), деонтологической (соответствие поведения других людей личностным нормам и принципам), чувственно-эстетической (приятное или неприятное впечатление), операционально-деятельностной (значение для адекватного и точного осуществления намеченных действий) и возможно другие стороны значения. На основе субъективного понимания значения воспринимаемых условий возникает переживание соответствующего отношения к ним, определенных чувств, побуждений, стремлений. Таким образом, процесс восприятия внешних условий влияет на протекание регулятивных процессов: мотивообразования, целеполагания и исполнительной регуляции.

Восприятие и оценка внешних условий лицом, имеющим склонность к совершению преступного деяния, имеет специфические особенности в отличие от их восприятия законопослушным человеком. Отличия проявляются в избирательности восприятия, прежде всего в акценте внимания на возможности достижения желаемого результата противоправным способом, а также на наличие помех для совершения преступления и обстоятельств, способствующих его раскрытию. При моделировании ситуации совершения преступного деяния законопослушные испытуемые проявляли ожидания отрицательных последствий. В отличие от них у большинства

осужденных за подобные преступления проявлялась активная поисковая доминанта (что и как надо делать), вовлеченность в этот процесс и уверенность в успешном исходе.

Мотивообразование — возникновение побуждения к активности — к совершению действий или к воздержанию от действий. Это побуждение может иметь *внутренние и внешние первоисточники*. К внутренним относятся переживания определенных потребностей, притязаний, интересов, чувств и т. д. Внешними выступают обстоятельства ситуации, затрагивающие потребности, интересы, ценности и отношения субъекта. При этом ситуация может оцениваться субъектом как отрицательная для него и требующая разрешения либо, наоборот, как благоприятная, несущая положительные возможности. В результате оценки обстоятельств возникает побуждение, выражающее субъективную необходимость совершения действий, направленных на разрешение проблемной ситуации и удовлетворение потребности. Возникшее побуждение (мотив деяния) приводит к необходимости принятия цели и способа его реализации. Говоря о роли мотива в детерминации преступного деяния, необходимо учесть, что одно и то же побуждение, выражающее желание удовлетворить потребность или разрешить проблемную ситуацию, может быть реализовано различными способами как преступным, так и правомерным. Многие преступления совершаются под влиянием мотивов, присущих жизнедеятельности законопослушных людей. В связи с этим наличие некоторого мотива однозначно не предопределяет совершение преступления. В неосторожных преступлениях проявля-

ются мотивы уклонения от совершения действий, необходимых или юридически обязательных для недопущения вредных последствий.

Целеполагание — принятие цели и способа достижения желаемого результата, определяет принятие субъектом решения совершить противоправное деяние (действия или бездействие). Цель преступного деяния выражает собой желаемый результат, в то же время она неразрывно связана с противоправным способом его достижения. Ибо не осознавая способ достижения желаемого результата, субъект не может действовать целесообразно. В связи с этим есть все основания считать, что результатом процесса целеполагания в детерминации преступного поведения является *криминальная целевая установка*, которая интегрирует *цель* (желаемый результат) и *криминальный способ ее достижения*. Эта установка проявляется как намерение, стремление, решение совершить определенные противоправные действия или не совершать юридически обязательных действий. Такую установку необходимо рассматривать как центральный (системообразующий) элемент психологического механизма преступного поведения. Ее возникновение определяет формирование ситуационной готовности совершить преступное деяние. Криминальная целевая установка может иметь различную степень детальности и конкретности своего содержания. Например, она может выражать только общее намерение субъекта действовать определенным преступным способом (украсть, избить и т. п.) либо представлять собой продуманный детальный план действий, включающий в себя варианты действий при измене-

нии обстоятельств и сокрытие следов преступления.

Исполнительная регуляция — представляет собой регулятивный процесс, обеспечивающий реализацию криминальной целевой установки. Этот процесс имеет обратную связь с целеполаганием и мотивообразованием посредством оценки успешности собственных действий, обстоятельств, а также возникающих трудностей и опасностей. В результате такой обратной связи субъект может корректировать цель, способ, план деяния. У него также могут изменяться побуждения, например, мотивация удовлетворения потребности преступным путем может смениться на мотивацию избежания отрицательных для себя последствий. Процесс исполнительной регуляции происходит по закономерностям, описанным Д.Н. Узнадзе, и включает в себя сочетание стадий выполнения привычных действий без активного участия сознания и стадий, когда сознание активизировано для оценки обстановки и коррекции плана действий («объективация») [9]. В исполнительной регуляции реализуются способности, умения, навыки, привычки, стереотипы. Этот процесс поддерживается волевыми усилиями субъекта.

2. Личность субъекта преступного поведения представляет собой системную совокупность психологических свойств, выступающих внутренней потенциальной предпосылкой такого поведения. Определенный комплекс психологических свойств личности образует склонность к некоторому виду противоправных деяний при определенных условиях.

Психологические свойства личности детерминируют такое содержание

отражательно-регулятивных процессов (восприятия, мотивообразования, целеполагания], в силу которого у индивида возникает состояние готовности к противозаконному деянию. Так, содержание восприятия и оценки ситуации, в которой совершается преступление, порождают определенные знания, представления, ожидания, эмоционально-оценочные установки, ценностные ориентации и отношения личности. Благодаря им у субъекта возникает такое понимание значения ситуации, которое способствует совершению противоправных действий. Мотивацию деяния порождают потребности, влечения, притязания, ценностные ориентации, чувства, отношения и другие свойства личности. Принятие преступной цели и способа действий предопределяет представления, предубеждения, отношения, касающиеся преступных способов, личностные нормы (правила] и поведенческие установки. В исполнительной регуляции поведения реализуются умения, навыки, стереотипы, способности, волевые качества.

Основу криминогенной склонности представляет личностная приемлемость определенного преступного способа удовлетворения потребности или разрешения проблемной ситуации. Такая приемлемость выражает преобладающе положительную представленность преступного способа в психическом мире личности. Эта представленность может проявляться в том, что субъект видит прежде всего положительные стороны криминального способа (быстрый, легкий, доступный, результативный, единственно возможный и т. п.) и не придает определяющего значения его отрицательным последствиям. Подобные представления о преступном спосо-

бе интегрируются в преобладающе положительное отношение к нему. Положительная представленность преступного способа может проявляться и в более зрелом виде — как криминальная личностная норма, которая выражает усвоенное индивидом правило действовать таким способом в определенных случаях. И наконец, наиболее высокая зрелость криминогенной склонности определяется наличием криминальной личностной установки, которая интегрирует указанную криминальную норму и операциональную готовность к совершению преступных действий (навыки, стереотипы).

Криминогенная склонность личности, как было отмечено ранее, может иметь различную степень сформированности (зрелости). Так, можно условно выделить зрелую форму личностной склонности к преступному поведению, проявляющуюся в потенциальной готовности использовать преступный способ действий для удовлетворения определенных потребностей или разрешения некоторых проблемных ситуаций. Она может реализоваться в совершении преступного деяния по собственной инициативе или в виде криминальной реакции на определенные обстоятельства ситуации. Можно также выделить и недостаточно сформированную склонность, которую целесообразно считать отсутствием у индивида антикриминальной устойчивости. В этом случае у него нет отрицательного отношения к преступному способу и он поддается криминогенным влияниям со стороны других лиц или обстоятельств, не способен им противостоять.

3. Актуальная социальная роль, которую выполняет субъект в ситуации,

связанной с совершением преступного деяния, также имеет свое влияние на его поведение. В соответствии с выполняемой социальной ролью у субъекта актуализированы определенные поведенческие социально-ролевые установки. Они преломляют отражательно-регулятивные процессы. Под их влиянием субъект оценивает внешние условия, испытывает побуждения и принимает решения, ориентируясь на свое ролевое положение и связанные с ним обязанности, ожидания присутствующих, усвоенные принципы и правила ролевого поведения. В одинаковых ситуациях субъект в зависимости от своего ролевого положения может действовать по-разному. Например, он может не реагировать на бестактное поведение другого лица, находясь среди незнакомых людей, однако в той же обстановке, но в роли семьянина (мужа, родителя) он вынужден оказать воздействие на этого человека, чтобы прекратить его действия и сохранить свое достоинство в глазах близких людей.

4. Внешние условия в механизме преступного поведения представляют собой обстоятельства ситуации, в том числе поведение других лиц, а также условия жизнедеятельности индивида, которые являются значимыми в его детерминации. К числу внешних условий относятся и действия потерпевших, соучастников преступления. Преступная группа выступает для конкретного ее члена элементом внешних условий, существенно детерминирующим его преступное поведение. Влияние внешних условий опосредовано их субъективным отражением. Воспринимая внешние условия, субъект индивидуально своеобразно понимает и оценивает их зна-

чение. Внешние условия, будучи субъективно воспринятыми, могут по-разному влиять на поведение индивида — способствовать или препятствовать совершению преступления. По своим объективным свойствам внешние условия и влияния могут быть вынуждающими к совершению преступления, провоцирующими, стимулирующими, относительно нейтральными либо препятствующими его совершению. Они могут как носить управляющий характер (внушение, принуждение, подстрекательство, предоставление благоприятной возможности для совершения преступления), так и ограничивать возможность удовлетворения потребности правомерным способом.

5. Внутренние условия представляют собой функциональное и фоновое психическое состояние субъекта. Эти состояния существенно влияют функциональную сторону психической деятельности, прежде всего на преобладание определенного уровня психической активности индивида: интеллектуального (действует рационально на основе разумного расчета), эмоционального (действует по воле чувств и в силу настроения) либо импульсивного (действует на основе автоматизмов). Они могут также влиять на восприятие внешних условий, содержание и интенсивность мотивации, волевые усилия субъекта, что обуславливает принимаемые субъектом решения и его поведение. Наиболее существенно на психическую регуляцию поведения влияют состояния повышенного нервно-психического возбуждения либо усталости, заторможенности, а также состояние опьянения или одурманенности в результате употребления алкоголя, наркотических, токсических или пси-

хотропных веществ. Указанные состояния в зависимости от их характера могут активизировать либо тормозить психическую и физическую активность субъекта, способствовать импульсивности его поведения или обуславливать искажение психических функций.

После определения основных элементов психологического механизма преступного поведения необходимо отметить, что с помощью его модели раскрывается детерминация преступного поведения как открытая динамическая система. Для прикладного использования знания особое значение имеет выделение системообразующего элемента данной системы, причинно детерминирующего ее внешнюю функцию [3], то есть выражает внутреннюю необходимость совершения преступного деяния. В качестве такого элемента выступает преступная цель, включающая в себя преступный способ достижения желаемого результата — криминальная целевая установка. Остальные элементы следует рассматривать с точки зрения их влияния на формирование указанной установки.

Важное значение имеет также понимание соотношения внутренних (личностных) и внешних факторов преступного поведения. А.Р. Ратинов верно отмечает: «Интегральная оценка личности и ситуации с точки зрения криминальности позволяет представить их взаимодействие как взаимное подкрепление, усиление либо ослабление, погашение друг друга. Результат взаимодействия — правомерный или противоправный — зависит от характера сочетания и сравнительной интенсивности конкурирующих факторов различной модальности (направленности)» [7, с. 6-7].

Причинная связь внешних и внутренних факторов в порождении преступного поведения должна также рассматриваться в зависимости от *степени развития криминогенной склонности личности*. Степень ее развития задает характер детерминации преступного поведения. При высоком развитии такой склонности детерминация будет представлять собой ее актуализацию. В этом случае индивид проявляет инициативу в совершении преступления, ищет или создает условия для его совершения. При недостаточно зрелой склонности субъект может совершить преступное деяние при случайно возникших благоприятных или провоцирующих обстоятельствах, однако он не предрасположен осуществлять их поиск или создание. Низкая степень зрелости криминогенной склонности может проявляться в неопределенном или противоречивом отношении субъекта к преступному способу, что выражает недостаточную антикриминальную устойчивость личности. В этом случае внешние условия и воздействия других лиц, подстрекающих к совершению преступления, будут выступать исходной причиной преступного деяния.

Важнейшим аспектом рассмотрения психологического механизма преступного поведения является раскрытие *уровневого строения психической деятельности*, детерминирующей данное поведение. Диалектическое соотношение различных уровней психической деятельности определено Б.Ф. Ломовым [1, с. 226] и Я.А. Пономаревым [6, с. 13-37] в положениях о структурных уровнях организации психологического механизма поведения. Так, Я.А. Пономарев показывает, что механизм поведения представляет собой единство его

перво- и второсигнального компонентов, которое включает в себя иерархию плавно переходящих один в другой структурных уровней его организации.

Уровневое строение психической деятельности может также рассматриваться как сочетание сознательной и бессознательной (подсознательной) регуляции. В различные моменты данная психическая деятельность протекает при различной активности сознания и различной актуализации когнитивных, эмоциональных процессов и автоматизмов. Сознательная регуляция обозначается такими понятиями, как произвольная, преднамеренная, целесообразная, планомерная, рациональная, осознанно мотивированная, надситуативная. При ее доминировании ведущая роль принадлежит когнитивным процессам (понимания, мышления, воображения). Ее противоположность представляет подсознательная регуляция, которую обозначают непроизвольная, непреднамеренная, импульсивная, стереотипная, иррациональная, непосредственная и т. д. Она проявляется в актуализации оценочных стереотипов и автоматизмов, регулирующих действия, в качестве которых выступают инстинкты, рефлексy, привычки, навыки, стереотипы и др. Альтернативой когнитивных процессов выступает эмоциональная регуляция, которая в определенные периоды может являться доминирующей. В качестве ее внутренних детерминантов выступают чувства, в том числе эмоциональные отношения, эмоционально-оценочные установки, мотивообразующие эмоциональные переживания, настроения.

Основываясь на отличительных особенностях сознательной и подсознательной, первосигнальной и второсиг-

нальной, когнитивной и эмоциональной составляющих психической деятельности, можно условно выделить три структурных уровня психической регуляции поведения: интеллектуальную, эмоциональную и импульсивную. Эта дифференциация дополняет структурную схему психической деятельности, представленную в таких элементах психологического механизма поведения, как социальная перцепция, мотивообразование, целеполагание, выделяя возможные варианты протекания этих отражательно-регулятивных процессов. Уровневая модель психической деятельности также определяет необходимость учета в психическом складе личности тех свойств, которые актуализируются (реализуются) на каждом из этих уровней, детерминируя содержание и динамические особенности указанных психических процессов. Так, в интеллектуальной регуляции реализуются знания, представления, ценности, личностные принципы, содержательные и динамические особенности мышления индивида. В эмоциональной регуляции личностными детерминантами выступают чувства, отношения, эмоционально-оценочные стереотипы, моциональные установки, определяющие доминирующие настроения и эмоционально-мотивационные реакции (такие как обида, злоба, жалость и т. д.). На уровне импульсивной регуляции срабатывают указанные ранее автоматизмы как фиксированные психические образования, которые относятся к свойствам личности.

Таким образом, представленная модель психологического механизма преступного поведения позволяет более глубоко, системно и конкретно осуществлять его анализ в целях как научного объяснения, так и практического использования для психологической реконструкции преступных деяний при расследовании преступлений, проведении судебно-психологической экспертизы, оценки субъективной стороны преступления в уголовном судопроизводстве, а также разработки психологических рекомендаций по осуществлению исправительной и профилактической деятельности.

Литература

1. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. — М.: Форум-Инфра-М, 1998.
2. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. — М.: Наука, 1984.
3. Ломов Б.Ф. Системный подход и проблема детерминизма в психологии // Психол. журн. — 1989. — № 4. — С. 19-33.
4. Новый энциклопедический словарь. — М.: Большая российская энциклопедия, 2006.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М., 1984.
6. Пономарев Я.А. К теории психологического механизма творчества // Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная. — М.: Наука, 1990.
7. Ратинов А.Р. Методологические вопросы психологического изучения личности преступника // Психологическое изучение личности преступника (методы исследования): сб. науч. тр. Всесоюз. ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. — М., 1976. — С. 5-22.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. — М.: Педагогика, 1989. — Т. 2.
9. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. — М.: Наука, 1966.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЯМ ЛИЧНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

Ю. В. Малова, И. А. Росляков, Е. П. Бишко

Аннотация: в статье рассматриваются теоретические подходы к исследованиям личности в ситуации онкологического заболевания в зарубежной психологии. Выделяется два основных подхода — копинговый и смысловой. Рассматривается история возникновения и современное состояние копингового и смыслового подходов, они анализируются с точки зрения их концептуальных оснований и возможности научно-практического использования в области психоонкологии.

Ключевые слова: копинг, смысл, психоонкология, экстремальная ситуация.

The summary: the theoretical approaches to the investigation of the personality in the situation of the cancer disease were considered. Two main approaches — coping and meaning based on — were described as well as the history and opportunities of their application in psychooncology.

Keywords: coping, meaning, psychooncology, extrem situation.

В настоящее время зарубежные исследования изменений личности в экстремальной ситуации преимущественно связаны с переживанием угрозы жизни. Наиболее исследуемой моделью длительной угрозы жизни является ситуация угрожающих жизни заболеваний. К таким заболеваниям в первую очередь относятся онкологические заболевания.

К концу XX в. психоонкология выделилась в отдельную специальность. Эта область пока является новой для отечественной науки, и подавляющая часть исследований принадлежит зарубежным авторам. Хороший обзор этих исследований дан американскими авторами Levin и Kissane (2006) [3]. Следует отметить, что психоонкология сегодня — это эмпирическая наука, и в ней крайне мало работ теоретического характера. И все же в данной статье мы попробуем выделить два контрастирующих друг с другом теоретических подхода, которые намечены и в той или иной степени раскрыты в некоторых зарубежных исследованиях. Указанные подходы применяются для оценки личностных изменений в процессе адаптации к ситуации ракового заболевания и представляют подобные изменения в совершенно различных парадигмах. Это представляется нам актуальным, так как подобных теоретических исследований в психоонкологии явно недостаточно, что в конечном счете сказывается на разрабатываемых методах и рекомендациях по психологической помощи при онкологических заболеваниях.

Цели, которые преследует психоонкология в ее современном состоянии, логически объединяются в следующие пять разделов:

1) оценка существующих и разработка новых психосоциальных услуг и интервенций для онкобольных и их родственников;

2) оценка существующих и разработка новых психотерапевтических подходов для оказания помощи онкобольным и их родственникам;

3) оценка поведения медицинского персонала, оказывающего помощь онкобольным, и соответствующие рекомендации;

4) психологические особенности восприятия рака в обществе;

5) психологические особенности онкобольных и их родственников и их реакции на заболевание, взаимосвязь этих особенностей и их связь с непсихологическими характеристиками, а также их изменение в ходе заболевания и по сравнению с уровнем до заболевания.

В рамках разработки пятого раздела было реализовано множество исследований, где были установлены разнообразные корреляции между психологическими параметрами (а также между психологическими и непсихологическими параметрами), способность одних параметров предсказывать значения других. Среди непсихологических характеристик, с которыми проводилось сопоставление, можно выделить: физическое состояние больных и физические последствия заболевания у выздоровевших, биомедицинские факторы (например, тип опухоли), соматические особенности протекания заболевания (например, боль), демографические, этнокультурные и гендерные параметры и выживаемость.

В основном исследования в рамках названного направления являются сугубо эмпирическими и не связаны с конкретными теоретико-методологическими разработками. Однако имеется ряд исследований, где делается попытка выделить отдельные

основополагающие понятия, которые явились бы базой для понимания адаптации личности к онкологическому заболеванию, или даже составить соответствующие теоретические модели. Мы обратили внимание, что в упомянутых исследованиях существует две различных тенденции понимания личностных изменений при раке, которые фактически представляют собой два контрастирующих друг с другом подхода. Один из них опирается на бихевиорально-когнитивную методологию и модель стресса и копинга Lazarus и Folkman, а второй — на экзистенциально-гуманистические идеи Yalom и Frankl. Первый из них рассматривает болезнь как стресс, а процесс приспособления (adjustment) личности в ситуации болезни как совладание с этим стрессом. Второй рассматривает болезнь как ситуацию экзистенциальной угрозы, а процесс приспособления личности в ситуации болезни как процесс поиска смысла, изменения существующих смыслов. Первый подход был назван нами копинговым, а второй — смысловым. Каждый из подходов предлагает собственный методический арсенал в виде опросников для измерения личностных изменений и коррелятов адаптации (в первом случае — оценки и копинга, а во втором — структуры смыслов). Мы уделим внимание результатам, полученным при применении этих опросников, а также приведем данные по их психометрическим свойствам.

Копинговый подход

В изложении копингового подхода мы будем опираться на обзор Livneh (2000) [4]. Понятие копинга как совладания со стрессом и травмами было предложено и развито Lazarus и его со-

авторами. Lazarus считает, что при столкновении с любыми травматическими событиями в норме индивидуумы обращаются к копингу, чтобы облегчить стресс [2]. Копинг включает в себя как когнитивные, так и поведенческие компоненты — это и интрапсихические процессы (рассредоточение внимания, переоценка, мысленное воплощение желаемого), и прямые действия по отношению к окружению. Выделяют следующие типы копинга, образующие иерархическую структуру:

1) копинговые стили, отражающие глобальные макроаналитические тенденции (мониторинг-подавление, оптимизм-пессимизм, приближение-избегание);

2) копинговые стратегии, отражающие микроаналитические тенденции, то есть не то, как человек «обычно» или «вообще» справляется со стрессом, а как он справился с конкретными стрессогенными событиями (например, конфронтация, поиск социальной поддержки, планирование решения проблемы);

3) копинговые поведенческие акты — специфические ситуационно-детерминированные поведенческие ответы.

При тяжелых заболеваниях копинг направлен на рассеивание или преодоление сопутствующих потерь, травматизации и боли. В этой ситуации адаптивными оказываются разные формы копинга. Копинг может непосредственно влиять на адаптацию к заболеваниям, а может быть промежуточным звеном между адаптацией и социодемографическими и личностными параметрами. Были проведены многочисленные исследования соотношения особенностей копинга с иными психологическими ха-

рактеристиками онкобольных, а также одних особенностей копинга с другими.

С ситуацией онкозаболевания связываются следующие копинговые стили:

- интернальность / экстернальность;
- оптимизм / пессимизм или беспомощность;
- вытеснение или подавление / активизация или мониторинг;
- приближение / избегание.

Выяснилось, что восприятие ситуации заболевания как подконтрольной воле Бога соотносится с более высоким самоуважением и меньшими поведенческими нарушениями, тогда как ее восприятие как подконтрольной воле случая только с меньшими поведенческими нарушениями. Переживание неспособности контролировать эмоциональные реакции соотносится с низким самоуважением и худшим приспособлением к заболеванию. Согласно Watson, Greer, Pruyn, интернальный локус контроля по отношению к ходу лечения рака молочной железы соотносится со стратегией духа борьбы, тогда как интернальность в оценке причин заболевания — со стратегией тревожной озабоченности. Оптимистическое восприятие ситуации рака груди связано с возрастанием чувства здоровья, уменьшением стресса и чувством новой энергии у больных женщин. Некоторые копинговые стратегии (например, принятие, отрицание) могут играть посредническую роль в соотношении оптимизма и дистресса, на что указывает Carver.

Пациенты, использующие вытеснение, реже переживают негативные побочные психологические эффекты химиотерапии. Копинговый стиль подавление связан с меньшими уровнями упреждающей тревоги, депрессии, мень-

шей тошнотой при химиотерапии, а копинговый стиль мониторинг, согласно Legman, — с большими уровнями упреждающей тревоги, депрессии, с более сильной тошнотой. Онкобольные больше обращаются к подавлению по сравнению с другими соматическими больными и здоровыми лицами. Относительно роли копинговых стилей приближение/избегание накопленные данные противоречивы.

Копинговые стратегии в целом и при онкозаболеваниях в частности могут быть рассмотрены в континууме соприкосновения-разъединения со стрессогенным событием.

К стратегиям соприкосновения относятся стратегии сосредоточения на проблеме, планирования, поиска информации, позитивной реинтерпретации или оценки, когнитивной сдержанности, конфронтации и духа борьбы, поиска социальной поддержки, эмоциональной экспрессии/разрядки.

Стратегия сосредоточения на проблеме, согласно Gotay и Heim, часто используется пациентами с раком груди и шеи; она оказывает целительное действие на общее психическое здоровье и связана, по мнению Mishel и Sorenson, с более низкими уровнями тревоги и депрессии, ростом энергии и, с точки зрения Merluzzi и Martinez-Sanchez, с худшей социальной адаптацией. Использование стратегии поиска информации коррелирует с активным поведенческим копингом, ростом энергии. Как указывают Greer и другие авторы, стратегия конфронтации и духа борьбы соотносится с более продолжительным выживанием больных, активно-когнитивным копингом и оптимизмом. Весьма часто больными раком используется стратегия по-

зитивной реинтерпретации. Она соотносится с высокими показателями психического здоровья и психологического благополучия, позитивными эмоциями и низким дистрессом, низким уровнем выраженности психопатологической симптоматики и ростом энергии, в соответствии с Schnoll, Stanton и Snider. Стратегии сосредоточения на проблеме, самоконтроля, поиска социальной поддержки и позитивной реинтерпретации больше представлены у пациентов с высоким чувством контроля и, согласно Hilton, с высокой угрозой рецидива. Стратегия эмоциональной разрядки также является часто используемой, однако она связывается с высокими уровнями депрессии, психологического дистресса и низким уровнем переживания качества жизни.

К стратегиям разъединения относятся опровержение (иногда включающее избирательное игнорирование, минимизацию угрозы и подавление), мыслительное воплощение желаемого/фантазирование, избегание проблемы, самокритика или самообвинение, социальное избегание, злоупотребление химическими веществами, фатализм или смирение.

Согласно Cooper и Faragher, стратегия опровержения превалирует у выживающих при раке. Она соотносится с более высоким дистрессом и худшей адаптацией к медицинской помощи с одной стороны и с возрастанием чувства психологического благополучия с другой. Как форма отрешения от серьезности диагноза рака, она связана также с меньшим нарушением настроения и эмоциональным дистрессом. Согласно Quinn, Stanton и Snider, стратегия мыслительного воплощения желаемого со-

относится с высоким дистрессом, низким уровнем чувства энергии, возрастанием депрессии и тревоги. Стратегия избегания проблемы связана с высоким дистрессом, возрастанием тревоги и низким уровнем энергии. Ее использование характерно для лиц с чувством неуверенности и низким чувством контроля, в соответствии с Hilton. Стратегия самокритики и самообвинения связана с высокими уровнями дистресса и депрессии. По мнению Chen, социальное избегание, как и мыслительное воплощение желаемого, соотносится с высоким уровнем психопатологической симптоматики. Стратегия фатализма/смирения связана с высокими уровнями депрессии и тревоги, высоким эмоциональным дистрессом и низким качеством жизни, а также высокой смертностью.

Еще две стратегии не укладываются в континуум соприкосновения-разъединения — это уход в религию и

принятие. Стратегия ухода в религию наиболее характерна для пациентов, находящихся на тяжелых стадиях онкозаболевания. Ell указывает, что она соотносится с высокими показателями психического здоровья и психологического благополучия, лучшим приспособлением к медицинским аспектам онкозаболевания, а также низким уровнем переживания качества жизни. Стратегия принятия связывается с большим количеством краткосрочных расстройств настроения и большей выраженностью тревоги.

Наиболее значимая теоретическая модель в рамках копингового подхода к исследованию личности в ситуации онкозаболевания была предложена в 2000 г. Folkman и Greer [1]. Она основывается на модели стресса и копинга Lazarus и Folkman (1984), исправленной Folkman в 1997 г. и показанной на рисунке 1. В центре этой модели два процесса—оценка и копинг. Оценка связана

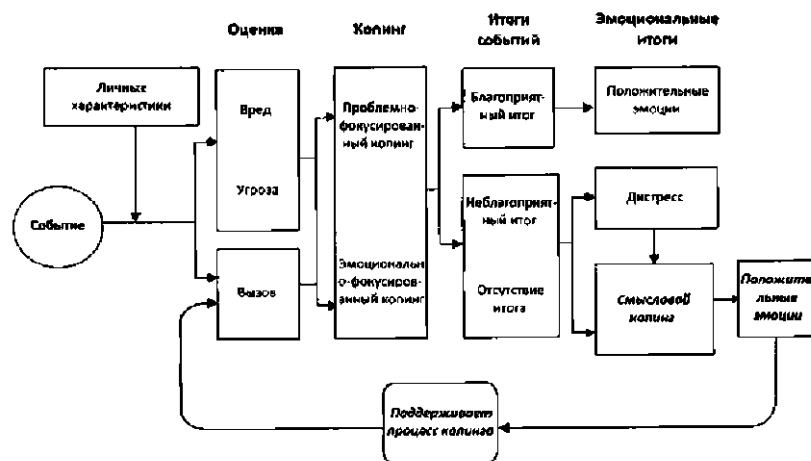

Рис. 1. Теоретическая модель процессов оценки и копинга Folkman (1997)

с оцениванием личностной значимости события и адекватности индивидуальных копинговых ресурсов. Она влияет на эмоции и последующий копинг. Копинг означает мысли и поведение личности, используемое для регулирования дистресса (эмоционально-фокусированный копинг), решения проблем, вызывающих дистресс (проблемно-фокусированный копинг), и поддержания позитивного состояния (смысловой копинг). Копинг влияет на последствия ситуации и ее индивидуальную оценку.

Положение о процессе оценки основывается на мнении, что люди постоянно оценивают свое отношение к окружающей среде. Процесс стресса начинается тогда, когда личность осознает изменение статуса текущих целей и проблем или изменение, угрожающее последнему. Оценка этого актуального или потенциального изменения включает в себя оценку его личностной значимости (первичная оценка) и оценку вариантов копинга (вторичной оценкой). Первичная оценка включает в себя оценку вреда или потерь, которые уже возникли, вреда и потерь, которые угрожают появиться, или ситуации как вызова, которая связана с возможностями влияния, превосходства и извлечения выгоды. Первичная оценка находится под влиянием верований, ценностей и обязанностей личности. Поскольку люди различаются по данным параметрам, определенная ситуация, такая как диагностирование рака легких, первично оценивается одними людьми как вред, другими — как угроза, а третьими — как вызов. Вторичная оценка касается того, в какой степени ситуация подходит для контроля или изменения индивидуумом. Совместно первичная и вторичная оценка опреде-

ляют, в какой степени ситуация оценивается как вред, потеря, угроза, вызов или некая их комбинация, а также интенсивность эмоционального ответа, сопутствующего этим оценкам.

Процесс оценки влияет на последующий копинг. Большой контроль (вторичная оценка) связан с более высокими уровнями проблемно-фокусированного копинга — поиска информации, решения проблем и прямых действий для решения проблем. Меньший контроль связан с более высокими уровнями эмоционально-фокусированного копинга — ухода от реальности и избегания, поиска социальной поддержки, дистанцирования или когнитивного рефрейминга. У разных людей копинг различается в зависимости от интенсивности их эмоционального ответа и их способности его регулировать, возможностей решения проблем, присущих ситуации, а также от изменений личности или отношения к окружающей среде после того, как ситуация раскрылась.

В результате копинга, изменений в окружающей среде, которые могут быть как связаны, так и не связаны с событием, изменений индивидуальности отношения между личностью и окружающей средой продолжают раскрываться. События, которые приходят к ясному завершению, ведут к оценке их итога как благоприятного или неблагоприятного. Благоприятный итог событий приводит к оценке пользы, положительным эмоциям и завершению копинговой активности.

Копинг, однако, не прекращается в случае событий с неудовлетворительными итогами (неблагоприятный итог или отсутствие итога), как, например, в случае рецидива серьезного заболева-

ния. Неудовлетворительные итоги ведут к дальнейшим стрессовым оценкам ситуации как вреда, потери или угрозы, наиболее вероятно в комбинации, и к сопутствующим им эмоциям дистресса. Подобный дистресс, так же как и вызвавшая его нерешенная проблема, вероятно, мотивируют дальнейшие процессы копинга. В этот момент возникает третий тип копинга — смысловой. Он помогает личности отступить от недостижимых целей и сформулировать новые, осознать, что происходит, и оценить пользу там, где это возможно. Этот тип копинга также генерирует позитивный аффект, который обеспечивает психологический тайм-аут от дистресса и мотивацию дальнейшего копинга. Важной чертой указанного позитивного аффекта является то, что он может появиться совместно с негативным аффектом, не обязательно одновременно, но определенно близко по времени.

Процессы оценки и копинга находятся под влиянием характеристик личности и среды, и, вероятно, имеют как стабильный, так и переменный аспект. Стабильность этих процессов связана со стабильными особенностями среды, которые могут вызывать стресс (уличный шум, загрязнение воздуха), или характеристиками личности (темперамент, индивидуальность и история). Эти личностные характеристики могут влиять на способность личности реалистично оценивать ситуации, выбирать определенные стратегии копинга и эффективно их применять. Переменность связана с требованиями и напряженностью ситуации (включая то, насколько ситуация подвержена изменению и контролю), ресурсами, доступными для копинга, а также другими требованиями и це-

лями, которые могут соперничать за время и ресурсы.

Schou с соавторами в 2005 г. лонгитудно исследовал на 165 женщинах с раком груди, связано ли соотношение между оптимизмом-пессимизмом и качеством жизни (QOL) со стратегиями оценки и копинга [5]. Было выявлено прямое и непрямое влияние оптимизма-пессимизма на QOL. Имело место прямое влияние на все показатели QOL, кроме физического функционирования, поэтому в дальнейшем этот показатель был исключен. Две копинговые стратегии — дух борьбы и безнадежность-беспомощность — оказались достаточно сильными опосредствующими звеньями непрямого влияния. Оптимисты продемонстрировали дух борьбы, который оказывал положительное влияние на их QOL. Пессимисты продемонстрировали выраженность стратегии безнадежность-беспомощность, которая оказывала отрицательное влияние на их QOL. Эти стратегии оставались стабильными среди оптимистов и пессимистов в течение 12 месяцев. Безнадежность-беспомощность опосредовала влияние пессимизма на все показатели QOL в обоих исследованиях, кроме показателя социального функционирования в первом исследовании. Дух борьбы опосредовал влияние оптимизма на общий показатель QOL в обоих исследованиях, а также на показатель эмоционального функционирования в первом исследовании. Во время диагностики соотношение между пессимизмом и QOL опосредствовалось также оценкой диагноза как опасности, которая влияла на эмоциональное, ролевое и социальное функционирование. Таким образом, дух борьбы и безнадежность/

беспомощность оказались характеристическими копинговыми стратегиями для оптимистов и пессимистов соответственно.

Смысловой подход

Смысловой подход к оценке личностных изменений при раке был обобщен и представлен White (2004) [6]. Он приводит многочисленные примеры использования понятия «смысл» для концептуализации различных психологических явлений, в том числе связанных с онкозаболеванием, подчеркивая, что в качестве термина в клиническом контексте смысл все чаще появляется в работах по психоонкологии.

С точки зрения Yalom (1980), смысл порождается индивидуумом и не есть нечто такое, что существует заранее. Frankl (1984) считал, что воля к достижению смысла — это основная мотивационная сила в жизни. Brewin и Power предполагают, что смысл — это общий путь, по которому осуществляют свое влияние все типы психологической терапии. По мнению Janoff-Bullman, проблемы смысла формируют центральный компонент большей части форм психопатологии, которая, как правило, связана с присутствием нежелательных или патологических смыслов или отсутствием или потерей смысла. Установлено, что индивидуальные смыслы, приписываемые людьми элементам их жизненного опыта, являются ключевыми для понимания природы и степени психологического дистресса [7].

Такие специфические смыслы, приписываемые опыту, значительно различаются в зависимости от индивидуальности, между ними может быть общность, которая может быть выра-

жена как некие темы (например, темы отношения к угрозе). Специфические смыслы могут быть связаны с одной или несколькими из этих тем (в частности, мысль о том, что вследствие рака кто-то перестает быть целостной личностью, можно тематически отнести и к потере, и к самооценке). Наблюдаются разногласия в отношении точного определения элементов, которые составляют процесс «осмысливания» индивидуумом своего опыта. Термин «смысл» использовался и продолжает часто использоваться в разных значениях. Три основных пути изучения смысла: 1) направленный на дискретные, ситуационно-специфические интерпретации; 2) направленный на процессы, с помощью которых индивидуум пытается ассимилировать опыт в свою предшествующую структуру убеждений (поиск смысла); 3) направленный на конечный исход психологического процесса (то есть на смысл как на нечто уже найденное). В дополнение к разным взглядам на феноменологические компоненты этого конструкта, уровни смысла также рассматривались по-разному. Park и Folkman (1997) отличают общий смысл от ситуационного. Общий смысл определяется как основные цели и фундаментальные предположения, убеждения и ожидания относительно мира. Ситуационный смысл связан с взаимодействием общих убеждений и целей с обстоятельствами особого взаимодействия личности со средой.

Большое внимание уделяется смыслу в работах, направленных на понимание способов ассимиляции людьми своего травматического опыта в их предшествующие убеждения о мире (например, переживание неудачи в попытке прими-

рения травматического опыта с преморбидными общими смыслами). Исследуется задача поиска смысла среди неблагоприятных, травматических переживаний. События, оцененные как негативные непосредственно после того, как они произошли, могут по прошествии времени видаться в ином свете. Почти треть участников исследования Catlin и Epstein (1992) сообщили, что события, первоначально рассмотренные как имеющие негативное влияние, позднее определялись как имеющие конечный позитивный эффект. Davis и соавторы (1998) исследовали роль осмысливания и поиска преимуществ в адаптации к тяжелой утрате. Они обнаружили, что осмысливание было связано с меньшими уровнями дистресса в течение первых 12 месяцев после тяжелой утраты, а поиск преимуществ — с меньшими уровнями дистресса через 13 и 18 месяцев после тяжелой утраты.

Ситуация соматического заболевания напрямую связана с проблемой смысла. Cassel (1982) предположил, что существенная часть понимания страданий больного человека лежит в отношении смысла к способу переживания болезни. Lipowski (1970) выделил восемь понятий болезни, которые фиксируют индивидуальный личностный смысл болезни, повреждения или инвалидности: болезнь как вызов, болезнь как враг, болезнь как наказание, болезнь как слабость, болезнь как облегчение, болезнь как стратегия, болезнь как непоправимая утрата или вред и болезнь как ценность. Важность смыслов для понимания адаптации к заболеванию была признана Fife, и использована для понимания переживаний онкобольных Lewis и O'Connor.

Понятие смысла существенно для изучения психологии ракового заболевания. Рак бросает вызов воззрениям людей на мир как на полный смысла и значения, и они фокусируются на связанной с этим мысли: «Какой во всем этом смысл?». Coward (1997) предположил, что переживания, связанные с раком, имеют результатом «серьезную потерю душевного равновесия», а процесс поиска смысла является реакцией на это состояние. Lepore и Helgeson (1998) предполагают, что «интеграция опыта рака в (его) предшествующие умственные модели должна способствовать психологической адаптации». O'Connor и соавторы (1990) определили процесс поиска смысла как «...решение вопроса о личностной значимости такого жизненного события, как рак, для последующего осознания предназначения этого события и для включения его в контекст общего жизненного паттерна». Рак связывается с большим количеством отдельных угроз и потерь, и инициирует психологические процессы, вызывающие размышления об общем смысле. Понимание личностного смысла болезни имеет для пациентов ключевое значение для того, чтобы разобраться в механизмах, лежащих в основе связанного с раком дистресса.

Точная природа содержаний и процессов, дающих начало смыслам и интерпретациям онкобольных, стали предметом для большого числа предположений в литературе. Turnquist и соавторы предположили, что сохранение самооценки, поддержание чувств справедливости и контроля над ситуацией являются основными детерминантами специфических смыслов, свойственных опыту ракового заболевания.

Brennan и соавторы (2001) обрисовали, как адаптационная социальная когнитивная модель перехода может быть использована для понимания взаимного влияния общих смысловых структур («гипотетический мир»), ожиданий, переживаний и последующей адаптации (включая ситуационно-специфические смыслы, которые отражают позитивные и негативные переходы).

Parle и соавторы (1996) обнаружили, что предикторами аффективных расстройств являются не сами неблагоприятные особенности онкологического заболевания, а связанные с этими особенностями интерпретации (отдельные смыслы, присущие переживанию проблемы).

Barkwell (1991) выяснил, что смысл, приписываемый пациентами с прогрессирующим раком переживанию боли, значимо связан с переживаниями боли, депрессивными симптомами и копинговыми стратегиями. Это также было изучено в исследованиях, направленных на понимание значения боли у пациентов с прогрессирующим раком, Ferrell и соавторов (1993) и Coward и Wilkie (2000). Johnson-Vickberg и соавторы (2000) сообщили о том, что общий смысл связан у пациентов, подвергшихся трансплантации костного мозга, с дистрессом (общим и связанным с трансплантацией). В исследовании пациенток с раком груди было продемонстрировано, что общий смысл воздействовал на соотношение между наличием навязчивых мыслей и психологическим дистрессом.

Были замечены возможные приложения исследований смысла в психонкологии к клинической практике, и это было использовано для развития новых психотерапевтических подхо-

дов. Greenstein и Breibart (2000) развили подход к групповой психотерапии для больных раком, основанный на понимании смысла и поиска смысла. Увеличилось понимание важности того, чтобы клиницисты оценили связь феноменов смысла со своей клинической практикой. Foster и McLellan (2000) предположили, что специалисты, оказывающие помощь онкобольным, должны стремиться к пониманию личностного смысла опыта рака.

Greenstein, Breibart (2000) и Brennan (2001) подчеркивают, что несмотря на очевидную важность конструкта, смысл для понимания адаптации при раке, психометрические оценки влияния интервенций в психосоциальной онкологии не всегда были чувствительны к потенциалу понимания этого влияния, который содержится в смысле, особенно в его позитивной перспективе. Понимание смыслов, связанных с опытом рака, является ключевым в такой работе, оно обеспечивает интеграцию с другими конструктами, описанными в академической психонкологии.

Заключение

Мы обозначили два представленных в современной зарубежной литературе альтернативных теоретических подхода к исследованию личности в экстремальной ситуации (на примере ситуации онкозаболевания). Один из них — копинговый, рассматривает онкозаболевание как стрессовую ситуацию, а адаптацию к нему как совладание со стрессом. Второй подход — смысловой, рассматривает онкозаболевание как экзистенциальную угрозу, а адаптацию к нему как поиск смысла и трансформацию смысловой сферы личности. Нетрудно понять,

из каких теоретико-методологических направлений психологии происходят эти подходы: в первом случае — это бихевиорально-когнитивная традиция, а во втором — экзистенциально-гуманистическая.

Налицо некоторое отставание смыслового подхода в области теоретической разработанности. В нем ощущается некая пустота между общепсихологической базой и результатами исследований, которые носят уже прикладной характер. В рамках копингового подхода была предложена модель Folkman-Greer, в определенной мере выполняющая интегрирующую функцию между абстрактной теорией и практикой, в частности, практикой помощи онкобольным.

Несмотря на то что копинговый и смысловой подходы в зарубежной психологии вырастают из разных теоретико-методологических парадигм, оба они имеют несомненную научно-практическую ценность и способны создать основу для частных практических рекомендаций в области психологической помощи при угрозе жизни. Актуальной задачей современной отечественной психологии, на наш взгляд, является создание целостной концепции изменения личности в ситуации угрожа-

ющего жизни заболевания на основе зарубежного опыта и лучших традиций отечественной психологии — культурно-деятельностного и деятельностно-смыслового подходов. Это представляется важным как для науки, так и для совершенствования практики психологической помощи в экстремальной ситуации.

Литература

1. Folkman S., Greer S. Promoting psychological well-being in the face of serious illness: when theory, research and practice inform each other // *Psycho-Oncology*. — Vol. 9. — 2000. — P. 11-19.
2. Lazarus R. Psychological stress and the coping process. — New York: McGraw-Hill, 1966. — P. 38-45.
3. Levin T, Kissane W.D. Psychooncology: the state of its development in 2006 // *European Journal of Psychiatry*. — Vol. 20. — 2006. — P. 183-197.
4. Livneh H. Psychosocial Adaptation to Cancer: The Role of Coping Strategies // *The Journal of Rehabilitation Medicine*. — Vol. 32. — 2000. — P. 16-27.
5. Schou I, Ekeberg O, Ruland C.M. The mediating role of appraisal and coping in the relationship between optimism-pessimism and quality of life // *Psycho-Oncology*. — Vol. 14. — 2005. — P. 718-727.
6. White C.A. Meaning and its measurement in psychosocial oncology // *Psycho-Oncology*. — Vol. 13. — 2004. — P. 468-481.
7. Wong P. Implicit theories of meaningful life and the development of the personal meaning profile // *The Human Quest for meaning: A Handbook of Psychological Research and Clinical Applications* / edited by P. Wong and P.S. Fry. — Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 1998. — P. 111-141.

ИГРОВАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ЛИЧНОСТИ: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ И ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ (ОПЫТ РАБОТЫ БФ ПСП «ДЕРЖАВА»)

Д. В. Сочивко, Г. В. Щербаков, А. В. Молоствов

Аннотация: в статье приведен метаанализ исследований отечественных и зарубежных специалистов по проблемам профилактики развития игромании и психологической реабилитации зависимых от игры людей. Обобщены исследования посвященные изучению особенностей личности игроманов. Рассмотрен опыт и применения технологий подпорогового восприятия информации в профилактике игровой зависимости. Определены направления дальнейших исследований в рамках изучаемой проблемы.

Ключевые слова: лудомания, особенности личности игромана, профилактика развития игромании, психологическая реабилитация зависимых от игры людей, типы включения человека в азартные игры, технологии подпорогового восприятия информации в профилактике игровой зависимости.

Abstract: the paper presents a meta-analysis of studies of domestic and foreign experts on the prevention of gambling addiction and psychological rehabilitation of people depending on the game. Summarizes the research devoted to the study of personality gamers. The experience and application of technology subliminal perceptual information in the prevention of gaming addiction. The directions for further research in the study of the problem.

Keywords: gamblers, personality traits gamers, the prevention of gambling

addiction, psychological rehabilitation depending on the game of people, types include rights in gambling technology subliminal perceptual information in the prevention of gaming addiction.

Не секрет, что азартные игры появились еще на заре цивилизации. Азарт нельзя назвать патологией. На Востоке и на Западе с удовольствием предавались азартным играм, и ничто, ни власть, ни церковь, ни тем более доводы рассудка не смогли остановить азартные игры. Однако иногда за безобидным желанием развлечься может скрываться зависимость от азартных игр. Такой игрок уже не владеет своей жизнью. Его жизнь превращается в игру, и в этом случае может идти речь о патологии личности.

Вопросы профилактики развития игромании и реабилитации зависимых от игры людей требуют комплексного подхода и не могут быть решены с помощью простых запретительных мер. С 1 июля 2009 г. вступил в силу Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр», согласно которому все игорные заведения вне специализированных зон должны быть ликвидированы. Еще раньше в 2006 г. был принят Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении из-

менений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» № 244-ФЗ, который устанавливал запрет на проведение и организацию азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», а также средств связи, в том числе подвижной связи.

Казалось бы, подобные меры должны были привести к уменьшению числа игроков, закрытию ряда игровых точек и интернет-казино. Однако игорный бизнес — очень прибыльный вид деятельности как для его владельцев, так и для государства. И как следствие, тотальные запреты привели к развитию полукриминального подпольного игорного бизнеса. Если обратиться к международному опыту и ознакомиться с мировой практикой, то можно найти достаточно много схем по уходу от подобных законопроектов. Например, по данным СМИ закрытие казино в Турции вызвало всплеск подпольного игорного бизнеса. В Стамбуле было закрыто 47 казино, сегодня 274 подпольных казино исправно платят, теперь уже не государству, а прямо в карман различным чиновникам и криминальным лидерам за свое существование. В Москве через три месяца после официального закрытия игорных заведений (с 1 июля 2009 г.) отмечен рост числа компьютерных клубов в 2-3 раза. Однако не это главное. Можно запретить игорные заведения, но проблема не будет решена до тех пор, пока не будут созданы альтернативные условия для решения описанных ранее психологических проблем для каждой личности, втянутой (или обладающей потенциалом быть втянутой) в игровую зависимость. В развитии подпольного игорного бизнеса ключевым фактором является спрос

населения на азартные игры. Если есть спрос — будет предложение.

За последние 20 лет в России широкое распространение получили различные легальные формы азартных игр, что существенно отразилось на общем морально-нравственном и нервно-психическом состоянии общества, в первую очередь на молодом поколении. Несформированная личность скорее подпадает под гипнотическое влияние примитивного азарта, быстрее обретает все признаки игровой зависимости. При этом находясь в моральной и материальной зависимости от родителей и близких людей, молодой человек перекладывает большую часть ответственности на них, порождая различные формы созависимости у взрослых членов общества со специфическим (но не менее болезненным) комплексом психических отклонений. В настоящее время общество постепенно приходит к пониманию опасности и «социальной стоимости» доступности игорной инфраструктуры для населения в целом и молодежи в частности.

Склонность к азартным играм была свойственна человеку задолго до создания «однорукого бандита». Индустрия игр очень древний вид бизнеса. Уже в древнеримском Колизее существовал прообраз современного тотализатора.

В современном мире огромное количество людей имеют тот или иной опыт азартной игры. Появился специальный психолого-психиатрический термин — «лудомания», представляющий собой комплекс нервно-психических и личностных отклонений, возникающих вследствие патологической привязанности к игре. Следует отметить, что в различных странах эту проблему восприни-

мают по-разному. Так, в Испании игроманию принято считать болезнью, тогда как датчане считают ее следствием распушенности, от которой человека можно отучить. По официальным данным, в настоящее время среди пятимиллионного населения Дании — 150 тыс. человек регулярно играют в различные азартные игры, 40 тыс. — имеют диагноз лудомания. Около 100 тыс. человек в Германии страдают патологической тягой к азартным играм. По разным оценкам среди семимиллионного населения Швейцарии живут 30-40 тыс. азартных игроков. Более 20 млн американцев играют в азартные игры, из них несколько миллионов являются «проблемными» игроками. В среднем 60 % взрослого населения в развитых странах играют в азартные игры и 1-1,5 % из них могут быть подвержены игровой зависимости. В США из-за особого отношения населения к психоаналитикам этот процент более высокий — 3-5 %.

Официальной статистики распространности лудомании в нашей стране нет. По данным СМИ, в Москве на 10,5 млн жителей до 1 июля 2009 г. приходилось 516 залов игровых автоматов и 30 казино. Для сравнения: музеев в Москве чуть меньше — 504, а еще меньше библиотек — 439 и кинотеатров — 140.

По мнению О.Ю. Болдырева (2008), президента фонда «Здоровая страна», из разрозненных источников и по предварительным оценкам специалистов только в одном Петербурге насчитывалось около 50 тыс. зависимых от азартных игр. По оценкам СМИ, в Москве насчитывалось не менее 300 тыс. игровых автоматов, которыми пользовались 500 тыс. граждан. Из них игровой зависимостью страдают около 1,5 %. Подавляю-

щее большинство игроманов составляют лица в возрасте до 30 лет (В. Богданчиков, О. Болдырев, А. Сурайкин, 2007; О.Ю. Болдырев, 2008). От 12 до 15 % старшеклассников в той или иной степени имеют признаки компьютерной зависимости. Заболеваемость игроманией среди подростков за последнее десятилетие увеличилась в 17 раз. Неуклонно растет количество молодых людей призывного возраста с игровой аддикцией (Филиппенко И., 2008).

Таким образом, по данным социологических опросов населения различных стран в среднем каждый пятый опрошенный совершеннолетний респондент регулярно тратит деньги на азартные игры [10, с. 61-65]. В развитых странах, особенно в тех регионах, где игровой бизнес легализован, 60 % населения хотя бы один раз в год посещают игровые заведения. Однако патологической зависимостью от азартных игр по разным данным страдают лишь от 1 до 3 % населения.

В.Д. Менделевич подчеркивает, что в отличие от прочих аддикций игромания относится к патологии увлечений, то есть к расстройству привычек [5].

Зарубежные исследователи (G.J. Coman, G.D. Burrows, B.J. Evans) выделяют три типа включения человека в азартные игры: социальная, профессиональная и патологическая азартные игры [12, р. 235-244.]. Они характеризуются разными признаками. В отечественных исследованиях представлены работы, содержащие подробные классификации людей, играющих в азартные игры [2, с. 48-52]. Эти классификации также включают в указанные типы включения человека в азартные игры.

Социальная азартная игра обычно происходит с друзьями или коллегами и длится в течение ограниченного периода времени, с предположением наличия приемлемых потерь. В данном случае игра является скорее способом общения людей.

В азартной игре профессионала, например игре на валютной бирже или на спортивном тотализаторе, индивидуальный предел риска ограничивается устойчивым самоконтролем своего поведения.

Патологический игрок, зависимый от азартной игры, склонен редуцировать мысли о прошлом опыте игры на деньги при планировании будущих действий. Точнее он не склонен к сколько-нибудь рациональному планированию своего игрового поведения в контексте своей социальной жизни. Этот первый, наиболее простой тип лудомана отличается неспособностью к игре, как к деятельности, требующей максимально высокой сосредоточенности и собранности, в то же время у него наблюдается крайне высокая, запредельная мотивация сиюминутного выигрыша. Последнее обычно перевешивает, поэтому лудоманы часто играют в игровые автоматы, совершенно точно зная, что выиграть при длительной игре невозможно.

Однако существует и второй более сложный тип лудоманов, чья потребность в игре вызвана глубинными психологическими причинами, обусловленными какими-то моментами личностного кризиса, в целом проблемной сферы личности. Из нашей практики психологического консультирования можно привести пример молодого человека, который систематически проигрывал деньги отца в глубоко подсознательном поиске

его внимания и признания своей значимости. Еще более рельефным является пример одного осужденного за тяжкое преступление, который подсознательно играл на проигрыш, хотя обладал достаточным криминальным опытом, в том числе игровым. При глубинном психологическом анализе выяснилось, что для него это был повод написать матери и позвать ее на свидание по типу: «Спасай, привози два мешка сигарет и чаю, или меня убьют». Он не мог просто попросить мать приехать, так как подсознательно очень стеснялся своего преступления. В результате мать продала все, что у нее было и умерла.

Патологический игрок первого типа от игры ждет действия и волнения, и все более и более большие ставки должны производить желаемый уровень эмоционального возбуждения. Когда игрок ограничен в возможности играть, он, как правило, становится беспокойным и раздражительным, что через какое-то время приводит к напряженности социальных отношений.

Игрок второго типа ждет от игры иллюзии решения своих неосознаваемых психологических проблем.

Однако на практике мы часто имеем дело со смешанным типом зависимости, поэтому о типах в данном случае можно говорить лишь условно, то есть по преимуществу выраженности психодинамических побудителей.

В принимаемом медицинском сообществом Руководстве по диагностике и статистике психических расстройств (DSM-IV — Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders) патологическая азартная игра характеризуется хроническим и непреодолимым желанием играть на деньги, которое последо-

вательно приводит к личным, семейным, профессиональным проблемам и разрушает социальную жизнь зависимого.

Кроме того, игроки криминально активны, психологические особенности игромании активизируют так называемое некритичное противоправное поведение, когда личность оправдывает свои преступления [9, с. 50]. Около 50 % опрошенных лудоманов сознались, что страдают от пристрастия к алкоголю, некоторые из них говорили и о половых пристрастиях. У таких игроков наблюдался явный синдром отмены — резкие перемены настроения и поведения, соматические расстройства, дрожь, кошмары, потливость, уныние, ощущение усталости и чувство вины (которое обычно связано с боязнью потерять семью).

Несмотря на «скромные» относительные показатели (1, 3 и 5 %) патологически зависимых от игры людей, проблема профилактики игромании стоит весьма остро, поскольку на орбите неблагоприятных последствий игромании находятся не только сами зависимые, но и их семьи, социальное окружение, организации в которых они работают. Кроме того, в настоящее время развитие интернет-технологий делает возможность приобщиться к азартной игре еще более реальной, в особенности для подростков и молодежи [13]. Следовательно, еще большее количество людей приобретут серьезные проблемы в результате азартной игры на деньги. Как показывают исследования, игровая зависимость сопровождается и другими видами аддиктивного поведения, главным образом алкогольной и наркотической зависимостью.

В контексте изучения особенностей личности игроманов и в поисках путей

и способов их реабилитации исследовалась психодинамика игрового цикла. Так, в момент обращения игроманов за помощью большинство из них находилось в состоянии глубокого дистресса и депрессии (с выраженным чувством вины за создавшуюся ситуацию, ощущением, что будущее безнадежно, и чувством собственной никчемности, вплоть до наличия суицидальных мыслей). У некоторых испытуемых на фоне депрессии отмечались симптомы посттравматических стрессовых состояний: яркие, красочные воспоминания (в период засыпания или во сне) об участии в игре, заканчивающейся крупным проигрышем и сопровождающиеся переживанием тревоги [8, с. 18-38.]. Исследователями выделяются следующие стереотипные психологические периоды игрового цикла: 1) период игры; 2) период дистресса, следующий сразу за игрой, как правило, развивавшийся после проигрыша; 3) период умеренно выраженных тревожно-депрессивных и абстинентных состояний; 4) период тревожных и дисфорических состояний — этап предвестников срыва; 5) период суженного сознания, предшествующий непосредственно срыву — этап транса игры.

Именно поиском транса игры — измененного состояния сознания, которое формируется у человека во время игры, объясняют отдельные исследователи патологическую игроманию [4, с. 10-22].

С позиции необходимости создания всеобъемлющего плана лечения А. Блажинский рассматривает следующую классификацию проблемных игроков [11]: непатологические или нормальные; эмоционально уязвимые; импульсивные.

Нормальные («обычные») проблемные игроки характеризуются благополучным детством и семьей. Увлечение азартными играми и проблемы, связанные с ними, возникают позже, в отличие от игроков, пристрастившихся к игре в подростковом возрасте или после 20 лет. У них более короткий период чрезмерного увлечения азартными играми, а финансовые проблемы менее серьезные.

Для данной группы игроков хорошо работают когнитивная поведенческая терапия, а также терапия краткосрочная, ориентированная на решение проблемы.

Психологически и эмоционально уязвимые проблемные игроки страдают от психопатологий среднего уровня, например клинической депрессии и тревоги, они более подвержены риску принятия других вредных привычек. Отрицательные эмоции и неспособность управлять стрессом (как негативным, так и позитивным) являются важными факторами, воздействующими на их проблемное поведение. Азартная игра для этих игроков — способ отвлечься или отделить себя от своих негативных чувств, временно избежать чувств, связанных с депрессией.

Когнитивная поведенческая терапия хорошо подходит для данной группы пациентов, так как помогает им определить ситуации повышенного риска и позволяет разрабатывать соответствующие стратегии для борьбы с соблазнами и порывами играть.

Импульсивные проблемные игроки. В качестве основы формирования зависимости у этой группы игроков выступают неврологические нарушения или нейрохимические дисфункции, связанные с импульсивностью и синдромом дефицита внимания в детстве.

С лицами из этой группы сложнее всего работать, они плохо реагируют на лечение. Когнитивная поведенческая терапия полезна, поскольку она позволяет этим пациентам определить свои проблемы, помогает им лучше понимать и развивать навыки, которые способствуют изменению импульсивного поведения. Кроме того, по мнению А.А. Карпова [3, с. 77-91], для борьбы с данным расстройством эффективным является использование психотропных лекарственных препаратов [3, с. 81].

Характеризуя теоретические подходы к оказанию психологической помощи, мы видим, что при многообразии объяснительных моделей психологии лиц, страдающих игровой зависимостью, репертуар психологической помощи игроманам универсален и неспецифичен.

Среди методов психотерапии преимущественно используется поведенческая терапия, тренинг социальных навыков, научение навыкам предотвращения срывов. Сторонники поведенческой терапии рассматривают склонность к азартным играм как усвоенное дезадаптивное поведение, от которого можно отучить с помощью техник поведенческой терапии, разработанных на основе классической и оперантной теории научения. Когнитивно-поведенческие методы психотерапии позволяют добиться стойкого улучшения приблизительно в 50 % случаев, и более эффективны при проведении в групповом формате [3].

Положительный эффект в виде снижения частоты эпизодов игры дает применение интегративных техник семейной психотерапии. Например, терапия по Д. Хейли, системные семейные расстановки по Б. Хеленгеру.

При психотерапии игровой зависимости эффективным является психодинамический подход и психоанализ, который дает очень высокий процент стойкой ремиссии, однако метод очень требователен к отбору клиентов, лишь 4 человека из 10 проходят курс психоанализа до конца, остальные отсеиваются на начальных этапах в основном из-за недостаточной готовности к самоизменению. Эффективна групповая психодинамическая психотерапия, направленная на работу с образами и эмоциями, а также проблемами эмпатийного субъект-субъектного взаимодействия. Одним из инструментов психотерапии игроков является их участие в группах взаимопомощи анонимных игроков. Однако и в этом случае велик отсев участников групп. Лишь 10 % пришедших в группы становятся активными членами, из них только у 10 % наблюдается ремиссия в течение года и более [3].

По мнению практических психотерапевтов, эффективность психотерапии игромании даже в современных комплексных вариантах, сочетающих индивидуальную и групповую работу, психотерапию и меры социальной реадaptации, составляет от 5 до 30 % [1, с. 99-104]. Кроме того, для лиц с игровой зависимостью характерна малая обращаемость к специалистам именно с проблемой игромании. Скорее данная проблема вскрывается в процессе работы по обращениям, связанным с алкоголизмом, семейными проблемами и др.

Анализ направлений медико-психологической помощи лицам с игровой зависимостью показал, что на орбиту реабилитационного и профилактического воздействия попадает незначительный процент лудоманов. Причинами

являются недооценка лудоманами социальной опасности собственного патологического увлечения, низкая мотивация на изменение. Более того, для проведения перечисленных психотерапевтических воздействий требуется высокая квалификация медиков и психологов, а для многих видов психотерапии необходимо продолжительное время.

Несомненно огромным плюсом подобного подхода к психотерапии и реабилитации игроманов является позитивный эффект психотерапии для клиентов, прошедших полный курс психотерапии, — стойкая ремиссия.

Между тем репертуар методов реабилитации игроманов и профилактики вовлечения в игровую зависимость может быть расширен за счет применения доступных массовых методик технического программно-аппаратного воздействия.

Реализацией такой реабилитационной программы с 2010 г. активно занимается Благотворительный фонд поддержки социальных программ (БФ ПСП) «Держава». Фонд руководствуется Постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении Перечня социально значимых заболеваний и Перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих», в частности коды заболеваний F00 — F94 по МКБ — 10 (Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем [10-й пересмотр]). Социальная программа нацелена на снижение психологических зависимостей и отказ населения от азартных игр (код F63.0), курения (код F17.2), употребления спиртных напитков (код F10.2) и наркотических средств (коды F11.2, F12.2, F14.2,

F19.2). Основой социальной программы является снижение психологической игровой зависимости, но учитывая, что среди лудоманов, в отличие от других групп населения, наибольшая концентрация людей психологически зависимых от алкоголя, курения и наркотиков, БФ ПСП «Держава» определил комплексный подход по снижению психологических зависимостей. Деятельность Фонда в области психологической коррекции осуществляется в соответствии с Сертификатом соответствия № РОСС RU. 3456.04ЧВ00.1801.K01036, выданным 18 октября 2010 г. Центральным органом по сертификации системы добровольной сертификации «ПЕРВЫЙ РЕГИСТР» ООО «Институт Консалтинга и Сертификации». Принципы работы профилактических реабилитационных центров (ПРЦ), организуемых БФ ПСП «Держава», строятся в соответствии с Указом Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 «Об утверждении стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года». Указанная стратегия ориентирует на проведение профилактических и реабилитационных мероприятий в отношении лиц, страдающих аддиктивным поведением, с использованием стационарнозамещающих форм социальных учреждений, а также малозатратных технологий. За счет использования мест, где располагались игровые клубы, а также специального программно-аппаратного оборудования планируется включить в реабилитацию психологической игровой зависимости значительно большую часть людей, имеющих проблемы с аддикцией. Организация профилактических реабилитационных центров с восстанов-

ленными внешними условиями игровых залов проводится с целью актуализации игровых мотивов с последующей их психокоррекцией. Собственно психологическая коррекция игровой зависимости осуществляется посредством психокоррекционных запатентованных аппаратно-программных комплексов с эмуляцией азартных игр — Устройства для снижения и профилактики психологической игровой зависимости [6], принцип работы которого основывается на технологии подпорогового неосознаваемого восприятия и вызывает у играющего ухудшение эмоционального восприятия игры.

Начавшаяся в 90-е годы прошлого века в научной и научно-публицистической литературе дискуссия по поводу эффективности суггестивного воздействия с помощью технологий подпорогового восприятия выявила как сторонников, так и оппонентов данной технологии. Широко известно, что первые эксперименты с так называемым 25-м кадром были сильно преувеличены в своей результативности. Это в частности повлекло отказ многих ученых от признания возможной эффективности воздействия на человека путем передачи неосознаваемой (в силу объективных причин) информации. Приведем только один пример такой критики. Так, А. Репьев, Президент Mekka Consulting, в своей статье «Миф о 25-м кадре. Российская глава» пишет буквально следующее: «Почти всегда на мозг действуют одновременно несколько раздражителей, и наше внимание разделяется. Если один раздражитель явно доминирует, то мозг настраивается «на его волну». Чем интереснее этот раздражитель, тем меньше шансов у других раздражи-

телей. Это, в частности, объясняет низкую эффективность усвоения рекламных блоков в захватывающих фильмах и передачах — мозг продолжает работать на основной волне и не хочет переключаться. Вспомним испытания 25-го кадра в Канаде и Конгрессе. Здесь телезрители ЗНАЛИ о присутствии вставок и были на них зациклены, то есть они почти не следили за содержанием фильма. Но даже в этих искусственных условиях были получены нулевые результаты. А что же тогда говорить об обычных условиях показа, когда мозг зрителя всецело поглощен мощным раздражителем, содержанием фильма». Следует, однако, заметить, что при определенной справедливости критики, учитывая и проведенный им исторический анализ, в данном случае совершенно не учитывается ситуация, когда подсознательно передаваемая информация не противоречит основному (захватывающему) содержанию деятельности (просмотру фильма или игре на игровом автомате), а несколько видоизменяет, модулирует ее содержание. Именно в этом случае слабые (как справедливо подчеркивает автор) влияния и оказывают свое действие, не меняя основного содержания, но лишь несколько меняя его окраску. Так легко можно превратить приятное в отталкивающее, притягательное в отвратительное. Можно привести и другие примеры обратного хода событий из современной психотерапевтической практики, когда (зрительный) фактор, вызывающий неприязнь другого человека, не осознается, и требуется много усилий психотерапевта. Например, женщина, которая не может адекватно воспринимать мужчину только потому, что у него усы по форме напоминают усы ее отца,

который ее в детстве бил, и т. п. Таким образом, все подсознательные воздействия необходимо применять системно, что лежит в основе концепции, разрабатываемой психологами в рамках проекта Фонда.

Содержание социальной программы БФ ПСП «Держава» по профилактике и реабилитации лиц, страдающих игровой зависимостью, предполагает проведение ряда комплексных научных исследований, направленных как на повышение эффективности используемых программ реабилитации и профилактики игровой зависимости в современном российском обществе, так и на разработку теоретической научно-психологической базы изменения общественного сознания в сторону неприязни криминализации игрового бизнеса, нанесения им возможного ущерба психическому здоровью граждан. В настоящий момент актуальными представляются следующие направления работы:

1. Осуществление постоянного мониторинга и анализа теоретических и методологических подходов к проблеме игромании в отечественных и зарубежных научных источниках. Необходимо разработать и научно обосновать с позиций междисциплинарных конструкций современного гуманитарного знания понятийный аппарат, позволяющий своевременно включать новые разработки и внедрять их в практику в тех временных пределах, когда это эффективно, что будет способствовать снижению игровой зависимости граждан России и их ресоциализации. Следует отметить, что внедрение результатов проведенных исследований актуально сегодня, а следовательно, все возможные препятствия действующих административных

структур могут свести на нет весь эффект работ. Иными словами, полукриминальные структуры (см. материалы о «крышевании» игорного бизнеса Прокуратурой Московской области) успеют быстрее адаптироваться к новым условиям, чем заработают новые механизмы социально-психологической помощи. В связи с этим важно правильно оценивать роль независимых фондов, в частности фонда «Держава», с точки зрения представленного критерия: «дорога ложка к обеду».

2. На базе разработанного исследовательского инструментария с привлечением фондом «Держава» ведущих специалистов (психологов, социологов, экономистов и др.) и на основе коллективных договоров о выполнении соответствующих исследовательских работ необходимо сосредоточить теоретическое и научно-практическое внимание ученых специалистов практиков на следующих направлениях:

- демографический и социальный профиль посетителей игорных залов;
- уровень готовности у игроманов посещать профилактические реабилитационные центры (ПРЦ);
- личные особенности игроманов (демонстративность, возбудимость, депрессивность, агрессивность и др.), структура их мотивов, эмоциональной сферы;
- репрезентативные системы участников опроса (зрительная, аудиальная, кинестетическая);
- субъективная оценка материального достатка игроков, уровень дохода, уровень трат на игру.

3. По результатам анкетирования следует выделить категории игроманов и составить их социально-

психологический портрет.

4. Полученные данные о личностных особенностях игроманов позволят провести более глубокое научное обоснование направлений практической работы — реализации социальной программы по профилактике игромании и реабилитации игроманов, в том числе теоретически проанализировать степень эффективности реабилитации игроманов:

- при создании и организации ПРЦ с восстановленными внешними условиями игровых залов с целью актуализации игровых мотивов с последующей их психокоррекцией;
- при использовании психокоррекционных аппаратно-программных комплексов с эмуляцией азартных игр — устройств для снижения и профилактики психологической игровой зависимости;
- при применении Интернет-сайтов и телевизионных программ соответствующей тематики.

5. Провести экспериментальное исследование степени эффективности психокоррекционного эффекта (снижение зависимости от игры) от применения технологий подпорогового неосознаваемого восприятия (дополнительный кадр, 25-й кадр) информации на выборке игроманов [7].

Содержание социальной программы БФ ПСП «Держава» обсуждалось и получило положительный отклик участников международного научно-методического семинара, посвященного проблемам профессиональной деятельности специалистов по социальной работе в рамках российско-швейцарского проекта «Навстречу социальной интеграции».

Вместе с тем целесообразно отметить, что в части практической реали-

зации социальной программы по профилактике и реабилитации лиц, страдающих игровой зависимостью, в ряде регионов возникают трудности административно-командного характера. Негативная реакция чиновников вызывает целый ряд вопросов, особенно после того, как Программа функционирования ПРЦ получила положительные отзывы и поступили предложения оказать организационно-методическую помощь Фонду по ее внедрению от Департамента организации социальной защиты населения Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации. Представляется, что такое противодействие реализации программы может свидетельствовать о стремлении некоторых недобросовестных должностных лиц к получению определенных дивидендов. По мнению Президента БФ ПСП «Держава» Ю.П. Козлова, «для снижения коэффициента коррупционных издержек в практической реализации данной социальной программы, возможно, организовать и/или использовать действующее Федеральное Государственное Унитарное Предприятие (ФГУП). Тем более что сделано очень много, в частности налажен серийный выпуск применяемого сертифицированного оборудования (Сертификат соответствия № 06.0001.0414 выдан АНО «Межрегиональный испытательный центр» от 20 июля 2010 г., Сертификат соответствия № 06.001.0482 выдан АНО «Межрегиональный испытательный центр» от 18 октября 2010 г.) — УСППИЗ 1, УСППИЗ 2, ведутся серьезные научно-организационные мероприятия».

Таким образом, следует уже сегодня предпринять все необходимые меры,

направленные на интеграцию научных и государственных учреждений в поиске оптимальных путей решения проблем людей, страдающих игровой зависимостью. Стратегически верным также представляется положение о том, что проблемы реабилитации лиц, страдающих игровой зависимостью, имеют важное государственное значение, требуют комплексного научного изучения данного явления и дальнейшей разработки специализированных программ профилактики и реабилитации.

Литература

1. Бузик О.Ж., Агибалова Т.В., Брюн Е.А., Сизоненко Е.В., Динов Е.Н., Колесников А.Н. Психотерапия зависимости от азартных игр // Рос. мед.-биол. вестн. имени академика И.П. Павлова. — 2009. — № 3.
2. Караваев А.Ф., Панов СЛ., Замулло А.А. Классификация (типология) посетителей казино, залов игровых автоматов // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2008. — № 3(34).
3. Карпов А.А. Психологические проблемы игровой зависимости // Социальный психолог. — 2009. — № 1 (17).
4. Козлов ВВ. Стратегия и тактика помощи личности с игровой зависимостью // Человеческий фактор: Социальный психолог. — 2009. — № 1.
5. Менделевич В.Д. Дискуссионность психопатологической трактовки феномена аддиктивного влечения // Практ. медицина. — 2009. -№ 6 (38).
6. Патент на полезную модель № 93277. Устройство для снижения и профилактики психологической игровой зависимости. Зарегистрировано в Государственном реестре полезных моделей Российской Федерации 27 апреля 2010 г. Решение о выдаче Патента на изобретение по заявке № 2009129506/14(041098) от 3 августа 2009 г. Способ снижения и профилактики психологической игровой зависимости (Варианты) и устройство для его осуществления.
7. Прогноз эффективности снижения психологических зависимостей Всероссийской социальной программы «Снижение психологической игровой зависимости с 1 августа 2010 года — по 31 июля 2020 года», утвержден решением правления БФ ПСП «Держава» от 6 июня 2010 г. № 7.
8. Цыганков БД., Малыгин В.Л., Егоров А.Ю., Хвостиков Г.С. Нехимические аддикции: патологическая игровая зависимость, интернет-зависимость, зави-

симость от компьютерных игр // Вопросы наркологии. — 2007. — № 4.

9. *Четвериков Д.В.* О клинко-популяционных аспектах игровой зависимости в Омской области // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2009. — № 1(36).

10. *Шепель Ю.* Азартные игры как инструмент разрушения общества // Власть. — 2007. — № 7.

11. *Blaszczyński A.* Overcoming Compulsive Gambling: A Self Help Guide Using Cognitive Behavioural Techniques. — London: Robinson Publishing Ltd, 1998.

12. *Coman G.J., Burrows G.D., Evans B.J.* Stress and anxiety as factors in the onset of problem gambling: implications for treatment // Stress Medicine. — 1997. — Vol. 13.

13. *Darbyshire P., Oster C, Carrig H.* Children of parent(s) who have a gambling problem: a review of the literature and commentary on research approaches // Health and Social Care in the Community. — 2001. — Vol. 9 (4). — P. 185-193.

Посвящается нашему испытуемому Владимиру Петренкову,
замечательному умному и отзывчивому человеку,
погибшему от рук террористов в московском метро
29 марта 2010 г.

ЦЕНА ТРЕВОГИ

И. В. Блинникова, М. С. Капица

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (№ гранта 11-06-00463а).

Эпоха тревоги

Аннотация: в статье рассматривается понятие тестовой тревожности как частного случая общей тревожности. Выделяются два компонента тестовой тревожности — направленность на решение задачи и направленность на сохранение самооценки и самоотношения. Анализируется влияние тестовой тревожности на организацию когнитивной деятельности. Приводятся результаты лабораторного эксперимента, демонстрирующие феномен реорганизации внимания и замедления ответов при воспроизведении пространственных конфигураций по мере возрастания тревоги.

Ключевые слова: тревога, тревожность, тестовая тревожность, внимание, воспроизведение пространственных конфигураций.

The summary: the study investigates test anxiety as a special case of general anxiety. Two components of test anxiety are analyzed — task oriented and self oriented. The results of the laboratory experiment demonstrate influence of test-anxious worry on the speed of cognitive performance and reorganization of attention in the process of reproduction of spatial configurations.

Keywords: worry, anxiety, test anxiety, attention, reproduction of spatial configurations.

В 1947 г. была опубликована поэма У.Х. Одена «Эпоха тревоги» (The Age of Anxiety) [10]. В русском переводе поэма носит название «Век тревоги», но в психологическом контексте нашей статьи уместнее звучит «Эпоха тревоги» [6]. У.Х. Оден полагал, что эти слова наиболее точно представляют время, в которое он жил и которое захватывало несколько европейских войн, и, возможно, не думал, что это было только начало. Тревога эпохи усиливается. С точки зрения поэта причинами тревоги является глобальная неопределенность, ощущение ограниченности времени, страх не оправдать свои и чужие ожидания. В данном случае речь идет скорее о базовой тревоге как привычном состоянии поколения. Тревожность становится общим качеством. К базовому уровню добавляется тревога, возникающая в ответ на локальные угрозы. Наша страна, вот уже десятилетие живущая в условиях ожидания очередного теракта, погружена в состояние не просто тревоги, а гипертревоги. Это состояние стало повседневным фоном психологической жизни.

Возможно, поэт самым первым уловил изменяющееся состояние общества. Во второй половине XX в. тревога и тревожность стали постоянным пред-

метод психологических исследований. Знаменитые работы Дж. Тэйлор получили дальнейшее развитие в экспериментах американских, европейских и российских психологов. Были разработаны методики измерения уровня тревожности и экспериментальные парадигмы исследования этого состояния [1; 3; 28].

Несколько ранее, примерно в то же время, когда создавались «тревожные стихи» У.Х. Одена (30-40-е годы XX в.) [7], немецкий психолог К. Гольдштейн разрабатывал свою теорию тревоги, которую он определил как субъективное переживание живого существа, оказавшегося в условиях катастрофы. Для К. Гольдштейна становится особенно важным, что тревога приводит к утрате внешнего объекта и окружающего мира. Он пишет: «создается впечатление, что по мере усиления тревоги ее объект и содержание все в большей степени исчезают» [16, с. 292]. Сравнивая тревогу со страхом, он подчеркивает, что можно убежать от того, чего боишься, но попытка убежать от тревоги является бессмысленной, поскольку нарушаются процессы локализации угрозы в пространстве.

Несмотря на то что идеи К. Гольдштейна интуитивно кажутся верными, они требуют подтверждения в психологических исследованиях. В нашем эксперименте мы поставили перед собой цель проверить, как меняется восприятие мира и готовность к действию при эскалации тревоги. В лабораторных условиях моделировалась ситуация возникновения тестовой тревожности и анализировалось, какое влияние оказывает усиление тревоги на организацию когнитивной обработки усложняющихся пространственных конфигураций.

Общая и тестовая тревожность

Во второй половине XX в. в американской психологии был сделан акцент на поведенческие проявления тревожности, которая получает статус мотивационной диспозиции. После работ Н. Миллера и О. Маурера тревожность начинает рассматриваться как «приобретенное влечение, источником которого служит антиципирующая эмоциональная реакция, которая вызывается стимулами, указывающими на какую-то угрозу» [8, с. 244]. В дальнейшем Ч. Спилбергер разделил личностную и ситуативную тревожность. По его мнению, Т-состояние (ситуативная тревожность) характеризуется субъективными сознательно переживаемыми ощущениями угрозы и напряжения, Т-свойство (личностная тревожность) является приобретенной поведенческой диспозицией, которая предрасполагает индивида к восприятию широкого круга объективно безопасных обстоятельств как содержащих угрозу [29].

В этой традиции большое внимание уделялось влиянию тревожности на то, как человек справляется со стоящими перед ним задачами, будь то простые сенсомоторные задания или сложные проблемные ситуации. В частности, было показано, что при усилении тревожности ухудшаются параметры запоминания и воспроизведения информации [17; 21; 23], затрудняются процессы заучивания и сохранения материала [13], нарушаются операции логического мышления [24] и принятия решений [18; 19].

Для проведения исследований требовалось моделировать состояние тревожности в лабораторных условиях. Оказалось, что наиболее простой спо-

соб — это создание ситуаций тестирования или экзамена, которые провоцируют появление тестовой тревожности [32]. Наиболее распространено определение тестовой тревожности как особого случая общей тревожности, которая проявляется в виде феноменологических, физиологических и поведенческих реакций на угрозу провала [26, с. 272].

В ситуации тестирования, согласно Дж. Мэндлеру и С. Саразону [22], будут действовать разные мотивационные тенденции: детерминированные задачей (taskdrive) и детерминированные тревожностью (anxietydrive). Поведение, определяемое тестовой тревожностью, включает в себя два вида реакций. Один из них релевантен заданию, он вносит конкретный вклад в его выполнение и тем самым снижает тревожность. Другой вид реакций, напротив, не связан со специфическими требованиями ситуации, затрудняет выполнение задания и сопровождается субъективными эмоциональными переживаниями некомпетентности, беспомощности и беспокойства. Эти реакции и связанные с ними переживания получают название тестовой тревоги. Похожий подход используется для выделения реакций тревоги в экстремальных ситуациях. Вводится дифференциация между адекватными формами реакции и реакциями тревоги. При этом постулируется, что отличительным признаком, позволяющим отнести реакцию к первому или второму виду, является направленность этой реакции — либо на преодоление влияния экстремальных факторов и сохранение текущей деятельности, либо на сохранение функционирования орга-

низма, но не на сохранение деятельности [5, с. 64 - 65].

В связи с этим, предлагая свою концепцию эффективности обработки, М. Айзенк и М. Кальво постулировали, что волнение (или тревога), являющееся компонентом тестовой тревожности (test-anxious worry), уменьшается при эффективном выполнении задания, но не является необходимым для эффективного выполнения [15].

В ряде работ было показано, что тестовая тревожность существенным образом связана с параметрами внимания. Возникающая в ситуациях тестирования или экзаменов тревога, вызванная сомнениями в себе, отвлекает внимание от связанных с поиском решения усилий и препятствует достижению успеха. Дж. Уайн [31], а затем и другие исследователи подтвердили это положение экспериментальными данными [2; 11; 14].

Дж. Истербрук [12] высказал более конкретное предположение. Он допустил, что тестовая тревожность и связанная с ней эмоциональная активность сужают зону внимания. Именно поэтому люди, переживающие такое состояние, не замечают значимую информацию и не могут эффективно решать задачи. Эти предположения нашли подтверждение в ряде работ [8]. В то же время они противоречат модели К. Гольдштейна [16]. Согласно последней внимание в состоянии тревоги должно скорее рассеиваться или колебаться. В ряде исследований были получены данные, свидетельствующие в пользу идей К. Гольдштейна [9; 20].

Исследование влияния тестовой тревожности на когнитивную обработку усложняющихся пространственных конфигураций

Для того чтобы проверить, как переживание тревоги влияет на восприятие мира и готовность к действию, мы моделировали ситуацию тестовой тревожности в лаборатории. Мы варьировали инструкцию, которую получали испытуемые перед тестовой сессией. Такой прием является достаточно традиционным в данной области исследований. В одной из работ И. Саразона [27] сравнивалось влияние пяти различных инструкций, таких как 1) нейтральная; 2) ориентирующая на достижения (задание представлялось как проверка интеллектуальных способностей); 3) успокаивающая (подчеркивалось, что задание слишком сложное, и его никто не выполняет правильно); 4) мотивированно-ориентирующая на выполнение задания (испытуемому ставилась цель поупражняться в выполнении задания); 5) ориентирующая на задание (указывалось, что эксперимент направлен на оценку заданий). Было продемонстрировано, что для высокотревожных испытуемых наиболее оптимальной оказывалась инструкция, ориентирующая на задание, а для слаботревожных — ориентирующая на достижения. В своей работе мы использовали эти два варианта инструкции — ориентирующую на оценку способностей и ориентирующую на задание.

В качестве тестовой мы использовали задачу на оценку объема внимания, в которой от испытуемых требовалось воспроизводить пространственное расположение стимулов в матрице сразу после ее предъявления. Выполнение данной задачи позволяет оценить суже-

ние или расширение фокуса внимания, а также определить характер организации процессов восприятия и временные параметры ответа.

Методика

Испытуемые: в исследовании приняло участие 40 человек (28 женщин и 12 мужчин) в возрасте от 18 до 26 лет (средний возраст — 20 лет). Все испытуемые были студентами московских вузов.

Программа исследования: исследование состояло из двух серий. В первой серии (в которой принимало участие 18 испытуемых — экспериментальная группа) индуцировалось состояние тестовой тревожности. Для этого испытуемому давалась инструкция, в которой указывалось, что будет осуществляться проверка их интеллектуальных способностей и специально подчеркивалось, что в дальнейшем их показатели будут сравниваться с показателями других студентов московских и зарубежных университетов. Такая инструкция ориентировала испытуемых на их собственные достижения и провоцировала тревогу, связанную с оценкой самоофективности. Во второй серии (в которой участвовало 22 человека — контрольная группа) в инструкции указывалось, что проводится адаптация психодиагностического комплекса и оценивается адекватность входящих в него методик. Такая инструкция ориентировала испытуемых на задание.

В обеих сериях в начале и конце испытаний участники заполняли опросники, позволяющие оценить как устойчивые свойства их личности, так и особенности их состояния (включая опросники на личностную и ситуативную тревож-

ность Ч. Спилберга в адаптации Ю. Ханина [4]). Собственно тестирование состояло из комплекса компьютеризированных когнитивных задач, разделенных на три блока. Первый и третий блоки включали в себя задания, позволяющие оценить характеристики актуальной когнитивной переработки с использованием тестов на объем внимания, ресурсы рабочей памяти, манипулирование образной и вербальной информацией и т. д. Второй блок включал в себя тест на интеллект (использовались стандартизированные матрицы Равена) для первой серии и тест на творческие способности (использовались задачи из теста Гилфорда) для второй серии. Выполнение обоих тестов занимало приблизительно 20 минут. Однако в первом случае испытуемых предупреждали о том, что время ограничено, а во втором им предлагали работать в свободном режиме, но затем останавливали.

Тестовая задача: в качестве тестовой использовалась задача на «объем

внимания», в которой испытуемым было необходимо воспроизвести с помощью цифровой клавиатуры пространственное расположение точек в матрице 3x3 (рис. 1). Количество точек последовательно увеличивалось от трех до шести. Задача включала в себя 40 проб, разделенных на 4 серии по 10 проб, которые отличались друг от друга количеством точек, предъявляемых в матрице.

Время экспозиции каждой матрицы составляло 200 мс. Такие временные параметры делали используемую тестовую задачу достаточно легкой. Регистрировались латентное время ответа и процент правильных ответов в каждой серии, а также показатели дисперсии. Кроме того, регистрировалось количество правильных ответов относительно каждой ячейки предъявляемой матрицы.

Обработка данных проводилась с помощью статистического пакета SPSS версии 17.0 с использованием корреляционного и дисперсионного анализа.

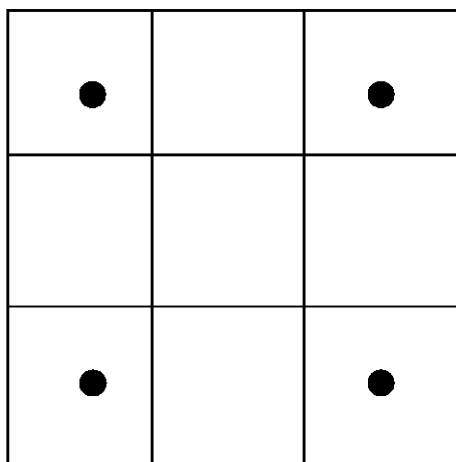

Рис. 1. Пример предъявляемой матрицы с четырьмя включенными стимулами

Результаты и обсуждение

На первом этапе обработки данных мы сравнили результаты двух групп испытуемых по **общим показателям выполнения**: точности и скорости ответов, а также по показателям вариативности данных (в обработку не включались данные ответов испытуемых на матрицы, в которых предъявлялись 3 точки, они рассматривались как пробные). Результаты этого анализа приведены в таблице 1. Анализ усредненных результатов выявил значимые различия между группами только в латентном времени ответа.

Испытуемые, ориентированные на проверку своих способностей и более интенсивно переживающие тревогу в ситуации тестирования, затрачивали больше времени на когнитивную обработку сигналов и подготовку ответа. Разница между группами составля-

ла 112,25 мс. Эту величину можно рассматривать как «цену тревоги».

Не было установлено существенной разницы между группами ни в проценте правильных ответов, ни в показателях вариативности ответов. Хотя стоит обратить внимание на то, что разброс в латентном времени ответов в экспериментальной группе был ниже. Это свидетельствует о большей однородности задержки ответов в данной группе и в целом подтверждает установленную ранее закономерность. Не было также установлено значимых различий ни в уровне личностной, ни в уровне ситуативной тревожности у двух групп испытуемых. Последнее кажется достаточно странным. Однако это позволяет нам говорить не об уровне тревожности, а о направленности компонентов тревожности — либо на задачу, либо на самого себя.

Таблица 1

Сравнение общих показателей выполнения задачи у двух групп испытуемых

Показатели	Экспериментальная группа с ориентацией на тестирование способностей	Контрольная группа с ориентацией на задание	Коэффициент Фишера (F)	Значимость (p)
Процент правильных ответов	97,36	97,29	0,012	0,914
Латентное время ответов (мс)	1122,25	1009,50	7,600	0,007
Дисперсия латентного времени ответов	23604,99	35736,37	1,293	0,259

Таблица 2

Сравнение латентного времени ответа у двух групп испытуемых в зависимости от количества стимулов, предъявляемых в матрице

Показатели	Экспериментальная группа с ориентацией на тестирование способностей	Контрольная группа с ориентацией на задачу	Разница между группами	Коэффициент Фишера (F)	Значимость (p)
4 точки	1100,47	1000,49	99,98	5,158	0,026
5 точек	1107,03	996,09	106,94	6,232	0,015
6 точек	1159,24	1031,91	127,33	8,755	0,004

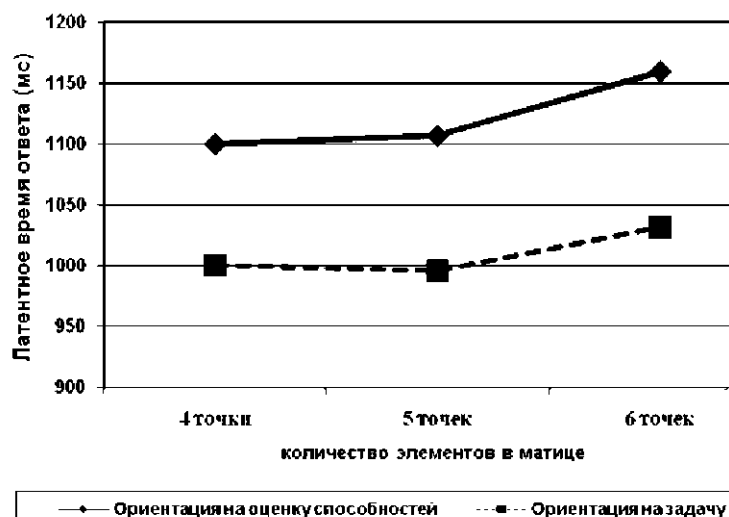

Рис. 2. Латентное время ответов у двух групп испытуемых в зависимости от количества стимулов, предъявляемых в матрице

На втором этапе обработки мы проанализировали, как меняется **латентное время ответов испытуемых в зависимости от количества элементов в матрице**. Результаты представлены в таблице 2 и на рисунке 2. Очевидно, что время реакции при предъявлении 6 точек существенно возрастает. Эта закономерность проявляется как для экспериментальной, так и для контрольной группы.

Различия между группами оказались значимыми для любого количества стимулов. Необходимо обратить особое внимание на то, что разница между группами практически не меняется. Из этого следует, что тревога в ситуации тестирования вносит стабильную прибавку примерно равную 100 мс к когнитивной обработке стимулов, которая незначительно возрастает при усложнении задачи.

На третьем этапе обработки данных мы проанализировали **пространственное распределение правильных ответов по ячейкам предъявляемой матрицы**. Распределение для экспериментальной группы представлено на рисунке 3, а для контрольной группы — на рисунке 4.

На рисунках видно, что внимание распределяется неравномерно. Общая тенденция заключается в том, что количество правильных ответов уменьшается, следуя диагонали от левого верхнего к правому нижнему углу. Наименьшее число правильных ответов относится к правой нижней ячейке. По всей видимости, в ряде случаев испытуемые не замечают стимулы, появляющиеся в этой части матрицы. Тенденция в целом проявляется для обеих групп испытуемых.

Если сравнить результаты распределения правильных ответов у двух групп,

99,767	99,133	97,967
99,467	99,733	96,433
98,167	94,267	91,333

Рис. 3. Распределение правильных ответов относительно ячеек предъявляемой матрицы для экспериментальной группы (разным цветом выделены области, между которыми существуют значимые различия в ответах испытуемых)

99,350	98,822	98,422
98,070	98,778	97,400
96,444	95,289	93,067

Рис. 4. Распределение правильных ответов относительно ячеек предъявляемой матрицы для контрольной группы (разным цветом выделены области, между которыми существуют значимые различия в ответах испытуемых)

то можно сделать вывод, что у испытуемых с ориентацией на проверку собственных способностей не происходит сужения внимания. Более того, мы

установили, что испытуемые экспериментальной группы были значительно более успешны в ответах относительно левой части матрицы ($F(1,73)=7,362$,

–	–	–	
–	–	–,463 <i>p</i> =0,003	–,344 <i>p</i> =0,034
–	–	–,284 <i>p</i> =0,084	
		–,390 <i>p</i> =0,016	

Рис. 5. Значимые корреляции уровня ситуативной тревожности перед началом выполнения задач и количества правильных ответов относительно ячеек матрицы

$r = 0,008$). При этом у них наблюдается снижение точности ответов в правой нижней части матрицы, хотя различия не подтверждаются статистически. Это свидетельствует о том, что в ситуации повышенной тревоги происходит, скорее, перераспределение внимания.

Мы проверили, как распределение правильных ответов испытуемых связано с уровнем их личностной и ситуативной тревожности, измеренных перед началом тестирования, но после общей инструкции (значимых связей между уровнем тестовой и ситуативной тревожности относительно всех остальных обсуждаемых показателей установлено не было). Результаты корреляционного анализа представлены на рисунке 5. Были получены значимые отрицательные корреляции между показателями ситуативной тревожности и числом правильных ответов относительно двух ячеек, расположенных в правом столбце матрицы в среднем и нижнем рядах, а также числом правильных ответов в среднем ряду и правом столбце. Такие данные свидетельствуют о

том, что уровень ситуативной тревожности перед началом тестирования моделирует характер распределения внимания: чем выше ситуативная тревожность, тем в меньшей степени испытуемые способны равномерно распределять внимание.

Что касается уровня личностной тревожности, то он был напрямую связан только с количеством правильных ответов в среднем ряду ($r = -0,355$, $p = 0,029$). Однако надо отметить, что уровень личностной тревожности был высокозначимо положительно связан с уровнем ситуативной тревожности перед началом тестирования ($r = 0,571$, $p < 0,001$), и тем самым опосредованно включался в модуляцию ответов в правой нижней области предъявляемой матрицы. Это согласуется с данными, полученными в других работах. В частности, в эксперименте П. Уочтела [30] было показано, что у обследуемых, испытывающих страх перед экзаменами, при выполнении заданий, требующих моторных реакций на сигналы, результативность когнитивной обработки возрастает

тала в центральных областях и снижалась в периферических областях перцептивного поля.

Выводы и заключение

В проведенном исследовании нам удалось показать влияние тревоги, возникающей в ситуации тестирования, на когнитивную обработку пространственно распределенных стимулов. Было установлено, что задаваемая инструкцией ориентация на самооценку и самоотношение приводит к стабильной прибавке к латентному времени ответа, которая приблизительно равна 100 мс. Одна десятая доля секунды! Много это или мало? Достаточно, чтобы сделать непоправимые ошибки.

Также было установлено, что тревога в ситуации тестирования приводит к характерному перераспределению ресурсов внимания. Происходит усиление внимания к левой части матрицы (к области начала считывания) и некоторое ослабление внимания к правой части матрицы. Такие данные, на первый взгляд, полностью противоречат и идеям К. Гольдштейна [16], и предположениям Дж. Истербука [12]. С точки зрения первого из этих исследователей, тревога должна приводить к рассеиванию внимания и потере объекта, по мнению второго — должно происходить сужение поля внимания. Однако не происходит ни того, ни другого.

Что касается идей Дж. Истербука, то вероятно следует говорить не столько о сужении, сколько о реорганизации поля внимания, когда внимание перенаправляется и происходит усиление концентрации в отдельных областях за счет его ослабления в других. В качестве метафоры мы можем представить

себе внимание в виде капли с фиксированным объемом (этот образ предложил Дж. Ризон), которая либо растекается, и при этом снижается уровень жидкости, либо локализуется в небольшом пространстве с повышением уровня жидкости [25].

Если мы вернемся к рассуждениям К. Гольдштейна, то стоит заметить, что он говорил о тревоге в самом общем смысле этого слова. В этом случае человек как царь в «Сказке о Золотом петушке» не имеет представления о том, откуда ему ждать опасности. В большинстве реальных ситуаций можно определить хотя бы общее направление ожидаемых событий. Тревога здесь превращается в ожидание угрозы с той или иной стороны. В нашем случае это тревожное ожидание было сконцентрировано в левой и центральной части матрицы. Если мы попробуем соотнести эти данные с установленным увеличением латентного времени ответа, то можно сделать вывод о том, что такое тревожное ожидание является недостаточно определенным: человек ожидает, сам не зная чего. Именно поэтому напряженное ожидание приводит не к убыстрению ответов, а к их замедлению.

Литература

1. Астапов В.М. Тревога и тревожность. Хрестоматия по психологии. — СПб.: ПИТЕР, 2001.
2. Блиникова И.В., Капица М.С., Леонова А.Б. Влияние стресс-резистентности на решение когнитивных задач // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы / под ред. В.В. Барabanщикова. — М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2010. — С. 465-477.
3. Леонова А.Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
4. Леонова А.Б., Капица М.С. Методы субъективной оценки функциональных состояний человека // Практикум по инженерной психологии и эргоно-

- мике / под ред. Ю.К. Стрелкова. — М.: Академия, 2003. — С. 254-299.
5. *Леонова А.Б., Медведев В.И.* Функциональные состояния человека в трудовой деятельности. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
 6. *Мэй Р.* Смысл тревоги. — М.: Независимая фирма «Класс», 2001.
 7. *Оден УХ.* Собрание стихотворений / сост., предисл., примеч. и пер. В. Топорова. — СПб.: Евразия, 1997. — 481 с.
 8. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. — М.: Педагогика, 1986.
 9. *Четвериков А.А.* Влияние эмоций на распределение внимания в задаче Навона // Обработка текста и когнитивные технологии. Когнитивное моделирование в лингвистике / под ред. В.Д. Соловьева и В.Н. Полякова. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2010. — С. 255-268.
 10. *Auden W.H.* The Age of Anxiety: A Baroque Eclogue. — New York, 1947.
 11. *Calvo M.G., Ramos P.M., Estevez A.* Test anxiety and comprehension efficiency: The role of prior knowledge and working memory deficits // *Anxiety, Stress and Coping: An International Journal*. — 1992. — № 5. — P. 125-138.
 12. *Easterbrook J.A.* The effect of emotion on cue utilization and the organization of behavior // *Psychological Review*. — 1959. — № 66 — P. 183-201.
 13. *Eysenck M.W.* Anxiety, learning and memory: A re-conceptualization // *Journal of Research in Personality*. — 1979. — Vol. 1 (13). — P. 363-385.
 14. *Eysenck M.W.* Anxiety and cognitive-task performance // *Personality and Individual Differences*. — 1985. — № 6. — P. 579-586.
 15. *Eysenck M.W., Calvo M.G.* Anxiety and performance: the processing efficiency theory // *Cognition and Emotion*. — 1992. — № 6. — P. 409-434.
 16. *Goldstein K.* The organism: A holistic approach to biology. — New York: The American Book Co., 1939.
 17. *Hodges W.F., Spielberger C.D.* Digit span: An indicant of trait or state anxiety? // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. — 1969. — № 33. — P. 430-434.
 18. *Keinan G.* Decision making under stress: scanning of alternatives under controllable and uncontrollable threats // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1987. — № 52. — P. 639-644.
 19. *Klein K, Barnes D.* The relationship of life stress to problem solving: Task complexity and individual differences // *Social Cognition*. — 1994. — № 12. — P. 187-204.
 20. *Lang P.J, Davis M.* Emotion, motivation and the brain: Reflex foundations in animal and human research // *Progress in Brain Research*. — 2006. — № 156. — P. 3-34.
 21. *MacLeod C., Donnellan A.* Individual differences in anxiety and the restriction of working memory capacity // *Personality and Individual Differences*. — 1993. — № 15. — P. 163-173.
 22. *Mandler G., Sarason S.B.* A study of anxiety and learning // *Journal of Abnormal Social Psychology*. — 1952. — № 47. — P. 166-173.
 23. *Mueller J.H.* Test anxiety, input modality and levels of organization in free recall // *Bulletin of the Psychonomic Society*. — 1977. — № 9. — P. 67-69.
 24. *Oaksford M, Morris F., Grainger B, Williams J.M.G.* Mood, reasoning, and central executive processes // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. — 1996. — Vol. 22 (2). — P. 476-492.
 25. *Reason J.* Human error. — New York: Cambridge University Press, 1990.
 26. *Sapp M.* Test anxiety: applied research, assessment, and treatment interventions. — Lanham, MD: University Press of America, 1999.
 27. *Sarason I.G.* Experimental approaches to test anxiety: Attention and the uses of information // *Anxiety: Current trends in theory and research*. Vol. 2 / C.D. Spielberger (ed.). — New York: Academic Press, 1972.
 28. *Schachter R.* Enhancing performance on The Scholastic Aptitude Test for test-anxious high school students // *Biofeedback*. — 2007. — Vol. 35 (3). — P. — 105-109.
 29. *Spielberger C.D.* Theory and research on anxiety // *Anxiety and behavior* / C.D. Spielberger (ed.). — New York: Academic Press, 1966. — P. 3-20.
 30. *Wachtel P.L.* Conception of broad and narrow attention // *Psychological Bulletin*. — 1968. — P. 417-429.
 31. *Wine J.D.* Test anxiety and the direction of attention // *Psychological Bulletin*. — 1971. — № 76. — P. 92-104.
 32. *Zeidner M.* Test anxiety: The state of the art. — New York: Plenum, 1998.

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е. Н. Богданов, Г. П. Иванов, Е. А. Шишкина

Аннотация: в статье рассматривается теоретическое и практическое исследование ценностных ориентации студентов различных курсов и их взаимосвязи с процессом профессионального становления.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, личность, молодежь, общество, профессиональное становление.

Abstract: The article presents theoretical and practical study of value orientations of students of different courses and their relationship to the process of professional formation.

Key words: values, personality, youth, community, professional development.

Среди специалистов стал общепризнанным тот факт, что ценности выступают интегративной основой как для отдельно взятого индивида, так и для любой малой или большой социальной группы, культуры, нации, для человечества в целом (Д. Леонтьев).

Изучение ценностей берет свое начало в философском учении — аксиологии (Дж. Дьюи, Э. Дюркгейм, Н. Сорокин, Г. Олпорт, Р. Роджерс, С. Рубинштейн и др.). Однако несмотря на ее проработанность в различных философских школах степень ее актуальности не уменьшилась.

Ей посвящен ряд известных исследований: шесть всероссийских и четыре европейских, несколько диссертационных исследований кандидатско-

го и докторского уровня (А. Сыркина, А. Шаров, В. Луков, Вл. Луков, Н. Захаров, М. Рогов). Специалисты практически всех сфер общественной жизни отмечают необходимость существования определенной, стабильной системы ценностей у человека (А. Антонов, В. Хомяков, О. Крыштановская, В. Соловей, Н. Лапин, А. Пелипенко и др.).

Серьезные изменения в структуре российского общества, переход российской экономики к рыночным отношениям, процессы, связанные с всемирной глобализацией, делают проблему ценностей вновь актуальной.

Наше исследование посвящено динамике изменения ценностей и ценностных ориентаций в процессе обучения студентов в гуманитарном вузе. Интерес представляет взаимосвязь ценностей с личностными особенностями, а также проявление ценностей в формировании профессиональной мотивации на этапе получения высшего профессионального образования.

Психологическая диагностика базируется на использовании психодиагностических инструментов и методов, позволяющих осуществлять применение современного статистического аппарата, обеспечивающего надежность и достоверность полученных данных.

Цель проведения данного исследования заключалась в теоретическом и практическом исследовании ценностных ориентаций студентов различных курсов и их взаимосвязи с процессом

профессионального становления, под которым, вслед за А. Бодолевым, Н. Кузьминой, А. Дергачом и др., мы понимаем как деятельностные, так и личностные аспекты.

Экспериментальной базой явились студенты 1, 3 и 5-го курсов экономического, психологического и юридического факультетов.

Таким образом, общее количество выборки составило 200 респондентов, из которых 80 — представители женского пола и 120 — представители мужского пола. Возраст обследуемых респондентов от 17 до 23 лет, возрастная категория — молодежь.

Формирование выборки испытуемых осуществлялось согласно научно-методическим критериям. Отбор психодиагностических методик осуществлялся на основе научно-методических требований. Были выбраны следующие методики: Многомерный опросник исследования самоотношения (МИС — методика исследования самоотношения); 16-факторный личностный опросник Рэймонда Бернарда Кеттелла в адаптации А.Г. Шмелева; Тест Рокича «Ценностные ориентации»; Тест прогрессивных матриц Дж. Равенна; Многофакторный личностный опросник FPI. Форма В (И. Фаренберг, Х. Зарг, Р. Гампел).

Становление будущего специалиста как высококвалифицированного работника, по мнению В. Якунина и Н. Нестеровой, возможно лишь при сформированном мотивационно-ценностном отношении к его профессиональному становлению. Анализируя психологические особенности развития учебно-познавательной деятельности студентов и результаты исследования, мы поддерживаем В. Якунина и Н. Нестерову, разде-

ляем весь период обучения на три этапа:

I этап (1-й курс) — характеризуется высокими уровневymi показателями профессиональных и учебных мотивов, управляющих учебной деятельностью. Вместе с тем они идеализированы, так как обусловлены пониманием их общественного, а не личностного смысла.

II этап (2, 3-й курс) — отличается общим снижением интенсивности всех мотивационных компонентов. Познавательные и профессиональные мотивы перестают управлять учебной деятельностью.

III этап (4, 5-й курс) — характеризуется ростом степени осознания и интеграции различных форм мотивов обучения.

Нами были выделены уровни развития мотивации учебно-трудовой деятельности:

I уровень (низкий): характеризуется малочисленными положительными мотивами учебной и трудовой деятельности. В основном это мотивы избегания неудобств, дискомфорта или узколичностные. Познавательные интересы аморфны, ситуативны (результаты по 1-му курсу).

II уровень: проявляется интерес к учебному материалу, все положительные мотивы связаны лишь с результативной стороной, ориентированы на успех, достижение результата, учение выступает в качестве средства достижения цели (результаты по 3-му курсу).

III уровень: наблюдается сформированность всех компонентов, мотивация четкая, направленность познавательных мотивов устойчивая (результаты по 5-му курсу).

IV уровень: отличает глубокое осознание мотивов, общая целеустремленность (результаты по 5-му курсу).

Такое выделение уровней, по нашему мнению, важно для организации обучающего процесса для учащихся с разным уровнем мотивации.

По итогам проведения мониторинга личности студентов факультета экономики были построены ориентировочные профили личности студентов 1, 3 и 5-го курсов соответственно. На их основе были выделены усредненные показатели, дающие возможность построения обобщающего профиля личности. сопоставление данных позволило создать усредненный портрет студента факультета экономики и проследить вариационные изменения показателей профиля по курсам.

Определение степени общительности человека в группе позволило сделать вывод о том, что в целом этот показатель выражен слабо. Следует иметь в виду, что на 1-м курсе выявился высокий показатель общительности, это отличает его от результатов 3 и 5-х курсов и усредненного показателя соответственно. Беспечность, открытость, непринужденность, небрежность, неуступчивость, самоуверенность, вплоть до бунтарства, имеющиеся на 1-м курсе, сменяются обособленностью, скептичностью, тактичностью, дипломатичностью на 3, 5-х курсах. Данная закономерность свидетельствует о том, что в период знакомства, установления отношений и борьбы за лидерство в группе ее члены более общительны, открыты и в то же время неуступчивы. По мере формирования внутри курса микрогрупп показатель общительности снижается. Проявляются черты обособленности и дипломатичности. В связи с этим изменяется и такая характеристика, как эмоциональная устойчивость. Переменчи-

вые, легко расстраивающиеся и теряющие равновесие духа, неустойчивые в интересах, уклоняющиеся от ответственности первокурсники в период обучения в вузе приобретают следующие качества: выдержанность, эмоциональная зрелость, постоянство интересов. Студенты 3, 5-х курсов трезво смотрят на вещи, реально оценивают обстановку. Характеризуются умением управлять ситуацией и избегать трудностей. Не внимательность, небрежность, импульсивность, являющиеся отличительными характеристиками студентов 1, 3-го курсов, трансформируются в благоразумие, рассудительность, беспокойство о будущем, стремление к самоанализу пятикурсника.

Смелые, авантюристичные, склонные к риску, беззаботные первокурсники, к 3-му курсу характеризуются сдержанностью, выполнением правил, повышенной чувствительностью к угрозе. К 5-му курсу имеет место возвращение к тенденциям авантюризма.

Практичность, приземленность, стремлений, некоторая ограниченность, стремление следовать общепринятым нормам, выраженные у первокурсников в связи с недавними испытаниями: выпускные и вступительные экзамены — у студентов 5-го курса приобретают тенденцию к поглощенности своими идеями, увлечению внутренними иллюзиями, что можно легко объяснить мечтательностью пятикурсника по поводу его трудоустройства и профессионального становления как человека с высшим образованием. К 5-му курсу снижается подзрительность, догматичность. Стремление потребовать от окружающих нести ответственность за собственные ошибки к 5-му курсу сменяется тенденцией

соглашаться с условиями, легко забывать трудности.

На 5-м курсе прослеживается явное усиление суровости, неверия в иллюзии, рассудительности, практичности, в некоторой степени жестокости. Пятикурсник берет на себя ответственность, действует практично и логично, часто не обращающая внимания на физические недомогания.

Таким образом, прослеживается четкая динамика в преодолении чувства вины, тревоги, страха, неуверенности в себе, легкоранимости. Такие качества, как несамостоятельность, нужда в поддержке группы, ориентация на социальное одобрение, развиваются в направлении групповой независимости, самостоятельности в принятии решений.

Интеллектуальные особенности личности студентов выражают тенденцию к повышению общих умственных способностей, абстрактности мышления, интеллектуальной приспособляемости, что в свою очередь ведет к повышению уровня вербальной культуры и эрудиции.

Также прослеживается динамика в качественном изменении эмоционально-волевых особенностей и межличностного взаимодействия, коммуникативных свойств.

Анализ результатов мониторинга личности студентов юридического факультета дал основания для описания динамики психологических и личностных особенностей структуры личности студентов-юристов на 1, 3 и 5-м курсах.

При отслеживании динамики изменений по показателю «общительность в группе» была установлена следующая закономерность: на фоне общего снижения таких параметров, как беспечность, мягкосердечность, небрежность,

доверчивость, тенденция идти на поводу, импульсивность, экспрессивность, к 3, 5-му курсам доминируют критичность, объективность и точность.

Студентов 3-го, и в большей степени 5-го, курсов отличает высокая нормативность, добросовестность, ответственность, настойчивость.

Усредненный портрет студента-пятикурсника: упорный, стойкий, решительный, эмоционально дисциплинированный моралист, имеющий чувство долга, соблюдающий моральные стандарты и правила, настойчив в достижении цели. На этом фоне легко проследить контраст с описанием студента 1-го курса: непостоянный, потворствующий своим желаниям, игнорирующий обязанности, подверженный чувствам, влиянию случая и обстоятельств, неорганизованный и безответственный, навязчивый, ищет помощи и симпатии.

Интеллектуальные особенности личности студентов выражают тенденцию к повышению общих умственных способностей, абстрактности мышления, интеллектуальной приспособляемости, что в свою очередь ведет к повышению уровня вербальной культуры и эрудиции.

В целом можно отметить, что безынициативные, нуждающиеся в групповой поддержке, принимающие решения вместе с другими, следующие за общественным мнением и ориентирующиеся на социальное одобрение первокурсники к концу обучения на юридическом факультете проявляют себя как проницательные по отношению к окружающим, разумные, эмоционально выдержанные специалисты. Они быстро решают практические вопросы, следуют общепринятым нормам, руководствуются объективной реальностью, надежны в практиче-

ском суждении. Им свойственна излишняя внимательность к мелочам. Они могут подчинить себе, действуют по осознанному плану, принимают социальные нормы, контролируют свои эмоции и поведение, доводят дело до конца, проявляя тем самым целенаправленность и упорство.

Проведя анализ результатов тестирования студентов 1, 3 и 5-го курсов факультета психологии, мы сделали вывод о том, что в структуре личности данных студентов также прослеживается динамика изменений. Беспечность, неприужденность, небрежность и доверчивость, выраженные у них на 1-м курсе, затем переходят в такие качества, как критичность, умение отстаивать свои идеи, объективность, в некоторой степени недоверчивость (что также может помочь психологу в работе, так как не всегда рассказ клиента о проблеме и есть сама проблема).

Интеллектуальные особенности личности студентов выражают тенденцию к повышению общих умственных способностей, абстрактности мышления, интеллектуальной приспособляемости, что в свою очередь ведет к повышению уровня вербальной культуры и эрудиции.

К 5-му курсу снижаются такие показатели, как толстокожесть, импульсивность, беззаботность, склонность к риску (которые имели ярко выраженный характер на 1, 3-м курсах), при одновременном сохранении в доминанте активности, общительности, отзывчивости, социальной смелости.

На 1-м курсе студентов характеризует мягкосердечие, зависимость, стремление к покровительству, суетливость. К 5-му курсу картина меняется. Студент 5-го курса факультета психологии рас-

судителен и реалистичен, несентиментален. Он умеет брать на себя ответственность, действует практично и логично. В нем ярко выражены способности к эмпатии, сочувствию, сопереживанию, пониманию. Ярким подтверждением динамики в структуре личности является изменение в следующих факторах: первокурсник принимает только испытанное временем, он подозрителен к новым людям, с сомнением относится к новым идеям. Студент 5-го курса — экспериментатор. Он свободомыслящий аналитик, хорошо информирован и терпим к неудобствам. Характеризуется наличием интеллектуальных интересов, аналитичностью мышления. Не доверяет авторитетам. На веру ничего не принимает.

Сводятся на нет такие факторы, как несамостоятельность, нужда в групповой поддержке, следование за общественным мнением и ориентация на социальное одобрение. И, наоборот, происходит значительное усиление факторов: самоконтроль, точность, воля, умение действовать по осознанному плану, контроль своих эмоций и поведения, целенаправленность.

При сопоставлении полученных данных с профиограммами, описывающими идеальные модели специалистов в выбранных областях, явно прослеживается динамика психологических особенностей в структуре личности студентов от курса к курсу. Она изменяется в зависимости от специфики профессиональной подготовки. Личность как субъект-деятель формируется и меняется, включаясь в социальную группу, которая предъявляет к ней свои требования относительно основных жизненных ценностей, а

профессиональная подготовка способствует реализации как собственных, так и групповых целей.

Изменение условий существования неизбежно влечет за собой эволюцию и соответствующую переоценку ценностей, переструктурирование всей системы ценностей, что усиливает шансы группы успешно адаптироваться к данной среде.

В ценностно-мотивационной сфере обучающихся выявлены ценности, имеющие одинаковое значение для них вне зависимости от этапа профессионализации и выбранной специальности. К ним в первую очередь относятся здоровье, любовь, воспитанность и образованность. В то же время в рамках блоков ценностей происходит смещение на ценности, имеющие откровенно выраженное узколичностное значение.

Путем экспериментального исследования было также установлено, что максимальная удовлетворенность избранной профессией наблюдается у студентов 1-го курса. В дальнейшем этот показатель неуклонно снижался, вплоть до 5-го курса. Однако несмотря на то что незадолго до окончания вуза удовлетворенность профессией оказывается наименьшей, само отношение к профессии становится положительным. Причем в некоторых случаях снижение удовлетворенности логично было бы связать с уровнем преподавания в конкретном вузе.

У большинства учащихся интерес к содержательной стороне профессии как ведущий мотив выбора представлен в значительно меньшем числе случаев, нежели побочные основания поскорее стать материально состоятельным, за компанию с друзьями и т. д.

Студенты, не имеющие достаточно полного и правильного представления о будущей профессии, к концу обучения реже демонстрируют намерение работать в дальнейшем по изучаемой специальности.

Однако наиболее интересными, на наш взгляд, являются факты, касающиеся ситуации профессионального самоопределения студентов. Исходя из данных именно студенты 1 и 2-го курса испытывают тревогу по поводу новой непривычной для учащихся среды и более свободного характера организации занятий. Основная причина обращений первокурсников за помощью — смысловые связи «Правильно ли я поступил?», «Ту ли профессию я выбрал?». Как видно из изложенного, у студентов 1-х курсов наблюдается неустойчивость мотивации и преобладание мотивации боязни неудачи.

При сопоставлении данных, позволяющих найти ответ на вопрос «Какую работу Вы хотели бы получить после окончания вуза?», были выявлены следующие результаты: свою специфическую деятельность больше всего выбирают студенты 1-го курса — 53 % и 5-го курса — 44,6 %, и менее всего студенты 3-го курса — 25,5 %. При этом прослеживается определенная динамика значимости мотивов для студентов при выборе предстоящей деятельности. При переходе от младших курсов к старшим стабильно снижается доля студентов, руководствующихся мотивом познания, одновременно возрастает доля тех, кто намерен строить свои отношения на основе престижности будущей профессии.

Литература

1. Бакшеева НА, Вербицкий АА. Психология мотивации студентов. — М., 2006.

2. Донцов А.И., Белокрылова Г.М. Профессиональные представления студентов психологов // Вопр. психологии. — 1999. — № 2.

3. Иванова Е.М. Психологическая системная профессиография. — М., 2003.

4. Лисовский В. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: учеб. пособие. — СПб.: СПбГУП, 2000.

5. Мельников В.М., Ямпольский Л.Т. Введение в экспериментальную психологию личности: учеб. пособие для пед. ин-тов. — М., 1985. — 319 с.

МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ (из опыта работы)

Т. В. Мальцева, И. Е. Реуцкая

Аннотация: статья посвящена проблеме использования обучающих технологий при подготовке юристов в системе высшего профессионального образования. В частности, оптимизации обучения студентов юридических факультетов вузов дисциплине «юридическая психология».

Ключевые слова: юридическая психология, обучающие технологии, студенты, практические задания, рабочая тетрадь.

The summary: article is devoted a problem of use of training technologies by preparation of lawyers in system of the higher vocational training. In particular optimization of training of students of faculties of law of high schools to discipline «legal psychology».

Key words: the legal psychology, training technologies, students, practical tasks, a working writing-book.

На современном этапе одна из центральных задач профессионального образования в вузах — подготовка высо-

копрофессиональных специалистов [4, с. 7-8]. В данном контексте приоритетной становится проблема обновления модели и содержания образования в соответствии с актуальными и перспективными потребностями общества и государства.

Профессиональное образование характеризуется как процесс приобретения знаний, умений и навыков, необходимых для успешного осуществления профессиональной деятельности, развития профессионально значимых качеств личности и формирования профессионального сознания будущего специалиста. Сложившаяся ситуация переосмысления ориентиров профессионального образования отводит психологической науке особую роль в совершенствовании учебно-воспитательного процесса. Сегодня все более четко осознается то, что психология не отвлеченная наука, а важное звено в профессиональной подготовке любого специалиста, в том числе юридического профиля.

Современное состояние развития обучающих психотехнологий позволя-

Литература

1. Бакшеева НА, Вербицкий А.А. Психология мотивации студентов. — М., 2006.
2. Донцов А.И., Белокрылова Г.М. Профессиональные представления студентов психологов // Вопр. психологии. — 1999. — № 2.
3. Иванова Е.М. Психологическая системная профессиография. — М., 2003.
4. Лисовский В. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: учеб. пособие. — СПб.: СПбГУП, 2000.
5. Мельников В.М., Ямпольский Л.Т. Введение в экспериментальную психологию личности: учеб. пособ. для пед. ин-тов. — М., 1985. — 319 с.

МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ (из опыта работы)

Т. В. Мальцева, И. Е. Реуцкая

Аннотация: статья посвящена проблеме использования обучающих технологий при подготовке юристов в системе высшего профессионального образования. В частности, оптимизации обучения студентов юридических факультетов вузов дисциплине «юридическая психология».

Ключевые слова: юридическая психология, обучающие технологии, студенты, практические задания, рабочая тетрадь.

The summary: article is devoted a problem of use of training technologies by preparation of lawyers in system of the higher vocational training. In particular optimization of training of students of faculties of law of high schools to discipline «legal psychology».

Key words: the legal psychology, training technologies, students, practical tasks, a working writing-book.

На современном этапе одна из центральных задач профессионального образования в вузах — подготовка высо-

копрофессиональных специалистов [4, с. 7-8]. В данном контексте приоритетной становится проблема обновления модели и содержания образования в соответствии с актуальными и перспективными потребностями общества и государства.

Профессиональное образование характеризуется как процесс приобретения знаний, умений и навыков, необходимых для успешного осуществления профессиональной деятельности, развития профессионально значимых качеств личности и формирования профессионального сознания будущего специалиста. Сложившаяся ситуация переосмысления ориентиров профессионального образования отводит психологической науке особую роль в совершенствовании учебно-воспитательного процесса. Сегодня все более четко осознается то, что психология не отвлеченная наука, а важное звено в профессиональной подготовке любого специалиста, в том числе юридического профиля.

Современное состояние развития обучающих психотехнологий позволя-

ет существенно повысить качество профессиональной подготовки юристов в системе высшего образования. Потребность применения методов, способствующих формированию заинтересованного отношения студентов к изучению курса «Юридической психологии», обусловлена, с одной стороны, сложностью восприятия теоретического материала из области психологии, а с другой — высокой практической значимостью психологических знаний в профессиональной деятельности юриста.

Структура учебного курса «Юридическая психология» для студентов юридических факультетов вузов предполагает не только изучение материала, непосредственно относящегося к предмету юридической психологии, но и овладение знаниями, умениями и навыками из различных отраслей психологической науки, в большей степени общей и социальной. Правомерность указанного подхода обусловлена необходимостью формирования у будущих юристов прежде всего базовых знаний в области психологии. Это связано с тем, что студенты юридических факультетов в рамках курса «Юридическая психология» впервые знакомятся с психологией как наукой. Таким образом, они впервые воспринимают теоретико-психологические знания в системе. Данный процесс для студентов является чрезвычайно сложным, поскольку для адекватного понимания и оперирования получаемой информацией им необходимо прежде всего овладеть категориально-понятийным аппаратом психологической науки. С целью оптимизации восприятия студентами информации психологией и педагогикой разработаны различные методы и приемы.

В поисках решения проблемы усиления практической направленности и развития творческого потенциала подготовки специалистов юридического профиля в вузах можно выделить несколько направлений:

- использование новых информационных технологий, обеспечивающих практическую направленность в процессе изучения дисциплин, включенных в учебный план вуза;
- проведение практических занятий на базе профильных учреждений и практических органов;
- использование тренингов, сюжетно-ролевых игр, дискуссий и т. п.

Эти направления взаимосвязаны между собой и часто не могут существовать друг без друга.

Развитие творческого потенциала студентов связано с их умением применять полученные теоретико-психологические знания на практике. Причем формирование операциональной [9, с. 158] компетентности студентов представляется целесообразным начинать с тренингов, позволяющих постепенно преобразовывать теоретические знания в практические умения и навыки. Так, для обучения студентов практическим навыкам определения психологических особенностей человека с целью установления и поддержания с ним коммуникативного контакта целесообразно предложить им ряд упражнений. В начале следует использовать упражнения, направленные на определение характера не реально существующего человека, а вымышленного, например литературного героя. Для успешного выполнения данных упражнений студентами необходимо подбирать отрывки из литературных текстов (лучше диало-

ги или портретные описания), в которых ярко, даже с гротеском, отражены особенности личности героя. Следующим этапом работы по формированию указанного навыка является дистанционное (на основе визуальной и вербальной диагностики) определение ведущих черт характера у знакомых людей (например, своих товарищей по группе). При этом визуальная диагностика позволяет определять черты характера человека на основе «чтения» его телодвижений, манеры общения, стиля в одежде и т. д., а вербальная — помогает посредством вопросов восполнить пробелы в информации о человеке, свидетельствующей об особенностях его поведения за пределами общей для диагноста и испытуемого социальной среды. Заключительный этап работы по формированию умения определять характерологические особенности человека — это дистанционное диагностирование характерологических особенностей у незнакомых людей (например, во время прохождения учебной практики). Проведение тренингов целесообразно при изучении таких тем юридической психологии, как: «Формы психического отражения действительности. Познавательная подструктура деятельности юриста», «Общение и его закономерности», «Личность как объект психологического познания в правоприменительной деятельности», «Социально-психологические аспекты деятельности арбитража, нотариата, юридических консультаций».

В рамках изучаемой проблемы представляет интерес также возможность самостоятельной работы студентов, например при изучении темы «Правовая психология» может быть предусмотрено самостоятельное ознакомление

студентов с различными материалами средств массовой информации (СМИ): газетными и журнальными статьями, телевизионными и радиопередачами, работающими в различных жанрах. Следует отметить, что изучение материалов СМИ осуществляется студентами целенаправленно и способствует закреплению у них знаний о правовой психологии, признаках правомерного поведения, формированию умения самостоятельно оценивать степень и направленность влияния тех или иных источников информации на правовую психологию населения.

Таким образом, изучение каждой темы из курса юридической психологии требует использования тренировочных заданий практической направленности. Одним из подходов к решению задачи повышения практической направленности подготовки специалистов является использование при обучении психологическим дисциплинам рабочих тетрадей.

С целью оптимизации обучения студентов юридических факультетов в ходе практических и самостоятельных занятий была создана рабочая тетрадь «Юридическая психология», составленная Т.В. Мальцевой [7]. Данная тетрадь содержит упражнения эвристического и развивающего характера, активизирующие мыслительную деятельность студентов, их творческое и воссоздающее воображение, произвольное внимание и другие психические и эмоционально-волевые процессы. К этой тетради имеется мультимедийное приложение, в котором содержатся: «Словарь криминального жаргона», «Словарь асоциальных жестов», «Каталог уголовных татуировок», «Каталог преступников», образцы материалов уголовных дел. Указан-

ные материалы представляют собой справочно-иллюстративное наполнение рабочей тетради, на основе материалов «Каталога преступников» и уголовных дел проводится психологическое портретирование личности преступника.

Использование рабочей тетради в процессе обучения способствует:

- формированию умений и навыков практических действий, необходимых для грамотного выполнения функциональных обязанностей, предусмотренных профессиональной деятельностью;
- развитию навыков самооценки личности;
- формированию индивидуальной программы профессионального и личностного роста;
- обучению приемам визуальной психодиагностики;
- развитию коммуникативной компетентности;
- формированию навыков разрешения конфликтных ситуаций;
- формированию навыков творческого мышления, самостоятельной мыслительной деятельности, логического рассуждения с опорой на научные аргументы и факты;
- развитию умений делать собственные выводы, обобщения, анализировать и проводить простейшие научные исследования.

Каждая тема представлена двумя блоками: повторение теоретических вопросов со ссылкой на рекомендуемую литературу, а также выполнение разнообразных практических заданий. Учебный материал ориентирован на повторение, углубление и систематизацию полученных ранее знаний, а также рассчитан на определенный контингент обучающихся, так как задания составлялись с учетом

профессиональных потребностей обучающихся в юридическом вузе. При подготовке учебного материала учитывалась специфика вуза, акцентировалось внимание на использовании примеров из юридической деятельности.

Предлагаемые практические задания могут быть использованы как для обучения, так и для контроля. Кроме того, они содержат материал, позволяющий не только углублять знания обучаемых, но и развивать их творческие способности.

Благодаря мультимедийному сопровождению преподаватель может по своему усмотрению распределять задания по вариантам, а также применять их с учетом разноуровневой подготовки обучающихся. Большинство заданий сформулировано таким образом, чтобы помимо усвоения базовых навыков, студенты могли повышать свою психологическую культуру.

В зависимости от содержания изучаемого материала и целевой установки в рабочей тетради предлагаются различные формы проведения занятий: деловые и ситуационно-ролевые игры, тренинги профессионального и личностного роста, а также социально-психологический тренинг.

Работа с тетрадями по психологическим курсам на занятиях должна занимать лишь определенную часть времени, которую главным образом целесообразно использовать для организации проверки, анализа и обсуждения в рамках занятия самостоятельной работы обучающихся.

Основное назначение рабочей тетради — создать необходимые условия для развития творческого потенциала, успешной самостоятельной работы сту-

дентов по изучению юридической психологии и помочь актуализировать полученные знания в профессиональной сфере.

Анализ результатов деятельности по обучению студентов юридической психологии свидетельствует, что использование практических заданий вызывает у данной категории лиц живой интерес к получению знаний и эмоционально-позитивное отношение к указанной дисциплине; активизирует развитие профессионально важных и профессионально значимых качеств личности [8, с. 304], способствует совершенствованию правосознания, консолидирует учебную группу. В целом способствует формированию общекультурной и профессиональной компетентности студентов, что в результате положительно отразится на их последующей профессиональной деятельности.

Литература

1. Аутов П.Р. Технология и современное образование // Педагогика. — 1996. — № 2. — С. 11-17.
2. Балаев А.А. Активные методы обучения. — М., 1986. — 96 с.
3. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности 030501.65 «Юриспруденция», 2005.
4. Жевлакович С.С. Образовательная политика МВД России: Проблемы и пути решения // Вестн. Моск. ун-та МВД России. — 2005. — № 3.
5. Концепция совершенствования профессиональной подготовки кадров в системе МВД РФ на 2004-2010 гг. — М.: ГУК МВД РФ, 2003.
6. Ломов Б.В. Методологические и теоретические проблемы психологии. — М., 1984. — 443 с.
7. Мальцева Т.В. Юридическая психология: рабочая тетрадь: учеб. пособие. — Руза, 2007. — 36 с.
8. Поваренков Ю.П. Профессиональное становление личности: дис. д-ра ... психол. наук. — Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т, 1999. — 359 с.
9. Прикладная юридическая психология: учеб. пособие для вузов / под ред. А.М. Столяренко. — М., 2001. — 639 с.
10. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А.М. Столяренко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. — 607 с.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРОФЕССИИ: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, ТИПОЛОГИЯ

Н. В. Майсак

Аннотация: в статье рассматривается проблема девиантного поведения в профессиональной деятельности, дается анализ существующих классификаций, представлена разработанная автором типология девиаций в профессии.

Ключевые слова: девиантное поведение в профессиональной деятельности, типология девиаций в профессии.

The summary: the article deals with the problems of deviant behavior in professional activity, existing classifications

are analyzed, the typology of deviations in trades developed by the author is presented.

Keywords: deviant behaviour in professional work, typology of deviations in trades.

Профессиональная деятельность в рамках учреждений и организаций складывается из множества видов поведения, подчиненных цели, востребованной обществом, четко обозначен-

дентов по изучению юридической психологии и помочь актуализировать полученные знания в профессиональной сфере.

Анализ результатов деятельности по обучению студентов юридической психологии свидетельствует, что использование практических заданий вызывает у данной категории лиц живой интерес к получению знаний и эмоционально-положительное отношение к указанной дисциплине; активизирует развитие профессионально важных и профессионально значимых качеств личности [8, с. 304], способствует совершенствованию правосознания, консолидирует учебную группу. В целом способствует формированию общекультурной и профессиональной компетентности студентов, что в результате положительно отразится на их последующей профессиональной деятельности.

Литература

1. Аутов П.Р. Технология и современное образование // Педагогика. — 1996. — № 2. — С. 11-17.
2. Балаев А.А. Активные методы обучения. — М., 1986. — 96 с.
3. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности 030501.65 «Юриспруденция», 2005.
4. Жевлакович С.С. Образовательная политика МВД России: Проблемы и пути решения // Вестн. Моск. ун-та МВД России. — 2005. — № 3.
5. Концепция совершенствования профессиональной подготовки кадров в системе МВД РФ на 2004-2010 гг. — М.: ГУК МВД РФ, 2003.
6. Ломов Б.В. Методологические и теоретические проблемы психологии. — М., 1984. — 443 с.
7. Мальцева Т.В. Юридическая психология: рабочая тетрадь: учеб. пособие. — Руза, 2007. — 36 с.
8. Поваренков Ю.П. Профессиональное становление личности: дис. д-ра ... психол. наук. — Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т, 1999. — 359 с.
9. Прикладная юридическая психология: учеб. пособие для вузов / под ред. А.М. Столяренко. — М., 2001. — 639 с.
10. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А.М. Столяренко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. — 607 с.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРОФЕССИИ: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, ТИПОЛОГИЯ

Н. В. Майсак

Аннотация: в статье рассматривается проблема девиантного поведения в профессиональной деятельности, дается анализ существующих классификаций, представлена разработанная автором типология девиаций в профессии.

Ключевые слова: девиантное поведение в профессиональной деятельности, типология девиаций в профессии.

The summary: the article deals with the problems of deviant behavior in professional activity, existing classifications

are analyzed, the typology of deviations in trades developed by the author is presented.

Keywords: deviant behaviour in professional work, typology of deviations in trades.

Профессиональная деятельность в рамках учреждений и организаций складывается из множества видов поведения, подчиненных цели, востребованной обществом, четко обозначен-

ной и институционально закреплённой. Так, Е.А. Климов под трудовой деятельностью понимает «производство социально ценных реальностей»: информации, упорядоченности чего-либо, новообразований в психике, во внутреннем мире других людей и своем собственном [10]. Становление и функционирование субъекта труда он рассматривает как приближение к идеалам культуры в соответствии с закономерностями окружающей действительности и психики личности.

Разумно выбранные профессия и специальность, соответствующие ценностям, интересам и направленности субъекта, на основе учета определенного набора индивидуально-типологических качеств, должны в дальнейшем обеспечивать человеку личностную и профессиональную успешность. Однако в процессе длительного занятия какой-либо профессиональной деятельностью у специалиста могут формироваться личностно-профессиональные деформации и деструкции, девятиативные черты, качества и установки, блокирующие профессиональный рост и даже делающие его профнепригодным. Это происходит потому, что профессия способна заострять имевшиеся индивидуально-психологические особенности человека и формировать девиантные поведенческие паттерны, проявляющиеся в неконструктивных способах реагирования и проявления чувств, стереотипах мышления, нарушении коммуникативного стиля, стиля профессиональной деятельности и даже *клинических симптомах* — психосоматических, патохарактерологических и психопатологических [13].

Ученые (С.П. Безносков, Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк и др.) констатируют, что на

стадии профессионализации для специалистов многих видов профессий характерно развитие *личностной деформации*, проявляющейся в профессиональной усталости, мотивационном, интеллектуальном, физическом истощении, возникновении психологических барьеров, обеднении репертуара способов выполнения деятельности, утрате профессиональных умений и навыков, снижении работоспособности, психосоматических и психопатологических симптомах [2; 6]. Среди специалистов помогающих профессий обнаружены поведенческие проявления такой формы личностной деформации, как эмоциональное и *профессиональное выгорание*: эмоциональное отчуждение, профессиональный цинизм, деперсонализация как потеря индивидуальности и личностная отстраненность, деморализация, редукция профессиональных обязанностей, профессиональный кретинизм, при котором отношение к людям и различным аспектам действительности рассматриваются сквозь призму профессии. Так, педагоги склонны к морализаторству, врачи — к постановке страшных диагнозов, сотрудникам ОВД свойственны предвзятость и обвинительная позиция, уверенность в собственной непогрешимости, культ силы, игнорирование требований закона и пр. [9; 13]. Наряду с такими проявлениями *профессиональных деструкций*, как «выученная беспомощность», консервация профессионального опыта или крайнее проявление трудоголизма, акцентуации характера (агрессивность, авторитарность, демонстративность, догматизм, консерватизм и пр.), подобные явления могут быть отнесены к девятиативным, отклоняющимся от профессиональной нормы [12]. Крайней

степенью профессиональной деформации, когда аморальность, нарушение законов, асоциальное поведение или профессиональное бессилие делают невозможным продолжение деятельности, выступает профессиональная деградация.

Среди профессиональных вариантов девиантного поведения В.Д. Менделевич [13] выделяет: эмоциональную черствость врачей и медицинских сестер хирургического профиля; агрессивное поведение спортсменов и работников правоохранительных органов; командное поведение военнослужащих; диктаторское поведение политиков; сентенционное и консервативное — педагогов; нарциссическое (рекламное), снобистское и суицидальное поведение представителей творческих профессий; не имеют четкой связи с профессиональной ориентацией противоправное (вымогательство, взяточничество), аддиктивное, алкогольное, паранойяльное, безнравственное и неэстетичное поведение.

С точки зрения В.Д. Менделевича [13], у личности могут быть выявлены такие *девиативные черты*, как безынициативность, жеманность, манерность, кокетство, бравоирование, мнительность, наигранность, негативизм, педантизм, нигилизм, скептицизм, перфекционизм, пафосность, высокомерие, позерство, притворство, развязность и пр. Ученый обращает внимание на *профессионально нежелательные качества личности* (авторитарность, безответственность и др.), *психопатологические симптомы* (агеразия, аутизм, кверулянтство, сутяжничество и пр.) и *девиативные паттерны личности*, среди которых: 1) особенности действий, реакций и влечений (алчность, kleптомания); 2) эмоциональные девиации (переживания с оттенком повыше-

ния или понижения настроения, тоскливостью, гневливостью); 3) экспрессивные стили при трактовке мимики, жестов, рукопожатий, позы, походки, взглядов, голоса, внешности (гримасничанье, мигание, тики, жевание, скрежетание зубами, тризм, бруксомания, гоготание, насильственный смех, ухмылка, шмыгание, яктация, неусидчивость, суетливость и т. д.); 4) речевые стили.

Особым типом отклоняющегося поведения В.Д. Менделевич считает *тип девиантного поведения, основанный на гиперспособностях*, который в рамках какой-либо профессиональной деятельности будет характеризоваться превышением среднестатистических способностей, а также проявлениями одаренности, таланта, гениальности [13, с. 85-86].

В. Соколов на примере госслужащих выделяет такие *аморальные формы поведения*, как доносительство, склоки, подхалимаж, грубость, бестактность, унижение человеческого достоинства, преднамеренная дискриминация, протекционизм, клановость, сговор, корысть и нечистоплотность ответственных чиновников, незаконные способы продвижения по службе и нарушение делового этикета [18].

Автор статьи полагает, что при выявлении у специалиста *девиантного поведенческого стереотипа* можно опираться на выделенные О.А. Гильбурдом [3] критерии анализа: 1) элементы поведения (позы, взгляд, мелкие двигательные стереотипии); 2) простые паттерны поведения (дистанция, приветствие, ориентация тела, мимика, глазной контакт, предпочтительные жесты, манипулирование одеждой); 3) сложные формы поведения (поддержание чистоты тела,

одежды, домашней территории и рабочей зоны; выбор фасонов одежды; внимание к стрижке, бритью, причёске или пренебрежительное отношение к ним; походка; агрессия и аутоагрессия; элементы неophobia; миграции; группирование по семейному, национальному и другим признакам; характер семейных отношений и сексуальное поведение).

При разграничении девиации и нормы следует анализировать способность к эффективному общению и *речевую культуру* специалиста как составляющие коммуникативной компетентности, стиля профессиональной деятельности и уровня его общей культуры. Л. Мухарямова [14] подчеркивает, что особенности речевого поведения и *дискурс* специалистов могут определять культурно-интеллектуальное состояние действующей элиты.

Под дискурсом традиционно понимается способ рассуждения и аргументации, стиль мышления, речь, погруженная в социальный контекст [5]. Дискурс — это сложное единство языковой практики, экстралингвистических факторов (манифестируемое поведение), внеязыковых семиотических процессов, необходимых для понимания устного или письменного текста, дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях восприятия сообщения [19]. Л. Мухарямова отмечает, что дискурс — это элемент харизмы, механизм распознавания в координатах «свой-чужой», способ борьбы за власть, инструмент легитимизации [14]. К девиативному дискурсу можно отнести блатную и матерную речь, криминализацию языка («наезд», «разборки», «замочим в сортире» и т. п.), жаргон и арготизмы, словотворчество и словоблудие, косно-

язычие, семантическую «неразбериху», засорение русского языка имеющими «родные» аналоги иностранными словами, что следует считать приметам деградации языка и языковых дисфункций. Девиативными могут являться сопровождающие речь невербальные поведенческие паттерны.

Основным механизмом девиантного поведения в профессиональной деятельности выступает несоответствие требований профессии личностным качествам и возможностям специалиста. Девиации поведения возникают и в силу влияния на личность специалиста таких специфических особенностей профессиональной деятельности, как монотонность, рутинность, интенсивность, рискованность, стрессогенность и пр. Неслучайно Е.В. Змановская отмечает, что в современных социокультурных условиях девиантное поведение становится все более распространенным способом адаптации отдельных индивидов и социальных групп к стрессогенному характеру современной жизни [7, с. 7].

К.Э. Оксинаид считает, что законы корпоративности предъявляют к специалисту определенные требования и даже могут навязывать оригинальный профессиональный стереотип [15]. Г.Р. Латфуллин и О.Н. Громова подчеркивают, что ценностные ориентации, установки и поведение людей напрямую соотносятся с тем способом, которым организованы их отношения [16, с. 364]. Так, работа может выполняться: индивидуально или по принципу взаимодействия в группе, с определенной степенью автономности или с применением строгих правил к выполнению должностных обязанностей. На основе анализа этих оригинальных признаков различные вари-

анты девиантного поведения в организации можно рассмотреть в четырех метафорических прототипах:

- «ястребы» — конкурентоспособные творческие индивиды, имеющие тенденцию создавать свои правила или менять их в свою пользу;

- «ослы» — для них главенствуют правила, но имеется недостаток автономии, низкий статус и относительная изолированность друг от друга; стремясь повысить независимость и обеспечить свои интересы, они идут на нарушение правил и норм;

- «стервятники» — сильно вовлечены в группу со слабыми правилами, с минимальной дифференциацией по рангам или функциям; девиации обусловлены сговором между работниками и менеджментом;

- «волчьи стаи» — с сильными правилами и сильным вовлечением в группу на основе долгосрочной стратегии в части как девиаций, так и других дел.

Представители этих групп в рамках профессиональной деятельности *могут нарушать не только должностные обязанности и инструкции, но и нормы этикета, а участвуя в совместной преступной деятельности — моральные и правовые нормы*. На основе работ Грина Г.Р. Латфуллин и О.Н. Громова описывают четыре категории *профессионального криминала* [16]: 1) преступления в интересах нанимающей (предпринимательской) организации; 2) преступления, совершаемые официальными лицами путем использования их правительственных полномочий; 3) преступления, совершаемые профессионалами путем использования своих профессиональных возможностей; 4) индивидуальные преступления.

Таким образом, противоправное поведение в одних профессиях может совершаться индивидуально, в других — при сговоре руководителей, но без участия членов организации; в третьих — требует групповой кооперации. Причиной подобных девиаций является деформация в когнитивной сфере, приводящая к аморальному, асоциальному, криминальному поведению и деструкции личности специалиста.

На основе исследований Е.А. Левиной (2004) выявлено, что в профессиональной сфере больше всего совершается корыстных преступлений, их мотивом выступает обретение определенного материального уровня, по достижении которого уровень притязаний на благосостояние возрастает все больше и больше; лишь затем идут преступления по неосторожности (на основе халатности, потери бдительности, невнимательности, недостаточной личной ответственности), а также насильственные и сексуальные преступления [9]. Однако В.В. Барис и Ю.О. Народицкий считают, что все должностные и служебные правонарушения несравнимы по степени общественной опасности с коррупционными деяниями, стержнем которых является подкуп [1]. В мировой практике под коррупцией понимается отказ от ожидаемых стандартов поведения со стороны представителей власти ради незаконной личной выгоды, корыстное злоупотребление своим служебным или социально-политическим положением и влиянием в государстве. К. Магомедов отмечает, что к действиям коррупционного характера госслужащих могут подтолкнуть следующие причины: необходимость компенсировать недо-

статочную высокую зарплату; стремление к созданию резерва имущественных и денежных средств; желание быть не хуже других состоятельных людей, имеющих коттедж, машину, престижный досуг и пр.; особенность характера — не упускать возможность извлечения личной выгоды из любых предположений, в том числе незаконных [11].

Следует заметить, что приведенные классификации и подходы к определению девиантного поведения в профессии далеко не полные, поскольку ограничены только преступлениями и не включают в себя недопустимое с точки зрения норм, но не криминальное поведение специалистов в рамках профессии. В связи с этим наблюдаемые проявления девиантного поведения, за исключением криминальных его вариантов, в тех или иных профессиях носят пока гипотетически-описательный характер и редко становятся предметом специальных исследований. Г.Р. Латфуллин и О.Н. Громова отмечают, что в менеджменте под термином «девиация» кроме действий, которые не вписываются в рамки закона, понимается любое недозволенное поведение работника на рабочем месте [16, с. 360]. Автор статьи полагает, что если существуют две формы поступка — действие и бездействие, — то к девиациям в рамках профессии можно отнести как ненадлежащее выполнение деятельности, так и ее невыполнение (откровенный или маскируемый саботаж).

Необходимо особо подчеркнуть, что профессия предъявляет требования к реализации такой модели поведения и системы предписаний, которые должен усвоить индивид, чтобы его признали типичным представителем этой профес-

сии. Однако не всегда диктуемая профессиональной группой норма поведения может быть признана гармоничной или нормативной с точки зрения общепринятых норм, и наоборот. Социальные нормы возникают как результат отражения в сознании людей объективных закономерностей функционирования общества. Как подчеркивает И.А. Грошева, это отражение может быть как адекватным, так и искаженным [4, с. 82].

Итак, профессиональных норм, на основании которых можно было бы однозначно считать те или иные нарушения профессионального поведения девиантными, на сегодняшний день не существует. Разработаны профессиональные программы специалистов традиционных и современных профессий, содержащие требования, предъявляемые определенной профессией к индивидуально-типологическим и личностным качествам специалистов, но отсутствуют описания моделей поведения типичного представителя определенной профессии. Как правило, работающие специалисты имеют слабые представления о профессиональных вариантах девиантного поведения, а представления о профессиональной поведенческой норме основываются на соблюдении законов РФ, следовании этическому кодексу (если таковой существует), должностным обязанностям и инструкциям.

Анализ научной литературы показал, что в настоящее время отсутствует универсальная типология девиантного поведения в профессии; его классификация является проблемой психологической науки и практики, что связано с различным пониманием природы девиаций и механизмов, приводящих к отклонениям.

Исходя из потребностей психологической науки и практики в упорядочивании обширного поля девиантного поведения в профессиональной деятельности, автором статьи разработана типология девиаций в профессиональной сфере. Она представлена на рисунке 1, где отражены два уровня девиантности — латентный и манифестный, — выделенные и описанные Е.В. Змановской в структурно-динамической модели девиантного поведения [8]. Манифестная девиантность зримо проявляется в девиантном поведении и девиантном образе жизни. Латентная девиантность включает в себя изменения в структуре лично-

сти, не наблюдаемую внешне модификацию общих свойств и деформацию личностных качеств, в дальнейшем приводящих к манифестации различных девиаций. Возможно, что в самых сложных случаях в рамках отдельных профессий у специалистов могут выявляться все возможные виды девиаций.

Чтобы общество не теряло высококвалифицированных специалистов, на обучение которых затрачиваются огромные ресурсы, необходима специально организованная работа по своевременной диагностике, коррекции и профилактике различных вариантов девиантного поведения. Среди представителей раз-

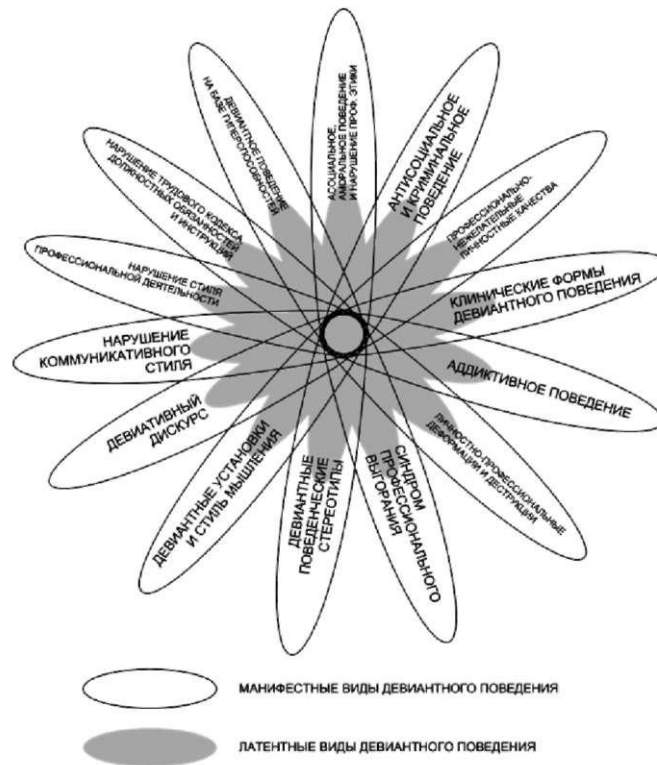

Рис. 1. Типология девиаций в профессии

личных профессий в первую очередь необходимо нивелировать чувство неудовлетворенности характером труда, ибо еще Конфуций говорил, что нужно заниматься тем, что каждому из нас нравится, и тогда не придется работать ни одного дня в жизни. А.Н. Пастушеня подчеркивает, что речь должна идти и о формировании диспозиции к правомерному образу жизни в сфере взаимодействия с другими людьми, досуга и развлечений, а также материального обеспечения жизни [17]. Ибо человек, обладающий готовностью к правомерному образу жизни, отвергает противоправные способы и в состоянии противостоять криминогенному влиянию.

Для формирования гармоничной модели поведения специалиста в процессе работы необходимо целенаправленно формировать адекватный стиль профессиональной деятельности, взаимоотношений с партнерами и коллегами по работе, фрустрационную толерантность, коммуникативную и личностно-профессиональную компетентность. Особенно это касается специалистов профессий, связанных с интенсивным общением и взаимодействием с «трудным» контингентом, оказанием помощи людям, находящимся в стрессовых, проблемных, субэкстремальных и экстремальных жизненных ситуациях. Именно эти специалисты в большей степени подвергаются эмоциональному выгоранию, деформациям и деструкциям, негативно изменяющим отношение личности к выполнению профессионального долга.

Литература

1. Барис ВВ., Народицкий Ю.О. Определение коррупции с политологической и государственно-

правовой точек зрения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. — 2009. — № 1. — С. 109-119.

2. Безносков СЛ. Профессиональные деформации личности (подходы, концепции, метод): дис. ... д-ра психол. наук. — СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 1997. — 398 с.

3. Гильбурд О.А. Избранные очерки эволюционной психиатрии. — Сургут: ОАО «Сургутнефтегаз», 2000. — С. 79-92.

4. Грошева И.А. Модальная личность: портрет с отклонениями // СОЦИС. — 2009. — № 3. — С. 82-88.

5. Жура ВВ. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении: монография. — Волгоград: Изд-во ВолГМУ; ООО «ДарКо», 2008. — 376 с.

6. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Психология профессиональных деструкций: учеб. пособие для вузов. — М.; Екатеринбург: Академический Проект; Деловая книга, 2005. — 240 с.

7. Змановская Е.В. Психология девиантного поведения: структурно-динамический подход: дис. ... д-ра психол. наук. — СПб., 2006. — 450 с.

8. Змановская ЕВ. Теоретико-методологические и прикладные проблемы современной девиантологии // Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 19-20 окт. 2007 г. — Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2008. — С. 62-66.

9. Змановская ЕВ., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы: учеб. пособие. — СПб.: Питер, 2010. — С. 225-228.

10. Климов Е.А. Идеалы культуры и становление субъекта профессиональной деятельности // Психол. журн. — 2009. — № 3. — С. 94-101.

11. Магомедов К. Социологический анализ этических проблем государственной службы // Гос. служба. — 2004. — № 6 (32). — С. 15-23.

12. Майсак Н.В. Особенности проявлений девиативных тенденций и паттернов личности в некоторых профессиях социономического типа // Актуальные проблемы психологического знания: теоретические и практические проблемы психологии. — 2009. — № 3 (12). — С. 91-97.

13. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения: учеб. пособие. — М.: МЕДпресс, 2001. — 432 с.

14. Мухарямова Л. Российская Федерация: язык политика в условиях постсоветского развития // Гос. служба. — 2004. — № 2. — С. 17-23.

15. Оксинайд К.Э. Организационное поведение: учебник. — М.: КНОРУС, 2009. — 480 с.

16. Организационное поведение: учеб. для вузов / под ред. Г.Р. Латфуллина, О.Н. Громовой. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Питер, 2009. — 464 с.

17. Пастушеня А.Н. Готовность личности к правомерному поведению: структурно-содержательная характеристика // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 3. — С. 17-25.

18. Соколов В. Модельный этический кодекс государственного служащего Российской Федерации // Гос. служба. — 2004. — № 2. — С. 6-16.

19. Усманова А.Р. Дискурс // <http://slovari.uapc1ex.sh/~книги/Энциклопедия%20социологии/> Дискурс/ (Дата обращения: 15.11.2010).

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫХ

Я. С. Васильева

Аннотация: в публикации рассматриваются различные подходы к проблеме ресоциализации. Приводятся результаты исследования влияния социальных факторов и психологических особенностей на успешность процесса ресоциализации условно осужденных. Данная тема обусловлена высокой социальной значимостью задачи профилактики преступного поведения.

Ключевые слова: социализация, ресоциализация, десоциализация, условно осужденные, рецидивная преступность.

The summary: various approaches to the problem of resocialization are discussed in this publication. The results of investigation of the influence of social factors and psychological characteristics on the success of the process of resocialization of Probation are given here. The said subject is determined by the great social significance of the problem of crime prevention.

Keywords: socialization, resocialization, desocialization, probationers, recidivism.

Статистические данные о совершенных преступлениях наглядно отражают изменение криминогенной ситуации в стране. Значительный рост преступности отмечался вплоть до 2001 г. В настоящее время наблюдается тенденция к снижению количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности, хотя показатели остаются высокими. В 1980 г. в нашей стране было осуждено 645 544 чел., в 1990 г. — 537 643, наибольший пик пришелся на 2001 г. — 1 244 211, в 2009 г. — 882 288 чел. Безусловно, для любого цивилизованного общества решение проблемы преступности является важной, но трудной и комплексной задачей [11].

Современная реформа уголовного правосудия состоит в гуманизации репрессивных мер. В частности, в 1996 г. введен в действие новый Уголовный кодекс РФ, который значительно увеличил перечень санкций, предусматривающих наказания, не связанные с изоляцией от общества. В настоящее время судами активно расширяется практика назначения альтернативных видов наказаний. Так, по данным Судебного департамента РФ [11], до вступления в силу УК РФ

17. Пастушеня А.Н. Готовность личности к правомерному поведению: структурно-содержательная характеристика // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 3. — С. 17-25.

18. Соколов В. Модельный этический кодекс государственного служащего Российской Федерации // Гос. служба. — 2004. — № 2. — С. 6-16.

19. Усманова А.Р. Дискурс // <http://slovari.uapc1ex.sh/~книги/Энциклопедия%20социологии/Дискурс/> (Дата обращения: 15.11.2010).

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫХ

Я. С. Васильева

Аннотация: в публикации рассматриваются различные подходы к проблеме ресоциализации. Приводятся результаты исследования влияния социальных факторов и психологических особенностей на успешность процесса ресоциализации условно осужденных. Данная тема обусловлена высокой социальной значимостью задачи профилактики преступного поведения.

Ключевые слова: социализация, ресоциализация, десоциализация, условно осужденные, рецидивная преступность.

The summary: various approaches to the problem of resocialization are discussed in this publication. The results of investigation of the influence of social factors and psychological characteristics on the success of the process of resocialization of Probation are given here. The said subject is determined by the great social significance of the problem of crime prevention.

Keywords: socialization, resocialization, desocialization, probationers, recidivism.

Статистические данные о совершенных преступлениях наглядно отражают изменение криминогенной ситуации в стране. Значительный рост преступности отмечался вплоть до 2001 г. В настоящее время наблюдается тенденция к снижению количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности, хотя показатели остаются высокими. В 1980 г. в нашей стране было осуждено 645 544 чел., в 1990 г. — 537 643, наибольший пик пришелся на 2001 г. — 1 244 211, в 2009 г. — 882 288 чел. Безусловно, для любого цивилизованного общества решение проблемы преступности является важной, но трудной и комплексной задачей [11].

Современная реформа уголовного правосудия состоит в гуманизации репрессивных мер. В частности, в 1996 г. введен в действие новый Уголовный кодекс РФ, который значительно увеличил перечень санкций, предусматривающих наказания, не связанные с изоляцией от общества. В настоящее время судами активно расширяется практика назначения альтернативных видов наказаний. Так, по данным Судебного департамента РФ [11], до вступления в силу УК РФ

1996 г. процент условно осужденных лиц из всего числа осужденных составлял 21,5 % (1995 г.), в 2009 г. этот показатель вырос почти в два раза и составил 38 % (341 тыс. чел.). Дополнительно применялись такие меры наказания, как штраф (130 тыс. чел.), обязательные (66 тыс. чел.) и исправительные (46 тыс. чел.) работы.

Сложившаяся ситуация является двойственной. С одной стороны, снижается наполняемость исправительных учреждений, осужденным предоставляется возможность исправиться без изоляции от общества, что в свою очередь снижает возможность «криминального заражения». С другой — еще несформированная система надзора за условно осужденными и отсутствие всесторонней психолого-социальной работы с ними увеличивают число преступлений, совершаемых во время условного срока. В 2009 г. из 534 409 осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, 15 164 чел. совершили повторное преступление. Ю.М. Антонян видит причину данного явления в недостаточном количестве инспекторов уголовно-исполнительных инспекций, их низкой профессиональной подготовке, отсутствии возможности проведения всесторонней воспитательной работы [2, с. 7].

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р, указано что «...рационализация политики в области уголовного правосудия к 2020 году приведет к приросту общей численности осужденных без лишения свободы на 200 тыс.». В связи с этим одной из

важных задач развития альтернативных мер наказания является «приспособление социальной направленности работе уголовно-исполнительных инспекций, предусматривающей ресоциализацию, формирование правопослушного поведения осужденных без изоляции от общества» [12]. Как мы видим, ресоциализация осужденных как социально-правовая категория не только обеспечивает реализацию принципов социальной справедливости, гуманизма, законности, но и актуализирована реалиями жизни современного российского общества.

В научной литературе традиционно понятие «ресоциализация» соотносится с процессом социализации личности. С конца XIX в. термин социализация используется для обозначения механизмов, этапов и структуры становления и развития личности в обществе. Данное явление в своих работах рассматривали известные ученые различных школ и направлений, а именно Э. Дюркгейм, Ф. Гиддинс, Г. Тард, З. Фрейд, Т. Парсонс, Д. Смелзер, Ж. Пиаже, Э. Эриксон, И.С. Кон и др.

В современной науке термин социализация, несмотря на его широкую распространенность, не имеет однозначного толкования. Г.М. Андреева дает следующее определение социализации: «это двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей; с другой стороны, процесс активного воспроизводства индивидом системы социальных связей за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду» [1, с. 275].

Термин «ресоциализация» впервые введен в психологическую науку американскими авторами Д. Кеннеди и А. Кербером, которые раскрывали его как «... процесс вторичного вхождения индивида в социальную среду в результате «дефектов» социализации или смены социокультурного окружения» [3, с. 31]. В настоящее время существует огромное множество интерпретаций термина «ресоциализация». Данное понятие носит междисциплинарный характер и используется в социологии, педагогике, психологии, культурологии, криминологии и т. д. Термин «ресоциализация» преимущественно употребляется в отношении лиц, осужденных к отбыванию наказания в виде лишения свободы.

В отечественной науке этой проблематике посвящены многочисленные исследования таких авторов, как А.В. Бриллиантов, В.И. Горобцов, М.Г. Дебольский, Ю.В. Жулева, М.И. Коваль, В.Б. Писарев, А.В. Пицелко, В.И. Поздняков, М.С. Рыбак, Д.В. Сочивко, В.М. Трубников, А.В. Чернышева, И.В. Шмаров и др. В частности, в работе «Реадаптация и ресоциализация» авторы А.В. Пицелко и Д.В. Сочивко рассматривают не только методологические обоснования процесса ресоциализации осужденных, но и предлагают практический инструментарий для использования ее в пенитенциарной практике. По их мнению, основой для построения эффективной системы ресоциализации осужденных должен выступать системно-структурный подход, который должен включать в себя личность сотрудника ИУ как субъекта воспитания; личность осужденного как субъекта и объекта воспитания, а также процесс и условия исполнения уголовного наказания [8, с. 135].

Префикс «ре», по мнению Ю.В. Жулевой, указывает на повторение или возобновление действия и как противодействие асоциальной деградации личности. Таким образом, под ресоциализацией понимается процесс повторного усвоения норм и ценностей, принятых в данном обществе, который является противодействием асоциальной деградации личности [6].

М.С. Рыбак подходит к указанному понятию с другой стороны и рассматривает его как «корректировку свойств личности осужденного в направлении придания ей черт, необходимых и достаточных для жизни в определенной положительной или нейтральной, с точки зрения общественной безопасности, социальной группе, определенной макросреде» [9, с. 46].

В юридической литературе существуют и другие определения. Под ресоциализацией осужденных подразумевается «процесс восстановления утраченных или ослабленных в результате отбывания уголовного наказания (изоляции) социальных связей, функций и статуса личности; это усвоение осужденным стандартов поведения и ценностных ориентаций, осознание подчинения правовым и иным моральным нормам поведения [7, с. 35]. В другой интерпретации — это комплекс мероприятий, направленных на восстановление, приобретение социальных связей, нарушенных как вследствие преступной деятельности, так и в период вынужденной изоляции [5].

В.Л. Васильев еще более сужает понятие ресоциализации. В его понимании данное явление рассматривается наряду с такими процессами, как «перевоспитание лиц, совершивших пре-

ступления, приобщение их к трудовой деятельности и нормальной социальной среде.» [4, с. 627]. Автор конкретизирует изучаемый феномен, подчеркивая важность проведения социально-педагогических мероприятий по воздействию на осужденного, формирующих его правопослушное поведение. Таким образом, ресоциализация — явление многоплановое. Как процесс оно имеет длительные временные рамки, как понятие раскрывается в зависимости от области применения и научных взглядов исследователей.

В нашей работе мы рассматриваем проблематику ресоциализации лиц, осужденных к отбыванию наказания без лишения свободы. Правомерно ли к указанной категории использовать данный термин? Безусловно, так как совершение любого преступления является нарушением норм и ценностей, принятых в обществе, даже если суд выносит условный срок.

Сама по себе субкультура правонарушителей и условия пенитенциарного учреждения противодействуют целям ресоциализации и адаптации осужденных после отбытия наказания. Опираясь на мнение С.А. Старостина о том, что «осуществление ресоциализации в местах лишения свободы содержит в себе взаимнопротивоположные тенденции: с одной стороны, мы изолируем человека от общества, разрывая положительные социальные связи, изменяя сферу общения, окружающую социальную среду, с другой — ставим цель его исправления и последующего включения в общественные отношения» [10, с. 60], мы можем говорить о принципиальной важности ресоциализации осужденных именно на этапе условного осуждения.

В отношении условно осужденных целесообразно рассматривать ресоциализацию как социально-психологический процесс взаимодействия личности правонарушителя с окружающей действительностью с целью вторичного усвоения принятых в обществе норм, ценностей и правил поведения под воздействием комплекса правовых, социальных, психолого-педагогических и иных мер. Важной составляющей ресоциализации условно осужденных является формирование правопослушного поведения, направленное на предотвращение рецидива преступления.

Успешная ресоциализация невозможна без учета объективных и субъективных факторов жизнедеятельности личности. Изменение структуры отношения преступника к социальным нормам, правилам, своим обязанностям и жизненным ценностям зависит не только от внешних, но и внутренних причин. В процессе ресоциализации условно осужденного необходимо учитывать весь комплекс детерминирующих факторов, который включает в себя: общественно-политические условия, социально-демографические данные, криминологические характеристики, психологические свойства личности, поведенческие особенности, социально-бытовую и семейную ситуацию, состояние здоровья. Перечисленные факторы, на наш взгляд, могут либо способствовать повторной социализации лица, преступившего закон, либо приводить к окончательной десоциализации. Десоциализация в данном случае обозначает «разрушение и потерю некоторых важных ценностных и нормативных ориентаций, навыков общения, усвоенных в процессе формирования личности, а

также приобщение к определенной локальной субкультуре или «контркультуре», основные установки которой противостоят общепринятым культурным ценностям» [9, с. 44].

В целях эмпирического обоснования выдвинутых положений на базе УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области было организовано и проведено исследование социальных факторов и психологических особенностей осужденных, выдержавших и не выдержавших условный срок. В экспериментальную группу вошли осужденные (145 чел.) мужского пола, имевшие условную судимость и не выдержавшие условный срок. Контрольную группу составили условно осужденные (127 чел.) мужского пола, состоявшие на учете в уголовно-исполнительных инспекциях и успешно выдержавшие условный срок более 18 месяцев.

Изучение проводилось с использованием следующих методик:

1. Социально-биографическая анкета (опрос и изучение личных дел).

2. Методика диагностики уровня социальной фрустрированности Л.И. Васермана.

3. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева.

4. Авторская методика оценки дефинитивных свойств личности, созданная на основе опросников А. Меграбяна и М.Ш. Магомед-Эминова «Мотивация аффилиации», диагностики склонности к преодолению норм и правил Ю.А. Клейберга, диагностики самооценки мотивации одобрения Д. Марлоу и Д. Крауна, методики «Импульсивность», шкалы «Склонность ко лжи» Е.А. Чебаловой.

5. Методика диагностики степени готовности к риску Шуберта.

По результатам данных, полученных по указанным методикам, были рассчитаны средние показатели (табл. 1).

Данные, указанные в таблице, свидетельствуют о значимых различиях между изучаемыми группами по ряду характеристик: уровень отчуждения, уклонение от общепринятых норм и правил, склонность ко лжи, импульсивность, склонность к риску, составляющие смысложизненных ориентаций и социальной фрустрированности.

Таким образом, в ходе исследования были выявлены особенности, характерные для осужденных с нарушенной ресоциализацией:

1. Социально-демографические данные: возраст от 18 до 30 лет, холост, образование не выше среднего специального.

2. Криминологические характеристики: осужден за совершение преступления против собственности (ст. 158–168), срок наказания более трех лет, первое преступление совершил в одиночку, наличие предыдущей судимости.

3. Психологические особенности: склонность к необдуманным поступкам и лжи, несформированность смысложизненных ориентаций, высокий уровень неудовлетворенности социально-экономическим положением.

Ситуативными факторами, которые указали осужденные при ответе на вопрос анкеты «Назовите причины, подтолкнувшие Вас на совершение преступления во время условного срока», являлись:

1. Состояние алкогольного или наркотического опьянения (27 %).

2. Финансовые проблемы (24 %).

3. Стечение обстоятельств (15 %).

4. Жажда «легких» денег (11 %).

Таблица 1

Методика	Показатели в группе осужденных, выдержавших условный срок	Показатели в группе осужденных, не выдержавших условный срок	t-value
<i>Методика «Уровень социальной фрустрированности» Л.И. Вассермана</i>			
Удовлетворенность взаимоотношениями с родными и близкими	1,69	2,29	5,97072
Удовлетворенность социальным окружением	1,68	2,23	5,82426
Удовлетворенность своим социальным статусом	2,19	2,69	4,17770
Удовлетворенность социально-экономическим положением	2,27	2,79	4,77483
Удовлетворенность своим здоровьем и работоспособностью.	1,85	2,53	6,63732
Показатель общей фрустрированности	1,95	2,51	7,34417
<i>Тест смысловых ориентаций Д.А. Леонтьева</i>			
Цель	30,49	27,99	-2,88041
Процесс	29,22	26,31	-3,6253
Результат	24,84	21,17	-4,76397
Локус контроля-Я	20,78	18,73	-3,44346
Локус контроля жизнь	28,27	23,77	-5,82179
Общий показатель осмысленности жизни	98,12	88,53	-4,2619
<i>Комплексная методика оценки делинквентности</i>			
Отчуждение	5,18	6,07	3,17801
Уклонение от норм и правил	4,59	5,77	4,1397
Конформность	3,37	2,59	-3,50046
Склонность ко лжи	6,15	7,79	5,21762
Импульсивность	4,94	6,28	4,40404
Показатель склонности к риску Шуберга	0,74	12,58	6,59017

Методика «Уровень социальной

фрустрированности» Л.И. Вассермана

Удовлетворенность взаимоотношениями с родными и близкими

Удовлетворенность социальным окружением

Удовлетворенность своим социальным статусом

Удовлетворенность социально-экономическим положением

Удовлетворенность своим здоровьем и работоспособностью.

Показатель общей фрустрированности

Тест смысловых ориентаций

Д.А. Леонтьева

Цель

Процесс

Результат

Локус контроля-Я

Локус контроля-жизнь

Общий показатель осмысленности жизни

сгруппированы по следующим направлениям (по степени значимости в эмпирической выборке):

Несформированность смысловых ориентаций. В структуру данного фактора входит низкая осмысленность жизни, отсутствие жизненных целей, низкая самореализация, отношение к себе, к тому, кто должен контролировать эту жизнь.

1. Социальная фрустрированность. Этот фактор подразумевает нарушение взаимодействия личности с микро-

и макросоциальным окружением, которое проявляется как неудовлетворенность значимыми сферами социальных отношений. Наибольшее влияние оказывает неудовлетворенность социально-экономическим положением.

2. Социальная дезадаптация. Основные проявления указанного фактора — это отсутствие семьи, детей, низкий образовательный уровень, отсутствие профессии. В данном контексте социальная дезадаптация означает снижение социального статуса, при этом дополнительно обуславливается криминологическими факторами риска.

3. Дезадаптивные личностные характеристики, а именно импульсивность, склонность к преодолению норм и правил, склонность ко лжи. По факторному анализу эти характеристики обратно пропорционально влияют на конформность и статью срыва.

4. Длительность ремиссии. Данный фактор подразумевает период, который прошел между началом условного срока и повторным преступлением. Наиболее опасным периодом по рецидиву является второй год условного осуждения. Вероятно, это связано с тем, что состояние тревоги, связанное с событиями судопроизводства, снижается, а количество бытовых и социальных проблем увеличивается.

Таким образом, на разных этапах условного осуждения актуализируются различные механизмы социально-психологической устойчивости к рецидиву, которые мы рассматриваем как проявление прерванной ресоциализации.

Для прояснения этого вопроса проводилось сравнение полученных результатов в группе осужденных, не выдер-

жавших условный срок. С этой целью были образованы три подгруппы: 1 — сорвавшиеся в первые шесть месяцев условного срока; 2 — сорвавшиеся в период от 6 до 12 месяцев; 3 — сорвавшиеся после года условного осуждения.

Анализ полученных результатов позволяет сделать следующие выводы:

- в первые 6 месяцев определяющими десоциализирующими факторами является отсутствие работы или низкий заработок, а также возраст до 24 лет;
- в период с 6 до 12 месяцев влияние оказывают отсутствие семьи, детей, низкий образовательный уровень;
- после года к перечисленным факторам присоединяются психологические характеристики: импульсивность, отчуждение и низкий локус контроля- жизнь.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что ведущими криминогенными факторами, влияющими на процесс ресоциализации условно осужденных, выступают:

- 1) неблагоприятные социальные условия (социальная дезадаптация);
- 2) высокий уровень выраженности индивидуально-психологических свойств, характеризующих делинквентную личность;
- 3) длительность условного срока: на первоначальном этапе главная роль отводится социальным факторам (семья, образование, работа) и только на последующих этапах повышается роль психологических особенностей.

Литература

1. Андреева Г. М. Социальная психология. — М.: Аспект Пресс, 2001.
2. Антонян Ю. М., Антонян Е. А. Условное осуждение и его криминологическое значение // Уголовно-исполнительное право. — 2007. — № 3. — С. 6-10.

3. *Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.В.* Социальная психология личности. Хрестоматия: учеб. пособие для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2003.
4. *Васильев В.Л.* Юридическая психология. — СПб.: Питер, 2002. — С. 627.
5. *Громов В.В., Крылов А.С.* Социальные связи в процессе ресоциализации осужденных // Применение наказаний, не связанных с лишением свободы: сб. науч. тр. — М., 1989. — С. 36-42.
6. *Жулева Ю.В.* Ресоциализация осужденных несовершеннолетних женского пола, отбывающих наказание в воспитательных колониях: (правовые и криминологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Рязань, 2000. — 24 с.
7. Наказание и исправление преступников: учеб. пособие / под ред. Ю.М. Антоняна. — М.: НИИ МВД РФ, 1992.
8. *Пищелко А.В., Сочивко Д.В.* Реадаптация и ресоциализация. — М.: ПЕР СЭ, 2003. — 208 с.
9. *Рыбак М.С.* Социальная адаптация лиц, освобожденных от наказания // Вестн. Саратов. гос. акад. права. — 1998. — № 4 (15). — С. 43-48.
10. *Старостин С.А.* Ресоциализация как одно из направлений уголовной и уголовно-исполнительной политики // Уголовная и уголовно-исполнительная политика современной России: проблемы формирования и реализации: тез. междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 14-15 дек. 2006 г.): в 2 ч. — Вологда, 2006. — Ч. 1. — С. 58-65.
11. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003-2009 годы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=278>.
12. Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.fsin.su/document/index.php?ELEMENT_ID=6663.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К ПОЖИЗНЕННОМУ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Б. Г. Бовин, Ю. В. Славинская

Аннотация: материалы статьи посвящены описанию и анализу результатов эмпирического исследования криминологических и психологических характеристик лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы. Авторами сделана попытка сопоставления личностных характеристик осужденных с такими факторами, как: «криминальный опыт» (наличие судимостей в прошлом), характер совершенных деяний, мотивы преступного поведения, социальный статус жертвы и т.д. В статье приводится проранжированный анализ составов преступлений с точки зрения преобладающего мотива, проиллюстрированный наиболее типичными примерами.

Ключевые слова: осужденные, отбывающие пожизненное лишение свободы; длительные сроки лишения свободы; покамерная изоляция; криминологические, психологические и социально-демографические характеристики; мотивы преступного поведения; «криминальный путь»; «криминальная карьера»; психопатизация; асоциальность.

Abstract: Proceedings of articles are devoted to describing and analyzing the results of an empirical study of criminological and psychological characteristics of persons serving life sentences. The authors attempted to compare the dominant personality characteristics of subjects with factors such as: (criminal experience) (criminal record in the past), the nature of the acts committed, the motives

3. *Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.В.* Социальная психология личности. Хрестоматия: учеб. пособие для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2003.
4. *Васильев В.Л.* Юридическая психология. — СПб.: Питер, 2002. — С. 627.
5. *Громов В.В., Крылов А.С.* Социальные связи в процессе ресоциализации осужденных // Применение наказаний, не связанных с лишением свободы: сб. науч. тр. — М., 1989. — С. 36-42.
6. *Жулева Ю.В.* Ресоциализация осужденных несовершеннолетних женского пола, отбывающих наказание в воспитательных колониях: (правовые и криминологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Рязань, 2000. — 24 с.
7. Наказание и исправление преступников: учеб. пособие / под ред. Ю.М. Антоняна. — М.: НИИ МВД РФ, 1992.
8. *Пищелко А.В., Сочивко Д.В.* Реадаптация и ресоциализация. — М.: ПЕР СЭ, 2003. — 208 с.
9. *Рыбак М.С.* Социальная адаптация лиц, освобожденных от наказания // Вестн. Саратов. гос. акад. права. — 1998. — № 4 (15). — С. 43-48.
10. *Старостин С.А.* Ресоциализация как одно из направлений уголовной и уголовно-исполнительной политики // Уголовная и уголовно-исполнительная политика современной России: проблемы формирования и реализации: тез. междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 14-15 дек. 2006 г.): в 2 ч. — Вологда, 2006. — Ч. 1. — С. 58-65.
11. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003-2009 годы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=278>.
12. Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.fsin.su/document/index.php?ELEMENT_ID=6663.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К ПОЖИЗНЕННОМУ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Б. Г. Бовин, Ю. В. Славинская

Аннотация: материалы статьи посвящены описанию и анализу результатов эмпирического исследования криминологических и психологических характеристик лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы. Авторами сделана попытка сопоставления демографические характеристики личности с такими факторами, как: «криминальный опыт» (наличие судимостей в прошлом), характер совершенных деяний, мотивы преступного поведения, социальный статус жертвы и т.д. В статье приводится проранжированный анализ составов преступлений с точки зрения преобладающего мотива, проиллюстрированный наиболее типичными примерами.

Ключевые слова: осужденные, отбывающие пожизненное лишение свободы; длительные сроки лишения свободы; покамерная изоляция; криминологические, психологические и социально-демографические характеристики; мотивы преступного поведения; «криминальный путь»; «криминальная карьера»; психопатизация; асоциальность.

Abstract: Proceedings of articles are devoted to describing and analyzing the results of an empirical study of criminological and psychological characteristics of persons serving life sentences. The authors attempted to compare the dominant personality characteristics of subjects with factors such as: (criminal experience) (criminal record in the past), the nature of the acts committed, the motives

of criminal behavior, the social status of the victim, etc. The article gives a ranked analysis of the crimes with terms of the dominant motif, illustrated by the most typical examples.

Keywords: *prisoners who are serving life sentences, long sentences; The cell isolation, criminological, psychological and socio-demographic characteristics, reasons for criminal behavior, «criminal path», «criminal career»; psychopathisation; asocial.*

Со времени введения моратория на смертную казнь рост количества осужденных к пожизненному лишению свободы (ПЛС) неуклонно увеличивается по линейной зависимости. Увеличение количества осужденных к ПЛС, согласно линейной модели, составляет 25-27 человек в год.

Относительное число осужденных к ПЛС равно лишь 0,2 % от общей численности «тюремного населения». В отличие от других мест лишения свободы, где численность осужденных колеблется в зависимости от окончания срока уголовного наказания, условно-досрочного освобождения (УДО), амнистий и других *социально-политических решений*, количество осужденных к ПЛС имеет явно выраженную тенденцию к аккумуляции.

Это особая категория осужденных, не подлежащая ни амнистиям, ни освобождению по причине тяжелой болезни, и не имеющая каких-либо иных реальных шансов на освобождение. В ст. 97 УИК РФ закреплено лишь право осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, на условно-досрочное освобождение через 25 лет. Однако возможность, а, главное, целесообразность

этого факта и сегодня является предметом острых дискуссий.

На сегодняшний день, когда позади в среднем около 15 лет существования института пожизненного лишения свободы в России, можно с уверенностью говорить о том, что ряд первоочередных вопросов, связанных с реализацией данного вида уголовного наказания в отечественных условиях, успешно решены.

Однако, чем большее количество лет составляет практика исполнения лишения свободы в виде пожизненной изоляции от общества, тем более актуальным становится вопрос о необходимости психологического изучения личности пожизненно осужденного, который после 25-летней изоляции имеет право обратиться в судебные органы по поводу своего условно досрочного освобождения.

С этой целью мы обследовали выборку осужденных к ПЛС, согласившихся принять участие в исследовании и способных ответить на утверждения стандартизованного метода исследования личности (СМИЛ).

Нами были изучены социально-демографические и криминологические характеристики лиц, осужденных в разное время к пожизненному лишению свободы.

Выборка составила 259 осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы в исправительных учреждениях ИК-5 УФСИН России и ИК-1 (участок ПЛС) Р. Мордовия, что составило примерно 15 % от общего числа осужденных этой категории. Преступления были совершены в период с 1988 г. по 2000 г., причем пик приговоренных к ПЛС приходится на период с 1992 по 1994 годы. Это составило почти 30 % от общего их количества.

Возраст пожизненно осужденных при совершении последнего преступления составляет от 18 до 54 лет. Однако, наибольшее число преступлений были совершены ими в возрасте от 22 до 38 лет (72 %). В возрасте более молодом (от 18 до 22 лет) и более зрелом (от 38 до 54 лет) — соответственно, 11 % и 17 %.

До совершения последнего преступления не имели судимость только 21 % осужденных, т.е. первое и единственное преступление было настолько тяжелым, что судом было назначено ПЛС. Большинство осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы (79 %), являлись ранее судимыми за совершение в основном тяжких преступлений. Из них: 29 % имеют одну судимость, чуть меньше — 25 % осужденных — имеют две судимости; 14 % — три судимости; 11 % осужденных к ПЛС были признаны особо опасными рецидивистами, имеющими от 4 до 7 судимостей. Повторная преступность характерна почти для 80 % лиц, осужденных впоследствии к ПЛС.

Сроки осуждения за предыдущие преступления имеют следующее распределение: менее 4-х лет — 23 % осужденных; от 4-х до 10-ти лет — 37 %; от 10-ти до 20-ти лет — 28 %; свыше 20 лет — 12 %. Можно заметить, что длительность лишения свободы только способствовало развитию «криминальной карьеры». Со временем увеличилась лишь тяжесть совершаемых деяний, приведших, в конечном итоге, к пожизненному лишению свободы.

Составившие нашу выборку 251 осужденный лишили жизни 607 человек. Среди потерпевших оказалось:

- 120 несовершеннолетних или малолетних детей;

- 188 женщин (из них 23 женщины пенсионного возраста, включая престарелых);

- 299 мужчин (из них 10 мужчин пенсионного возраста);

- 15 сотрудников правоохранительных органов;

- 6 осужденных.

Причем, около 40 % детей и 20 % женщин перед убийством были изнасилованы.

Обнаруживается, что более 50 % всех убийств было направлено на слабую или незащищенную часть населения: малолетние и несовершеннолетние дети, женщины, престарелые или лица пенсионного возраста.

Мотивы убийств можно проранжировать в следующем порядке:

1. Завладение имуществом убитого (корыстный мотив) (в 23 % от общего количества преступлений).

Типичный случай: два подельника приняли решение ограбить квартиру. Разработали план проникновения. По звонку дверь открыла хозяйка, у которой в гостях был ее знакомый. Хозяйка была задушена веревочной петлей, а затем, с целью сокрытия преступления и избавления от свидетеля, электропроводом был задушен и ее знакомый. Преступники похитили магнитола, сапоги, куртку, часы, детские вещи, парфюмерию. Похищенное имущество продали и на вырученные деньги приобрели алкоголь и закуски. Судебно-психиатрическая экспертиза признала обоих вменяемыми. По приговору суда обоим была вынесена высшая мера наказания — смертная казнь (1993 г.). Затем, в 1998 г, Указом президента Российской Федерации смертная казнь, в порядке поми-

лования, была заменена пожизненным лишением свободы. Пять лет, изо дня в день, ждали они приведения приговора в исполнение.

2. Конфликтные и неприязненные отношения с родными и близкими (супругами, сожительницами, друзьями и знакомыми) — 20 % всех совершенных убийств

Типичный случай: выясняя отношения с сожительницей, преступник нанес ей удар ножом в живот. Прибежавшей на крик ее сестре нанес 37 колото-резанных ранений. Затем вернулся к сожительнице и нанес ей не менее 75 ранений. Потерпевшие скончались на месте.

3. Изнасилование и убийство с целью сокрытия этого преступления (19 % совершенных убийств)

Типичный случай: пришел в дом своей сожительницы, когда ее не было в квартире. Изнасиловал ее несовершеннолетнюю дочь. С целью сокрытия преступления задушил девочку капроновой лентой от ее косы. Труп закопал в муровейнике.

4. Убийство свидетелей иного преступления (17 % совершенных убийств)

Типичный случай: пьянствовал с сестрой своей сожительницы. В пьяной ссоре убил неожиданно вернувшегося домой ее мужа. С целью сокрытия преступления ножом убил его жену и ее пятилетнюю дочь. После чего, похитив норковые шапки и золотые изделия, скрылся с места преступления.

5. Импульсивные убийства, связанные с возникновением неожиданных неприязненных отношений в ходе конфликта с незнакомыми людьми (8 % совершенных убийств)

Типичный случай: на улице преступник вступил в ссору по незначительному поводу с проходившим мимо, ранее не знакомым мужчиной, — прохожий не уступил ему дорогу ударил, в результате завязалась драка, в которую был вовлечен несовершеннолетний сын потерпевшего. Преступник нанес удары ножом в лицо и живот мальчика. От нанесенных многочисленных ран, не совместимых с жизнью, несовершеннолетний скончался в больнице.

6. Разбойные нападения и убийства в составе организованной преступной группы (4 % совершенных убийств)

Типичный случай: в составе организованной группы преступник участвовал в 14 разбойных нападениях, сопряженных с умышленными убийствами и изнасилованиями. Убийства характеризовались особой жестокостью и хладнокровием.

По оценкам службы безопасности ИУ склонен к побегу, нападению на охрану, демонстративно-суицидальному поведению.

7. Глубинные мотивы преступления (серийные убийцы) (2,5 % совершенных преступлений)

Типичный случай: преступник по кличке «шкаф» получил пожизненное лишение свободы за то, что убил топором 5 мужчин, 9 женщин (7 из которых изнасиловал), а так же изнасиловал и убил 3-х малолетних мальчиков. Мотив убийств, определенный самим осужденным — «чистка нации».

8. Убийство сотрудника УИС во время отбывания наказания в исправительном учреждении (побег, месть, захват заложников) (2,5 % совершенных убийств)

9. Убийство милиционера во время задержания (2 % совершенных убийств).

10. Убийство из ревности (2 % совершенных убийств).

Типичный случай: преступник на глазах у своей дочери из ревности убивает жену. С целью сокрытия этого преступления убивает подружку жены. Решением суда приговорен к высшей мере наказания — смертной казни. Узнав о помиловании, пытался покончить жизнь самоубийством.

11. Убийство сокамерника в результате неприязненных отношений (1 % совершенных убийств).

Таковы мотивы наиболее часто совершаемых преступлений, за которые, впоследствии, приговором суда была назначена смертная казнь или пожизненное лишение свободы. Причем, анализ нашей выборки свидетельствует о том, что в состоянии алкогольного опьянения было совершено только 28 % убийств, которые, несмотря на то, что алкогольное опьянение являетсяотягчающим обстоятельством, еще как-то можно объяснить измененным состоянием сознания. Однако 72 % совершенных убийств, не связаны с употреблением алкоголя и характеризуются спонтанностью, необдуманностью, нелепостью, отличаются странностью, недомыслием, противоречивостью, немотивированностью и вместе с тем, безжалостностью, аморальностью, жестокостью. Как правило, для преступлений, совершаемых осужденными, отбывающими пожизненное лишение свободы, характерны хладнокровность и презрение к человеческой жизни, а также наличие нескольких жертв.

Вот еще несколько примеров убийств, позволяющих нам лучше понять то, за действия какого характера эти люди пожизненно изолированы от общества:

- *преступник изнасиловал несовершеннолетнюю. Спустя некоторое время, он, узнав, что она рассказала об этом эпизоде родным и в милиции, убивает ее, предварительно взяв с нее расписку о его непричастности к убийству;*

- *преступник, находясь в качестве пассажира в машине, выражает свое недовольство ценой за проезд, в ходе чего наносит водителю проникающие ранения в грудь, от которого потерпевший скончался на месте;*

- *преступник пил чай и смотрел видео с 2-мя малолетними девочками. Девочки захотели уйти, но он их не отпустил. Они начали плакать и осужденный задушил их, т. к., по его словам на суде, их слезы действовали ему на нервы. Опомнившись, он пытался привести их в чувство, но было поздно;*

- *преступник, пытаясь добиться расположения своей невесты, взял в заложники ее малолетнего сына. Отказываясь его отпустить, нанес колото-резанные ранения милиционеру, пытавшемуся освободить мальчика. Милиционер скончался на месте;*

- *преступник на велосипеде поехал на рыбалку. По дороге встретил знакомого подростка. Вместе ударили рыбу. Затем он решил изнасиловать несовершеннолетнего, который пытался оказать сопротивление. Совершив половой акт, преступник гибкой веткой, задушил подростка.*

Подобный характер преступлений типичен для значительного числа осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы.

Анализ социально-демографических характеристик лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы и представляющих нашу выборку, показал, что для них и их родительских семей (до 70 %) типичен низкий образовательный и культурный уровень. Сами семьи были склонны к злоупотреблению алкогольными напитками. По профессии это в основном представители механических видов труда: каменщики, сварщики, токари, слесари, монтажники, кузнецы, пиломатериалщики, кровельщики, землекопы, крановщики, бурильщики, формовщики железобетонных конструкций, грузчики, скотники, дворники. Отдельную, существенно меньшую по численности, выборку составили лица, не имеющие профессии на момент совершения преступления. В еще меньшей степени встречаются среди этой категории осужденных представители других профессий: повара, пекари, водители и забойщики скота.

Таковы, в самых общих чертах, социально-демографические и криминологические особенности лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы.

Что же представляет собой этот контингент осужденных с точки зрения психологических характеристик и личностных особенностей?

Исследование проводилось в двух учреждениях для лиц, отбывающих уголовное наказание в виде пожизненного лишения свободы. Контрольная группа была обследована в исправительных учреждениях общего режима. Были сформированы 2 выборки. Первая — основная, экспериментальная выборка — представлена осужденными, отбывающими ПЛС, причем срок уже от-

бытых ими лет составляет не менее 10. В качестве обследуемых здесь выступили осужденные к ПЛС, отбывающие наказание в учреждениях ИК-1 (участок ПЛС) УФСИН России по Республике Мордовия и ИК-5 УФСИН России по Вологодской области в количестве 230 человек. Контрольная выборка была представлена осужденными общего режима, отбывающими длительные сроки лишения свободы (не менее 10 лет), причем на момент обследования ими было отбыто не менее 5 лет срока лишения свободы. В контрольную группу вошли осужденные, отбывающие уголовное наказание в колониях общего режима УФСИН России по Республике Мордовия и УФСИН России по Вологодской области.

Основным принципом формирования контрольной группы были следующие критерии:

- длительность назначенного срока лишения свободы (не менее 10 лет);
- отбывание срока наказания в условиях отрядной системы в отличие от камерного содержания лиц, осужденных к ПЛС.

Обе группы, основная и контрольная, прошли тестирование по методике «Стандартизированный метод исследования личности» (СМИЛ). Профили СМИЛ приведены на рис. 1 и 2.

Осужденные к пожизненному лишению свободы, отбывающие наказание в республике Мордовия характеризовались следующим усредненным кодом профиля по Уэлшу: 84»217'63950/F'KL/ (113 осужденных).

Сверхвысокие Т-баллы усредненного профиля (>80Т) по 4 шкале (асоциальная психопатия или импульсивность по Л.Н. Собчик) отражают ярко выра-

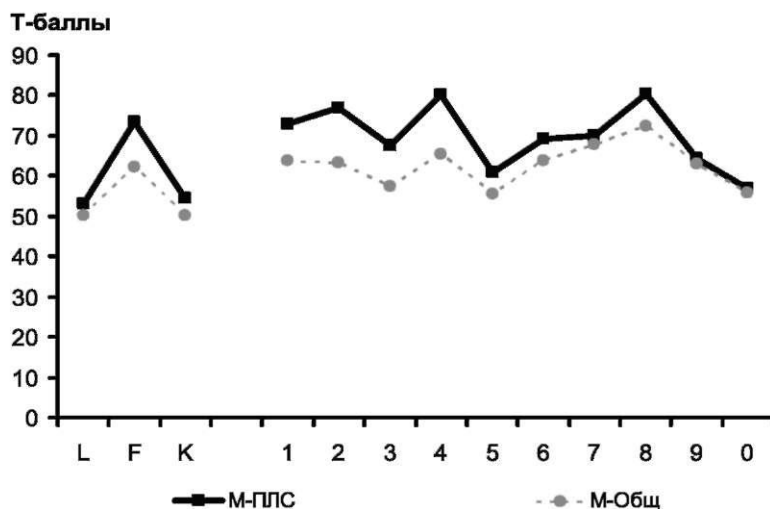

Рис. 1. Усредненный профиль результатов тестирования по методике СМИЛ осужденных общего режима и лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы в ИК УФСИН России по Республике Мордовия

женное презрение к общественным нормам, обычаям, традициям, неспособность учитывать опыт, даже приобретенный в результате наказания. Для лиц с пиком 4 шкалы (>80 T-баллов) характерны низкий самоконтроль «мятежность духа», устойчивая тенденция «попасть в переделку». Неудовлетворенная потребность и эмоциональное напряжение находят непосредственный выход в поведении, минуя систему установок, отношений и социальных ролей, без учета норм морали и нравственности. Протест против общепринятых стандартов поведения может приобретать генерализованный характер. Неспособность организовать поведение в соответствии с общественным мнением, интересами и целями, делает поступки таких индивидов плохо предсказуемыми. С этим связано неумение планировать и прогнозировать последствия своих действий. Непосредствен-

ная реализация возникших побуждений и неразвитость рефлексии приводят к отсутствию тревоги и страха перед потенциальным наказанием. В межличностных отношениях такие осужденные отличаются поверхностными и нестойкими контактами. У них редко возникает чувство глубокой привязанности. Они могут быть адекватны в кратковременном общении, но при длительном знакомстве обнаруживается ненадежность, беспричинная агрессивность, лживость, сексуальная несдержанность, склонность к алкоголизации и наркомании. Присоединение к сверхвысокой 4-ой шкале сверхвысокой 8 шкалы (шкала «шизофрении» или «индивидуалистичности») еще в большей степени усугубляет ее негативные характеристики. Этим лицам к тому же трудно, а порой оказывается невозможным взглянуть на себя со стороны или глазами других людей. Поведение таких

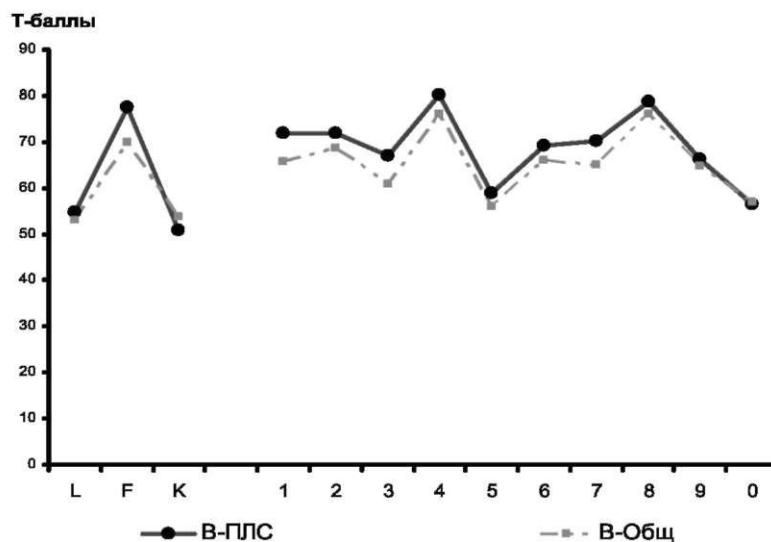

Рис. 2. Усредненный профиль результатов тестирования по методике СМЛ осужденных общего режима и лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы в ИК УФСИН России по Вологодской области

субъектов представляется эксцентричным и лишенным эмоциональной окраски. Отрицательные стимулы обычно не проникают через барьеры восприятия, но если какое-либо событие вызывает у них эмоциональный отклик, они обнаруживают неожиданную ранимость. Ожидание внимания и в то же время боязнь безразличия и холодности со стороны окружающих людей приводят к амбивалентности в межличностных отношениях. Они могут проявлять либо чрезмерное дружелюбие, либо чрезмерную враждебность. Причем, интенсивные контакты могут сменяться внезапными разрывами.

Сочетание высоких значений 4 и 8 шкал в профиле СМЛ отражает непредсказуемость, импульсивность и неконформность этих личностей. К ним зачастую применяется термин «шизоидная личность», которой свойствен-

ны определенные расстройства мышления, поведения и склонность к выхолащиванию рассуждения (резонерству), маскирующему интеллектуальную несостоятельность, снижение продуктивности мышления; своеобразие восприятия окружающей обстановки, находящее свое выражение в странных и необычных мыслях и поступках; чувство неадекватности и неполноценности; отсутствие интересов и привязанностей. Их образование, профессиональная деятельность характеризуются отсутствием каких-либо достижений и минимальной адаптацией к социуму. Они отличаются подчеркнутым неконформизмом и противопоставлением своих крайне субъективных установок, взглядов и суждений общественному мнению. Их индивидуалистичность лишь усугубляется при противодействии окружения. Коррекция их поведения чрезвычайно

затруднена. Часто люди с таким профилем характеризуются не агрессивным поведением, а скорее криминальными эпизодами, совершенными в результате социальной дезадаптации, своеобразия мышления, эмоциональной холодности, отсутствия эмпатии, невозможности прогнозирования последствий своих преступных действий. Как правило, их преступления часто бессмысленны, плохо спланированы и чрезвычайно жестоки.

Другое независимое обследование 117 осужденных к ПЛС с помощью личностного опросника СМИЛ было проведено психологами Вологодской области. Код усредненного профиля по Уэлшу оказался практически идентичен вышеописанному профилю: 4»8127'69350/ F- KL /.

Повторяемость результатов обследования, проведенного на новом контингенте осужденных и в другом регионе, свидетельствует о надежности и достоверности полученных результатов.

Низкий социально-психологический и социально-демографический уровень развития настоящей категории осужденных в сочетании с крайне негативными личностными особенностями, отраженными в выше описанном профиле СМИЛ, в значительной мере обуславливают криминальное развитие личности.

Нередко всплески подобных преступлений приходятся на периоды резких социальных перемен и экономических катастроф в обществе. Как уже отмечалось выше, пик частоты преступлений, за которые была назначена смертная казнь, а затем пожизненное лишение свободы, приходится на 1992-1994 гг. Но и в более благополучные и стабиль-

ные периоды социального развития общества отмечается постепенное, но неуклонное приращение численности лиц, осужденных к ПЛС и прогнозируемое личной зависимостью.

На наш взгляд, этот рост численности в значительной мере связан с негативными личностными характеристиками, представляющими собой особенность данного контингента осужденных. Более того, можно говорить о некой личностной predisпозиции, которая при соответствующем стечении обстоятельств, приводит к дезадаптации личности, проявлению дефекта личностной структуры и криминальному поведению.

Характер совершенных преступлений, значительная часть которых (52 %) связана с жестокими убийствами самых незащищенных слоев населения (детей, женщин, престарелых), отличающихся многочисленностью жертв, свидетельствует о серьезных личностных расстройствах подавляющего большинства этих осужденных. Это подтверждается импульсивным, странным, порой нелепым и противоречивым и немотивированным характером совершенных преступлений. К тому же, вся предшествующая пожизненному осуждению «криминальная карьера», состоявшая из череды достаточно тяжких преступлений и длительных сроков лишения свободы, не способствовала личностному возрождению и социально-приемлемому поведению. Их криминальная деятельность оставалась неизменной, нарастала лишь тяжесть совершаемых деяний.

Кроме того, их преступления характеризуются еще одним признаком — тотальностью: они убивают взрослых и де-

тей, родных и близких, знакомых и незнакомых, случайных попутчиков и сотрудников правоохранительных органов, а также других осужденных.

Можно сказать, что их криминальный путь характеризуется тремя признаками — крайней асоциальностью, стабильностью и тотальностью.

Длительные сроки заключения за предшествующие преступления и пребывание у исправительных учреждений особого режима (камерное содержание в условиях пожизненного лишения свободы) способствовали лишь дальнейшей психопатизации личности пожизненно осужденных.

Личностный рост и нравственное возрождение оказались для этой категории невозможными ни в условиях свободы, ни в условиях пенитенциарных учреждений.

Сравнительный анализ профилей СМЛ осужденных, совершивших тяжкие преступления, но находящихся на общем режиме (контрольная группа) показывает, что по личностной структуре они почти не отличаются от осужденных к ПЛС. Снижена только высота профиля, т.е. уровень психопатизации несколько снижен. Можно предположить, что это своеобразный «резерв на приближение» к вершине криминальной карьеры.

СОЦИАЛЬНО ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ЗА НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

А. С. Краснощеков

Аннотация: статья представляет системный подход в прогнозировании риска делинквентного поведения. Выявлена специфика социально-психологических и личностных особенностей и их связей у лиц с делинквентным поведением. На основе параметров, имеющих прогностическую значимость в отношении возможности криминализации личности разработан алгоритм определения групп риска возникновения делинквентного поведения. Выявлены социально-психологические и личностные маркеры риска развития криминального поведения у мужчин, что позволяет возможным выделение групп риска

с их мониторингом и фокусированием профилактических программ.

Ключевые слова: делинквентное поведение, прогноз, профилактика.

The summary: the article present a system approach in delinquent behavior prognosis. The specificity of socio-psychological features and features of the person and their communications at persons with delinquent behavior is revealed. On the basis of the parametres having prognostic importance the algorithm of revealing of groups of risk of occurrence delinquent behavior is developed. Socio-psychological and personal markers of risk of development criminal behavior in men that does

тей, родных и близких, знакомых и незнакомых, случайных попутчиков и сотрудников правоохранительных органов, а также других осужденных.

Можно сказать, что их криминальный путь характеризуется тремя признаками — крайней асоциальностью, стабильностью и тотальностью.

Длительные сроки заключения за предшествующие преступления и пребывание у исправительных учреждений особого режима (камерное содержание в условиях пожизненного лишения свободы) способствовали лишь дальнейшей психопатизации личности пожизненно осужденных.

Личностный рост и нравственное возрождение оказались для этой категории невозможными ни в условиях свободы, ни в условиях пенитенциарных учреждений.

Сравнительный анализ профилей СМЛ осужденных, совершивших тяжкие преступления, но находящихся на общем режиме (контрольная группа) показывает, что по личностной структуре они почти не отличаются от осужденных к ПЛС. Снижена только высота профиля, т.е. уровень психопатизации несколько снижен. Можно предположить, что это своеобразный «резерв на приближение» к вершине криминальной карьеры.

СОЦИАЛЬНО ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ЗА НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

А. С. Краснощеков

Аннотация: статья представляет системный подход в прогнозировании риска делинквентного поведения. Выявлена специфика социально-психологических и личностных особенностей и их связей у лиц с делинквентным поведением. На основе параметров, имеющих прогностическую значимость в отношении возможности криминализации личности разработан алгоритм определения групп риска возникновения делинквентного поведения. Выявлены социально-психологические и личностные маркеры риска развития криминального поведения у мужчин, что позволяет возможным выделение групп риска

с их мониторингом и фокусированием профилактических программ.

Ключевые слова: делинквентное поведение, прогноз, профилактика.

The summary: the article present a system approach in delinquent behavior prognosis. The specificity of socio-psychological features and features of the person and their communications at persons with delinquent behavior is revealed. On the basis of the parametres having prognostic importance the algorithm of revealing of groups of risk of occurrence delinquent behavior is developed. Socio-psychological and personal markers of risk of development criminal behavior in men that does

possible allocation of groups of risk with their monitoring and focusing of preventive programs are revealed.

Keywords: *delinquent behavior, prognosis, prevention.*

Профилактика делинквентного поведения молодых людей и приведение его в соответствие с требованиями социальных систем всегда были в центре внимания государства. Несмотря на то что еще в Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» была поставлена задача реализации комплексного подхода в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, достигнуть ее решения до настоящего времени не удалось [4, с. 49]. Одной из значимых задач, определяющих возможности эффективной профилактической работы, выступает задача определения категорий лиц группы риска возникновения психических и поведенческих отклонений, которые должны являться объектом психолого-педагогического профилактического воздействия [2, с. 130]. Решение этой задачи возможно лишь при условии комплексного и системного подходов к определению взаимосвязанных факторов риска (маркеров) интра- и интерпсихического уровней, обеспечивающих объективность прогностических мероприятий и эффективность модели психологического обеспечения профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Для совершения асоциального деликта необходимо, с одной стороны, наличие определенной готовности (диспозиции) к асоциальному поведению, а с

другой — нахождение или создание ситуации, обеспечивающей своеобразный резонанс с данной диспозицией. Таким образом, преступление представляет собой результат взаимодействия индивидуальных свойств личности и объективной (внешней для индивида) ситуации [6, с. 4]. При этом ни одна из особенностей личности, взятых изолированно, не способна четко отделить преступника от непереступника [1, с. 157]. Иными словами, нет единого и единственного свойства личности, которое вызывало бы отклоняющееся поведение и отличало бы лиц, склонных к такому поведению, от лиц, соблюдающих социальные нормы. Кроме того, комбинация переменных имеет тенденцию сильнее коррелировать с делинквентностью, чем каждая переменная в отдельности [8]. В то же время выделение и изучение черт личности преступника представляет большие трудности. Основная из них определяется множеством свойств, входящих в структуру личности, делаая заведомо невыполнимой задачу получения абсолютно полного представления о личностном синдроме. Следовательно, единственный путь — выделить признаки, отвечающие общей концепции личности преступника и ее частным гипотезам [7]. В связи с этим актуальным является изучение, с одной стороны, типовых ситуаций жизнедеятельности несовершеннолетних, которые могут выступать в качестве внешних (социально-психологических) условий, предрасполагающих к делинквентному поведению, а с другой — индивидуально-психологических особенностей личности, которые играют роль внутренних детерминант делинквентного поведения [9].

Это и обусловило цель нашего исследования, заключающуюся в разработке системы прогностических мероприятий, обеспечивающих выявление факторов риска развития делинквентного поведения у лиц мужского пола. Объект исследования — социально-психологические и личностные факторы, системное соотношение которых обуславливает риск возникновения делинквентного поведения у лиц мужского пола.

В исследовании приняли участие 200 мужчин $28,46 \pm 0,70$ лет, осужденных за насильственные преступления (исследуемая группа), и 200 мужчин $27,08 \pm 0,37$ лет, не привлекавшихся ранее к уголовной ответственности (контрольная группа).

Исследование проведено с использованием комплекса методов, обеспечивающих определение факторов риска возникновения девиаций в поведении социальной модальности: 1) изучение личных дел осужденных; 2) анкетирование, направленное на выявление социальной ситуации развития (анкета М.Г. Дебольского [3, с. 57]). Другой комплекс методов использовался нами для изучения факторов риска возникновения девиаций в поведении интрапсихического уровня: пятифакторный личностный опросник «Big 5», опросники Баса-Перри, Шмишека, методика «УСЦД» Е.Б. Фанталовой.

Статистическая обработка данных, проведенная с помощью стандартного пакета прикладных программ «Statistica-8.0», включала в себя корреляционный, дисперсионный и дискриминантный анализы.

На первом этапе исследования с помощью однофакторного дисперсионного анализа выявлялись взаимосвя-

зи между различными факторами социальной ситуации развития в генезисе делинквентного поведения. Так, вероятность проявления преступного поведения повышает наличие или увеличение факторов «приводы в милицию» ($30,3 \pm 0,2$ %; $p < 0,000$) и «возраст начала употребления алкоголя» ($22,0 \pm 0,6$ %; $p < 0,000$). Сильное воздействие оказывает фактор «нахождение на гауптвахте» ($10,1 \pm 0,2$ %; $p < 0,000$). Вероятность проявления делинквентного поведения зависит от отсутствия одного или обоих родителей ($12,5 \pm 0,4$ %; $p < 0,000$), а также от факта их развода ($2,1 \pm 0,2$ %; $p < 0,003$). Высокий показатель и у фактора «местность проживания в детстве» ($10,6 \pm 0,5$ %; $p < 0,000$) — вероятность преступного поведения выше в деревнях и городе, ниже — в поселке. Негативное влияние также оказывают факторы «нереализованность потребностей» ($8,0 \pm 0,5$ %; $p < 0,000$), алкоголизм родителей ($6,3 \pm 0,2$ %; $p < 0,000$), «наличие сиблингов» ($5,0 \pm 1,0$ %; $p < 0,000$) — чем больше в семье детей, тем выше вероятность их преступного поведения, «убийство животных» ($3,9 \pm 0,2$ %; $p < 0,000$), «подвергание побоям в детстве» ($3,8 \pm 0,2$ %; $p < 0,000$), «конфликты в семье» ($2,8 \pm 0,2$ %; $p < 0,001$). Делинквентное поведение зависит от фактора «притеснения со стороны одноклассников» ($8,7 \pm 0,2$ %; $p < 0,000$), при этом значения факторов «притеснения одноклассников» ($1,0 \pm 0,2$ %; $p < 0,045$), «конфликты с одноклассниками» ($0,7 \pm 0,2$ %; $p < 0,084$) не очень велики и находятся на границе с достоверным. Оказывают влияние факторы «низкая успеваемость в школе» ($6,7 \pm 0,5$ %; $p < 0,000$), «повторное обучение в одном классе» ($6,5 \pm 0,2$ %; $p < 0,000$), «конфликты с учителями»

Таблица 1
Различия в показателях выраженности свойств личности у осужденных за насильственные преступления и исследуемых контрольной группы («Big 5»)

Показатель	Средние арифметические значения и ошибки		Достоверность различий(U,p)
	Осужденные	Контрольная группа	
Нейротизм (N)	18,7±0,6	12,9±0,5	8181,0; p<0,000
Экстраверсия (E)	27,0±0,8	31,5±0,5	9759,0; p<0,000
Открытость опыту (O)	26,4±0,6	23,8±0,4	12088,5; p<0,000
Уживчивость (A)	28,2±0,9	29,8±0,5	13899,0; p<0,05
Сознательность(C)	34,1±1,1	36,4±0,4	14097,0; p<0,05

Таблица 2
Различия в показателях выраженности свойств личности у осужденных за насильственные преступления и исследуемых контрольной группы (Басса-Перри)

Показатель	Средние арифметические значения и ошибки		Достоверность различий(U,p)
	Осужденные	Контрольная группа	
Физическая агрессия(pha)	24,5±0,6	20,1±0,4	9879,0; p<0,000
Гнев (ang)	18,0±0,5	14,0±0,4	9339,0; p<0,000
Враждебность (hst)	21,2±0,6	15,9±0,3	7261,5; p<0,000
Интегральная шкала агрессии (isa)	63,6±1,4	49,9±0,9	6859,5; p<0,000

Таблица 3
Различия в показателях выраженности характерологических свойств личности у осужденных за насильственные преступления и исследуемых контрольной группы

Показатель	Средние арифметические значения и ошибки		Достоверность различий(U,p)
	Осужденные	Контрольная группа	
Гипертимность	16,5±0,4	16,8±0,4	33537,0; p>0,05
Дистимность	7,8±0,3	6,5±0,4	28621,5; p<0,000
Циклотимность	11,2±0,4	9,3±0,4	26834,0; p<0,000
Возбудимость	8,0±0,4	5,0±0,4	23853,0; p<0,000
Застревание	12,5±0,3	11,2±0,3	27481,0; p<0,000
Педантичность	11,9±0,3	9,3±0,3	23011,5; p<0,000
Тревожность	5,6±0,3	4,0±0,3	26299,5; p<0,000
Эмотивность	13,2±0,3	8,9±0,4	17703,0; p<0,000
Демонстративность	13,4±0,3	11,8±0,3	26687,0; p<0,000
Экзальтированность	14,3±0,4	11,2±0,4	25840,5; p<0,000

(6,1±0,2 %; p<0,000), а также «прогулы уроков» (5,6±0,2 %; p<0,000). Вероятность проявления преступного пове-

дения зависит от количества разводов (6,5±0,7 %; p<0,000). Преступное поведение менее вероятно при наличии или

увеличении факторов «служба в армии» ($20,4 \pm 0,2\%$; $p < 0,000$); «уровень образования», причем как самих делинквентов ($19,8 \pm 0,4\%$; $p < 0,000$), так и их матери ($10,5 \pm 0,5\%$; $p < 0,000$), отца ($13,6 \pm 0,6\%$; $p < 0,000$); «наличие и количество детей» ($11,1 \pm 0,7\%$; $p < 0,000$). Делинквентное поведение в большей степени зависит от возраста матери на момент рождения ($8,7 \pm 1,3\%$; $p < 0,000$), чем от возраста отца ($6,3 \pm 1,3\%$; $p < 0,001$).

На втором этапе исследования с помощью указанных психодиагностических методик выявлялись особенности индивидуально-личностных факторов в генезисе делинквентного поведения. Статистический анализ эмпирических данных, полученных с помощью методики Big 5, указывает достоверные различия в степени выраженности свойств личности испытуемых двух групп. В частности, в группе осужденных отмечается достоверно более высокая выраженность факторов «открытость опыту» и «нейротизм», тогда как показатели экстраверсии, уживчивости и сознательности имеют достоверно меньшую степень выраженности, чем в контрольной группе (табл. 1).

Анализ результатов выполнения испытуемыми методики Басса-Перри позволяет сделать вывод о том, что у осужденных проявления агрессии более выражены, чем у исследуемых контрольной группы. У осужденных достоверно выше уровни выраженности физической агрессии, гнева, враждебности, интегральной шкалы агрессии (табл. 2). При этом наиболее существенные различия наблюдаются в когнитивном компоненте агрессии: у осужденных более враждебное восприятие социального окружения, конкрет-

ной ситуации взаимодействия.

Диагностическое исследование характерологических свойств личности осужденных также выявляет различия в показателях выраженности этих свойств в основной (осужденные) и контрольной группах. В группе осужденных достоверно выше показатели всех шкал теста Шмишека: дистимности, циклотимности, возбудимости, застревания, педантичности, тревожности, эмотивности, демонстративности, экзальтированности. Исключение составляет лишь шкала гипертимности (табл. 3).

В группе осужденных достоверно выше уровень общей внутренней конфликтности (ОВК), чем в контрольной группе ($20 \pm 0,64$; $17 \pm 0,64$; $11=16262$; $p=0,001$) и ниже уровень запаса уверенности в себе ($-1 \pm 0,37$; $1 \pm 0,34$; $11=15103$; $p=0,000$). Показатель ОВК характеризует степень эмоциональной напряженности и показывает уровень интеграции/деинтеграции ценностно-смысловой сферы личности. Высокие значения данного показателя могут означать наличие у осужденных высокой степени эмоциональной напряженности и высокого уровня дезинтеграции ценностно-смысловой сферы личности при низкой уверенности в себе.

Обнаружено статистически достоверное влияние факторов «Большой пятетки» на возможность проявления делинквентного поведения: нейротизм оказывает влияние в размере $12,1 \pm 0,5\%$, экстраверсия — $15,7 \pm 0,5\%$, открытость опыту — $7,5 \pm 0,5\%$, сознательность — $2,1 \pm 0,5\%$. Обнаружено статистически достоверное влияние агрессии на возможность проявления делинквентного поведения: физическая агрессия оказывает влияние в размере $8,9 \pm 0,5\%$

от общего влияния всей суммы факторов, гнев — $9,9 \pm 0,5$ %, враждебность — $20,4 \pm 0,4$ %, интегральная шкала агрессии — $22,1 \pm 0,4$ %. Обнаружено статистически достоверное влияние особенностей характера на возможность проявления делинквентного поведения: эмоциональность имеет наибольшее влияние в размере $15,7 \pm 0,5$ % от общего влияния всей суммы факторов, педантичность — $7,0 \pm 0,5$ %, возбудимость — $6,5 \pm 0,5$ %, экзальтированность — $5,3 \pm 0,5$ %, демонстративность — $4,5 \pm 0,5$ %, застревание — $3,2 \pm 0,6$ %. Выявлено статистически достоверное влияние запаса уверенности в себе ($5,5 \pm 0,7$ %) и общей внутренней конфликтности личности ($4,6 \pm 0,7$ %) на возможность проявления делинквентного поведения.

На третьем этапе исследования применение пошагового дискриминантного анализа сделало возможным разделение групп осужденных за насильственные преступления и сравнения по следующим социально-психологическим, индивидуально-личностным и биометрическим переменным («маркерам делинквентного поведения»): наличие приводов в милицию (1); враждебность (hst); нахождение на гауптвахте (2); служба в армии (3); образование матери (4); образование отца (5); факты притеснения одноклассниками (6); возраст матери (7); семейное положение (8); образование (9); конфликты с одноклассниками (10); местность, в которой прошло детство (11); интегральная шкала агрессии (isa); циклотимность (Цик); прогулы уроков в школе (12); конфликты с учителями (13); алкоголизм родителей (14); эмотивность (Эм); конфликты в семье (15); возраст отца (16); наличие и количество детей в семье (17);

дистимность (Дис); полная-неполная семья (18); развод родителей (19); истязания и убийства животных в детстве (20); успеваемость в школе (21).

Определена значимость переменных для различения групп лиц с делинквентным и просоциальным поведением. Так, статистика F-удаления для исследованных переменных представляется в следующем виде (факторы расположены в порядке убывания значимости для выделения групп): образование матери (51,74), служба в армии (36,80), факт нахождения на гауптвахте (26,50), факты притеснения одноклассниками (18,22), образование (14,98), образование отца (10,85), алкоголизм родителей (9,82), конфликты в семье (9,70), прогулы уроков в школе (8,12), интегральная шкала агрессии (7,34), семейное положение (5,72), наличие приводов в милицию (5,64), полнота семьи (4,36), возраст матери (3,78), развод родителей (3,47), наличие и количество детей (3,47), конфликты с учителями (3,33), эмотивность (3,26), убийства животных в детстве (3,20), местность проживания в детстве (2,17), дистимность (1,62), успеваемость (1,04), конфликты с одноклассниками (0,83), враждебность (0,77), циклотимность (0,53), возраст отца (0,07). При этом чем меньше значение переменной, тем сильнее она связана с другими переменными.

Классификационная матрица демонстрирует, что общий уровень достоверности разделения групп по выделенным переменным составляет 95,6 % (100,0 % — для группы осужденных за насильственные преступления, 93,7 % — для контрольной группы).

Классификационные функции для каждой группы (y_1 — классифициро-

ванное значение для группы осужденных, y_2 — классифицированное значение для контрольной группы):

$$y_1 = -424,955 + 31,451(1) + 2,971(hst) + 61,765(2) + 33,308(3) + 30,267(4) - 23,825(5) - 78,189(6) - 7,569(7) + 28,278(8) + 35,771(9) + 19,996(10) + 25,726(11) + 3,789(isa) + 6,322(Цик) + 32,777(12) - 30,695(13) + 237,374(14) + 5,711(Эм) + 18,782(15) + 23,070(16) + 5,293(17) + 6,588(Дис) + 37,954(18) + 52,025(19) - 39,112(20) + 14,521(21),$$

$$y_2 = -393,281 + 24,506(1) + 2,150(hst) + 48,877(2) + 43,430(3) + 20,570(4) - 19,266(5) - 98,887(6) - 9,169(7) + 25,378(8) + 42,944(9) + 18,538(10) + 24,448(11) + 1,241(isa) + 5,868(Цик) + 39,716(12) - 34,424(13) + 266,875(14) + 4,572(Эм) + 7,690(15) + 22,821(16) + 7,469(17) + 5,628(Дис) + 40,968(18) + 55,521(19) - 46,789(20) + 10,796(21).$$

При практическом применении данных формул в прогностической работе классификационное значение рассчитывается по предложенным функциям путем подстановки в формулы соответствующих значений психодиагностических методик и анкетирования.

Таким образом, риск возникновения делинквентного поведения определяется наличием взаимосвязанных факторов разноуровневой организации личности, оказывающих определенное неодинаковое влияние на социально-психологическом и индивидуально-личностном уровнях.

Лица с делинквентным поведением имеют специфические особенности социальной ситуации развития, касающиеся прежде всего особенностей семьи и семейного воспитания, обучения в шко-

ле и взаимоотношений с учителями и одноклассниками, поведения вне школы и дома. Индивидуально-личностными детерминантами делинквентного поведения выступают высокие значения факторов нейротизма и открытости опыту и низкие — экстраверсии и сознательности. Больше других личностных факторов возможность проявления делинквентного поведения определяет показатель по интегральной шкале агрессии, при этом из трех компонентов агрессии самое сильное воздействие оказывает когнитивный компонент «враждебность». Среди особенностей характера наибольший вклад вносят эмотивность, педантичность, возбудимость, экзальтированность, демонстративность, застревание.

В связи с этим нами предложен алгоритм определения риска возникновения делинквентного поведения на основе системы детерминант различных уровней организации личности.

Литература

1. Бурлаков В.Н., Гомонов Н.Д. Патопсихологические особенности личности и механизм преступного поведения // Правоведение. — 2001. — № 3 (236).
2. Гречишкин О.Н., Старков О.В. Предупреждение девиантного и преступного поведения несовершеннолетних. — Краснодар, 2004.
3. Котова Э.Л. Индивидуально-психологические особенности лиц, совершивших агрессивнo-насильственные преступления // Насилие, агрессия, жестокость: Криминально-психологическое исследование: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Р. Ратинов. — М., 1989.
4. Лоздяков В.М. Психологическое обеспечение профилактики правонарушений несовершеннолетних: состояние и перспективы // Вестн. Вологод. ин-та права и экономики ФСИН России. — 2009. — № 7.
5. Проведение психодиагностического обследования осужденных (находящихся в карантине исправительного учреждения, представляемых к переводу в колонию-поселение, обратившихся в суд с хо-

датыством об условно-досрочном освобождении): метод. рек. — М.: ФСИН России, 2008. — 99 с.

6. Сахаров А.Б. Причины и условия индивидуального криминального поведения: лекция. — М., 1995.

7. Glueck S., Glueck E. Potential juvenile delinquents can be identified: What next? // British Journal of Criminology. — 1964. — 4:215-226.

8. Glueck S., Glueck E. Unravelling Juvenile Delinquency. — New York: The Commonwealth Fund, 1950.

9. Patterson G.R., Stouthamer-Loeber M. The correlation of family management practices and delinquency // Child Development. — 1984. — 55:1299-1307.

СООТНОШЕНИЕ ТРАЕКТОРИЙ И УРОВНЕЙ СУБЪЕКТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА

И. П. Краснощеченко

Аннотация: в работе обоснована и представлена типология траекторий субъектно-профессионального развития студентов-психологов в образовательном пространстве вуза, основывающаяся на результатах мониторинга всего периода обучения в вузе по параметрам активности, включенности в различные виды деятельности, мотивации достижения и т. д. Даны характеристики 7 типов таких траекторий: предопределенно-целенаправленной, разносторонне-активной, учебно-ориентированной, постепенного вхождения в образовательный процесс, разносторонне-поверхностной, самореализации за пределами профессионального образования и диффузной. Показано соотношение траекторий и уровней развития профессиональной субъектности студентов-психологов к завершению профессионального образования.

Ключевые слова: субъект, субъектно-профессиональное развитие, траектория, стратегия развития, образовательное пространство вуза, деятельность.

The summary: The justification and the typology of trajectories of subject and professional development of psychology students in the educational area of the university, based on results of monitoring the entire period of study at a university in the parameters of activity, involvement in various activities, achievement motivation, etc., are given. Features 7 types of trajectories: predictably, focused, versatile, active, education-oriented, gradual entry into the educational process, versatile, superficial, self-fulfillment outside of vocational education and diffuse. Shows the relationship between trajectories and levels of development of professional subjectivity of psychology students to complete vocational training.

Keywords: subject, subject and professional development trajectory, strategy development, educational space university activities.

В условиях модернизации российского общества, как никогда прежде, актуальными и востребованными становятся такие качества современного че-

датыством об условно-досрочном освобождении): метод. рек. — М.: ФСИН России, 2008. — 99 с.

6. Сахаров А.Б. Причины и условия индивидуального криминального поведения: лекция. — М., 1995.

7. Glueck S., Glueck E. Potential juvenile delinquents can be identified: What next? // British Journal of Criminology. — 1964. — 4:215-226.

8. Glueck S., Glueck E. Unravelling Juvenile Delinquency. — New York: The Commonwealth Fund, 1950.

9. Patterson G.R., Stouthamer-Loeber M. The correlation of family management practices and delinquency // Child Development. — 1984. — 55:1299-1307.

СООТНОШЕНИЕ ТРАЕКТОРИЙ И УРОВНЕЙ СУБЪЕКТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА

И. П. Краснощеченко

Аннотация: в работе обоснована и представлена типология траекторий субъектно-профессионального развития студентов-психологов в образовательном пространстве вуза, основывающаяся на результатах мониторинга всего периода обучения в вузе по параметрам активности, включенности в различные виды деятельности, мотивации достижения и т. д. Даны характеристики 7 типов таких траекторий: предопределенно-целенаправленной, разносторонне-активной, учебно-ориентированной, постепенного вхождения в образовательный процесс, разносторонне-поверхностной, самореализации за пределами профессионального образования и диффузной. Показано соотношение траекторий и уровней развития профессиональной субъектности студентов-психологов к завершению профессионального образования.

Ключевые слова: субъект, субъектно-профессиональное развитие, траектория, стратегия развития, образовательное пространство вуза, деятельность.

The summary: The justification and the typology of trajectories of subject and professional development of psychology students in the educational area of the university, based on results of monitoring the entire period of study at a university in the parameters of activity, involvement in various activities, achievement motivation, etc., are given. Features 7 types of trajectories: predictably, focused, versatile, active, education-oriented, gradual entry into the educational process, versatile, superficial, self-fulfillment outside of vocational education and diffuse. Shows the relationship between trajectories and levels of development of professional subjectivity of psychology students to complete vocational training.

Keywords: subject, subject and professional development trajectory, strategy development, educational space university activities.

В условиях модернизации российского общества, как никогда прежде, актуальными и востребованными становятся такие качества современного че-

ловека, как целеустремленность, способность генерировать идеи, шаг за шагом настойчиво продвигаться в их реализации, нести ответственность и др. Данные качества являются атрибутивными характеристиками активно используемого сегодня не только в общественно-политической практике, но и в социальных исследованиях понятия «субъект». Гуманитарными науками разрабатывается проблема человека как субъекта жизнедеятельности, способного, разрешая внешние и внутренние противоречия, принимать решения и предпринимать конкретные действия, определяющие направление своего развития и качество собственной жизни в настоящем, будущем и т. д.

Проблема анализа, определения, постановки и реализации жизненных перспектив в жизнедеятельности человека занимает важное место в работах современных исследователей (К.А. Абульхановой, Б.Г. Ананьева, И.В. Вачкова, Е.И. Головахи, Э.Ф. Зеера, Ф. Зимбардо, Н.В. Ковалева, Т. Коттла, А.А. Кроника, Л.М. Митиной, Ж. Ньютена, С.Л. Рубинштейна, В.С. Хомика и др.). Результаты исследований показывают, что жизненные ориентиры, воспринимаемые и формируемые личностью (субъектом) на различных этапах жизненного пути, детерминируют не только ее представления о будущем и формат ее активности, но являются одним из средств самоорганизации и самореализации жизни человека в настоящем.

В научной литературе отсутствует единообразие в применении терминологии, однако сложились различные подходы к их операционализации: мотивационный (К. Левин, Э. Зимбардо, Ж. Ньютен, Л.К. Франк), типологи-

ческий (К.А. Абульханова, Т.Н. Березина, В.Н. Ковалева и др.); событийный (Р.А. Ахмеров, Е.И. Головаха, А.А. Кроник, Д.А. Леонтьев, Е.И. Сапогова и др.). Большинство подходов принимают положение о том, что личность обладает способностью сознательно, мысленно предвидеть будущее, регулировать, организовывать свой жизненный путь в целом, подчиненное ее целям, однако мера выраженности такой способности у разных людей бывает разной.

Авторы используют различные понятия «антиципация жизненного пути», «жизненные перспективы», «жизненные сценарии», «стратегия жизни» и т. д. В рамках нашего исследования субъектно-профессионального становления и развития будущих психологов в образовательном пространстве вуза применяется термин «траектории». Попробуем разобраться в нюансах значения данных понятий.

Так, понятие «стратегии жизни» выведено К.А. Абульхановой в название монографии, изданной в 1991 г. Обратим внимание на то, что понятие «стратегия» (др.-греч. *ατρατῆυσα* — «искусство полководца») определяется в словарях как общий, недетализированный план какой-либо деятельности, охватывающий длительный период времени, способ достижения сложной цели. В общем понимании стратегия — это иерархия целей, последовательное достижение которых, начиная с нижних уровней, приводит к достижению цели самого верхнего уровня [9].

В последние годы понятие «стратегия» активно используется в менеджменте. Специалисты по инновационному менеджменту Г. Минцберг, Б. Альстрэнд, Дж. Лэмпел отмечают много-

значность понятия «стратегия», используя его применительно к организационной среде:

1) стратегия есть план или руководство, ориентир или направление развития, дорога из настоящего в будущее;

2) стратегия — это принцип поведения или следование некой модели поведения;

3) стратегия — это позиция, а именно расположение определенных товаров на конкретных рынках;

4) стратегия — это перспектива, то есть основной способ действия организации [6].

Авторы перечисляют ключевые функции стратегии: определение направления, координация усилий, отражение в общих чертах характера организации и ее отличительных особенностей, предоставление не только «ключа» к общему пониманию организации, но и удобной возможности разобраться в том, как она «ведет дела», а также обеспечивает логику — устраняет неопределенность и обеспечивает порядок. В этом смысле она сродни теории, упрощающей и объясняющей мир и облегчающей действие когнитивной структуре.

Представленные характеристики понятия «стратегия», используемого в менеджменте, расширяют наше понимание феномена, используемого в отношении человека и его жизнедеятельности в психологических исследованиях.

Рассматривая «стратегии жизни», К.А. Абульханова определяет данное понятие как «некоторый универсальный закон», «способ самоосуществления человека в различных сферах его жизни, индивидуальное достояние, индивидуальное открытие каждого», «принципиальную, реализуемую в различных жиз-

ненных условиях, обстоятельствах способность личности к соединению своей индивидуальности с условиями жизни, к ее воспроизводству и развитию», выделяя при этом три основных признака жизненной стратегии:

1) выбор способа жизни;

2) разрешение противоречия «хочу-имею»;

3) создание условий для самореализации, творческий поиск [1].

К.А. Абульханова утверждает, что стратегия в самом общем смысле может быть либо активной, либо пассивной, проявляющейся в активности или пассивности в организации времени, деятельности, познания, общения и т. д. Активность она выделяет как ведущий параметр при построении жизненных стратегий, пронизывающий собой все сферы жизни человека и служащий своеобразным лакмусом на все виды человеческой жизнедеятельности; активность личности в осуществлении ее жизненной стратегии рассматривается как способность к оптимальному балансу между желаемым и необходимым, личным и социальным, что в свою очередь устанавливается при помощи инициативы и ответственности в соотношении меры желаемого и необходимого, меры требуемого и достигнутого и т. п. [1, с. 74].

О.С. Васильева и Е.А. Демченко [4, с. 74-80], развивая подход К.А. Абульхановой, рассматривают жизненную стратегию как искусство ведения собственной жизни, главной целью которой является поиск и осуществление своего уникального смысла. По мнению данных исследователей, важные характеристики жизненной стратегии — это уровень ответственности, степень осмысленности жизни, система ценностей и отно-

шений человека. Ими показано, что респонденты с высоким уровнем осмысленности жизни, принимающие ответственность за ход ее событий и считающие себя хозяевами своей жизни, более удовлетворены самореализацией и находят свою жизнь интересной, эмоционально насыщенной, по сравнению с теми, которые не верят в способность влиять на свою жизнь. Такие люди часто не удовлетворены жизнью и придерживаются позиции, что ей управляют обстоятельства и другие люди, что обуславливает их большую подверженность неврозам, межличностным и внутриличностным конфликтам.

Близкое по смыслу к понятию «стратегия жизни» понятие «жизненная перспектива» широко используется в работах Е.И. Головаха, К.А. Кроника, Е.Ю. Мандриковой, И.А. Ральникова, Л.Д. Демина и др. Так, И.А. Ральникова и Л.Д. Демина определяют жизненную перспективу как многомерный образ будущего, единство которого представляет собой совокупность измерений жизненной перспективы:

- ценностно-смысловое (ценности, ценностные ориентации, мотивы, личностные смыслы);
- эмоционально-оценочное (эмоции, чувства, возникающие в связи с содержательным наполнением образа будущей жизни);
- когнитивное (предвосхищаемые жизненные события, цели и средства их реализации);
- организационно-деятельностное (совокупность стилей, стратегий, форм поведения человека в настоящем, создающая возможность последовательного воплощения жизненных планов) [8, с. 55-59].

Другое близкое по смыслу понятие — это «жизненный сценарий», оно впервые было использовано в психологической концепции Э. Берна, рассматривавшего его как «неосознаваемый план жизни», реализация которого определяется степенью зрелости/инфантильности личностных установок. Эти сценарии, согласно Э. Берну, бессознательно формируются в детстве, подкрепляются родителями, постепенно разворачиваются на протяжении многих лет в процессе социального взаимодействия человека, в минимальной степени подчиняясь его воле, и завершаются так, как было предопределено с самого начала [3]. Сценарный подход реализован в работах отечественных исследователей — Ю.С. Тюнникова и М.А. Мазниченко [10, с. 97-108], М.А. Киселевой, Г.Н. Малюченко, О.В. Кариной, Н.Е. Шустовой [2], Л.Н. Плоткиной и др. Авторы утверждают, что все многообразие типов взаимодействия обучаемый-обучающий может быть представлено 3-4 типами.

Так, Л.Н. Плоткина на основе дихотомической комбинации ключевых критериев (успешность учебной деятельности и эмоционально-когнитивная оценка будущей профессии) описывает 4 типа сценариев профессионального становления [7, с. 231-237]:

- 1) сценарий максимальной включенности в образовательный процесс (успешный/интересующийся);
- 2) сценарий формальной включенности в образовательный процесс (успешный/не интересующийся);
- 3) сценарий амбивалентной включенности (неуспешный/интересующийся);
- 4) сценарий отчужденного пребывания в образовательном простран-

стве вуза (неуспешный/не интересующийся).

Э.Ф. Зеер и Э.Э. Сыманюк, исследуя профессиональное развитие личности, оперируют понятиями «стратегия», «траектория», «сценарий». По их мнению, продвижение личности в развивающемся профессиональном пространстве определяется такими факторами, как:

- возрастные изменения, обуславливающие периодизацию развития;
- система непрерывного образования;
- ведущая профессионально-ориентированная деятельность.

Равнодействующей взаимодействия этих факторов является профессиональное становление личности, то есть движение в профессионально-образовательном пространстве и времени профессиональной жизни. Визуальное представление взаимодействия данных факторов, согласно подходу авторов, и будет выступать в качестве «траектории профессионального развития» или сценария. К наиболее часто встречающимся они относят:

- траекторию бескризисного профессионального становления;
- траекторию стагнирующего профессионального развития;
- траекторию спада профессиональной активности;
- траекторию ускоренного движения;
- траекторию ухода из профессиональной деятельности [5].

Под термином «стратегии профессионального развития личности» данными авторами понимаются более общие параметры — особые поведенческие синдромы, характеризующиеся актуализа-

цией адаптивных механизмов психической саморегуляции, причем профессиональное развитие осуществляется за счет осуществления активных конструктивных стратегий поведения в критических профессиональных ситуациях. Неконструктивные стратегии профессионального развития способствуют развитию профессионально обусловленных деструкций.

Разработанная для целей нашего исследования типология субъектно-профессионального становления и развития будущих психологов не противоречит представленным подходам. Поскольку в качестве ключевых факторов профессионального развития в вузе нами рассматривается не только организация собственно учебно-профессиональной деятельности, но и другие виды деятельности, включение в которые возможно в силу специфики организации образовательного пространства вуза, что, в свою очередь, влияет на процесс и результат развития профессиональной субъектности будущих психологов, что и обусловило использование нами понятия «траектория», означающего «путь движения какого-нибудь тела или точки», обусловлено логикой выполненного исследования.

Анализ результатов образовательного процесса к моменту завершения обучения в университете студентов 5-го курса включал в себя исследование оценок значимости для них факторов субъектно-профессионального развития в образовательном пространстве вуза. В основную группу факторов по частоте упоминания вошли учебно-профессиональная деятельность, участие в научно-исследовательской, творческой, квазипрофессиональной (про-

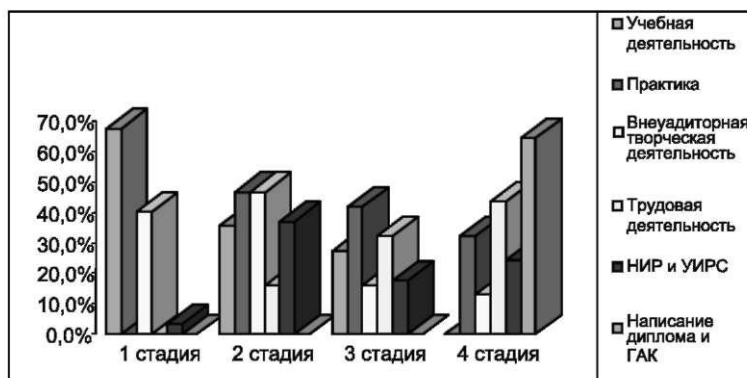

Рис. 1. Значимость факторов субъектно-профессионального становления будущих психологов в оценках выпускников

ектной, волонтерской, практической и т. п.) деятельности (рис. 1).

Разработанная нами типология траекторий развития будущих психологов учитывала параметр включенности в указанные виды деятельности, а также опиралась на результаты мониторинга субъектно-профессионального развития студентов на протяжении всего периода обучения в вузе. Систематизированная характеристика типов траекторий становления субъектности будущих психологов в образовательном пространстве вуза, составленная с учетом критериев исходного уровня подготовленности при поступлении в вуз, уровня их мотивации профессионального развития, включенности в различные виды деятельности, а также характера трудоустройства в период обучения на старших курсах, представлена в таблице 1.

Охарактеризуем более подробно данные типы траекторий субъектно-профессионального становления и развития студентов в образовательном пространстве вуза.

1. *Предопределенно-целенаправленная траектория* реализуется такими студентами, которые определились с профессией уже на довузовском этапе, сделав осознанный выбор, как правило, прошли профильную подготовку в школе и/или учреждении дополнительного образования, участвовали в психологических олимпиадах школьников и научно-практических конференциях. При поступлении на факультет они имели высокую мотивацию получения психологического образования, четкое представление не только о профессии, но и о будущей специализации, позитивные ожидания от своего профессионального будущего. Такие студенты успешно осваивают образовательную программу, с желанием выполняют дополнительные задания по учебным дисциплинам, с младших курсов включаются в деятельность научно-практических лабораторий и научно-исследовательскую работу в соответствии со своими устойчивыми научно-профессиональными интересами. Обучаясь на старших курсах, успешно проявляют себя в период производ-

Таблица 1
Критериальная таблица траекторий субъектно-профессионального становления
и развития студентов-психологов

		Исходный уровень академической подготовленности	Уровень мотивации	Деятельности, в которые включен субъект				Трудоустройство на старших курсах		Уровень развития профессиональной субъектности по завершению проф. обучения
				Учебная	Научная	Творческая	Практическая	По профессии	Не по профессии	
1	Предопределенно-целенаправленная траектория	Высокий	Высокий	+	+	±	+	+		Высокий
2	Разносторонне-активная траектория	Высокий	Высокий	+	+	+	+	±	±	Высокий
3	Учебно-ориентированная траектория	Средний Высокий	а) средний б) высокий	+	-	-	-	-	±	Средний Высокий
4	Траектория постепенного вхождения в образовательный процесс	Низкий Средний	а) средний б) высокий	+	±	-	+	±	±	Средний Высокий
5	Разносторонне-поверхностная траектория	Средний Низкий	а) средний б) средний	+	-	+	+	-	+	Средний Низкий
6	Траектория самореализации за пределами профессионального образования	Средний Низкий	а) средний б) низкий	±	-	-	-	-	+	Низкий Низкий
7	Диффузная траектория	Низкий	Низкий	-	-	-	-	-	±	Низкий

ственной практики, что нередко помогает им трудоустроиться и получить опыт работы по профессии еще до завершения обучения в университете. Эти студенты уже с младших курсов ориентированы на научную работу, по окончании вуза многие из них поступают в аспирантуру, другие же связывают свою жизнь с практико-ориентированной психологией и с первых лет самостоятельной деятельности достигают успехов в работе, развитии профессиональной карьеры.

2. Разносторонне-активная траектория — траектория поиска и открытия себя средствами получаемого образования. Данная траектория реализуется студентами, которые на младших курсах активно пробуют себя в разных сферах деятельности, не ограничиваясь учебной: принимают участие в работе научно-исследовательских и практических лабораторий, проектной, творческой деятельности. Выстроенная на факультете система психолого-

педагогического сопровождения помогает им осознать и раскрыть свои возможности, успешно развиваться и лично, и профессионально. К старшим курсам они постепенно все более концентрируются на освоении специализации и задаче трудоустройства, при этом с готовностью участвуют в проектной деятельности на факультете, приобретаемая профессиональный опыт. В данной группе преобладают студенты с высоким уровнем мотивации достижения и активности, успешные и в учебе, и в других сферах деятельности.

3. *Учебно-ориентированная траектория.* Студенты, развивающиеся по траектории данного типа, сконцентрированы только на учебе как условии профессионального развития. Проявляют относительно низкий уровень активности в других видах деятельности. К завершению обучения имеют несколько ограниченный опыт практической деятельности и социального взаимодействия, вследствие чего у некоторых из них могут возникать проблемы с трудоустройством по специальности. Тем не менее среди представителей данной группы немало тех, кто в последующем успешно реализует себя в профессиональной деятельности.

4. *Траектория постепенного «нахождения себя» в профессии* реализуется студентами, поступающими в университет с относительно низким уровнем академической подготовленности, что обуславливает значительные трудности в овладении учебной программой. Однако в условиях образовательного пространства у них усиливается мотивация достижения и самоутверждения, желание доказать, что они могут быть успешными. К середине периода обу-

чения в вузе им удается «подтянуться» до среднего, а в отдельных случаях даже до высокого уровня в учебе. Они успешно завершают образование, и в последующем нередко работают по специальности, развиваясь и совершенствуясь.

5. *Разносторонне-поверхностная траектория.* Реализуется студентами, с первого курса включенными не только в учебный процесс, но и другие формы активности в образовательном пространстве вуза и вне его пределов, однако их успехи как в учебе, так и в других видах деятельности, не являются блестящими. Тем не менее к старшим курсам они достигают определенных конструктивных изменений в собственной профессиональной субъектности, завершают профессиональное образование, мотивированы на трудоустройство в соответствии с полученной профессией, многие из них успешно решают эту задачу, однако некоторые с легкостью принимают предложения о трудоустройстве в других сферах, поступают на второе высшее образование и изменяют направление своего дальнейшего профессионального развития.

6. *Траектория преимущественной самореализации вне профессионального образования* характерна для студентов с низкой мотивацией профессионального развития, но проявляющих себя за пределами образовательного пространства вуза. Для них главное — получение диплома о высшем образовании. Работать по профессии они не собираются. Решают вопросы создания семьи, вхождения в привлекательные для них социальные группы молодежи, трудоустройства, обеспечения собственной материальной независимости. Отсутствие направленности на профес-

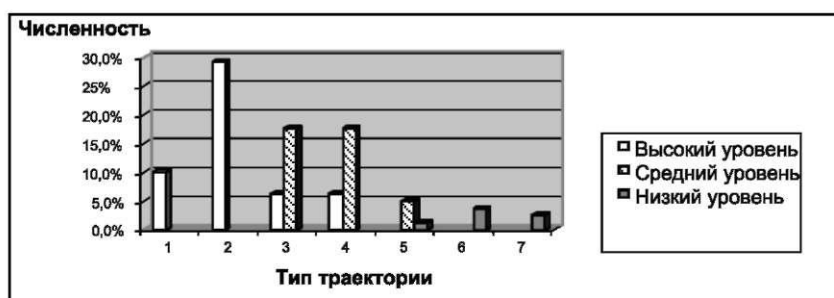

Рис. 2. Соотношение групп студентов по уровню развития субъектности и реализованной траектории субъектно-профессионального становления

сиональное образование обуславливает низкий уровень развития профессиональной субъектности.

7. *Диффузная траектория* характерна для студентов, поступивших на факультет без четко выраженных целей обучения и мотивации профессионального развития. Система психолого-педагогического сопровождения не способна оказать влияние на существенное изменение их отношения к учебе, усиление познавательного интереса к получаемой профессии. Такие студенты имеют низкие академические результаты в вузе. Профессиональная субъектность у них слабо сформирована, попытки устроиться по специальности и в годы обучения, и по окончании вуза они не предпринимают.

Следует отметить, что приведенная типология, как и любая другая, в определенной мере условна, она не отражает всю полноту индивидуальных вариантов становления профессиональной субъектности, специфики преодоления противоречий субъектно-профессионального развития студентов-психологов в процессе обучения на разных курсах. В то же время типология в обобщенном виде представляет собой наиболее рас-

пространенные и часто встречающиеся варианты продвижения студентов-психологов в образовательном пространстве конкретного вуза и факультета. Вместе с тем данный подход следует соотносить с изложенными выше, базирующимися на дихотомическом выделении параметров активности и конструктивности.

В нашем исследовании было проведено сопоставление распределения студентов по признаку реализованной траектории и уровня их субъектно-профессионального развития. Оценка уровня субъектно-профессионального становления проводилась путем интегрирования оценок по комплексу параметров, приведенных к 5-балльным шкалам (удовлетворенность полученным образованием; идентификация с профессией и специализацией; выраженность гуманистических ценностей в структуре ценностно-смысловой сферы; мотивация работы по профессии; сформированность ПВК (самооценки и экспертные оценки); профессиональная компетентность (экспертные оценки); наличие жизненных планов и видение дальнейшего развития себя; опыт трудовой деятельности). Результаты сравнительно-

сопоставительного анализа, выполненного на выборке студентов-выпускников 2009 г., представлены на рисунке 2.

Проведенный анализ результатов исследования показал, что среди студентов-психологов выпускного курса с высоким уровнем развития профессиональной субъектности преобладают молодые люди, реализующие траектории профессионального становления первого, второго, а также в отдельных случаях третьего и четвертого типа. Для этих групп студентов характерен внутренний локус контроля, высокие значения мотивации достижения, мотивации познавательной деятельности и профессионального развития к моменту завершения обучения. Кроме того, данные мониторинга их профессионального развития подтверждают, что большинство студентов этих групп на начальном этапе обучения на факультете имели высокие показатели мотивации учебной деятельности и профессионального развития, а также проявляли высокую активность и вовлеченность в другие виды деятельности в условиях образовательного пространства факультета. Анализ ретроспективных оценок мотивов поступления на факультет свидетельствует, что среди них преобладали студенты с выраженной мотивацией самопознания, познания других и оказания им помощи.

Средний уровень сформированности профессиональной субъектности является результатом развития студентов по траекториям третьего, четвертого и пятого типов. У них в основном диагностируется смешанный локус контроля, средний уровень мотивации достижения и средний с тенденцией к снижению уровень учебно-профессиональной

активности на старших курсах университета.

И наконец, студенты с траекториями профессионального становления шестого и седьмого типов характеризовались в целом наиболее низкими значениями по показателям мотивации достижения, познавательной мотивации на начальном этапе обучения в вузе, низким уровнем активности в образовательном пространстве вуза, у них выражен внешний локус контроля. Представители данной группы чаще игнорировали имевшиеся возможности профессионального развития в условиях вуза, что вероятно, и обусловило низкие показатели уровня достижений в учебно-профессиональной деятельности и развитии профессиональной субъектности.

Итак, предложенная типология траекторий субъектно-профессионального развития студентов-психологов разработана на основе анализа данных мониторинга, охватывавшего весь период обучения в вузе. Она представляет собой обобщение вариантов профессионального становления и развития студентов-психологов в образовательном пространстве вуза. Именно поэтому мы считаем уместным использование в этом случае термина «траектории». Кроме того, по нашему мнению, описанные типы траекторий вполне могут быть соотнесены с представленными в литературе стратегиями и сценариями развития, основывающимися на таких факторах, как активность, конструктивность и т. п.

Представленная типология используется не только для констатации вариантов субъектно-профессионального развития будущих психологов и оцен-

ки результативности образовательного процесса в вузе, но и в системе работы по сопровождению профессионального развития студентов. В целях содействия формированию у будущих психологов конструктивной установки на саморазвитие и самосовершенствование в рамках дисциплины «Введение в профессию» проводится информирование первокурсников об указанной типологии, что помогает им осознать возможные варианты собственного развития в образовательном пространстве вуза, а также наметить и выбрать для себя наиболее подходящую конструктивную стратегию индивидуального профессионального развития. Студенты старших курсов, используя данную типологию, имеют возможность анализировать динамику реализованных шагов и осознавать достижения и затруднения в становлении собственной профессиональной субъектности, а в отдельных случаях намечать и реализовывать меры предупреждения «переключения» на неконструктивные векторы развития.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегии жизни. — М.: Мысль, 1991.
2. Антиципация жизненного пути и социальное самочувствие молодого поколения / М.А. Киселева, Г.Н. Малюченко, О.В. Карина [и др.]. — Саратов: Саратов. источник, 2009.
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. — СПб.: Лениздат, 1992.
4. Васильева О.С., Демченко Е.А. Изучение характеристик жизненной стратегии человека // Вопр. психологии. — 2001. — № 2.
5. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Психология профессиональных деструкций. — М.; Екатеринбург: Академ. проект; Деловая книга, 2005.
6. Минцберг Г., Альстрэнд Б, Лэмпел Дж. Школы стратегий. Стратегическое сафари: экскурсия по дебрям стратегий менеджмента. — СПб.: Питер, 2000.
7. Плоткина Л.Н. Сценарии профессионально-личностного становления будущих IT-специалистов в образовательном пространстве вуза // Профессиональное и личностное самоопределение молодежи в современной России: материалы третьей Всероссий. науч.-практ. конф., 27-28 сент. 2010 г. — Самара, 2010.
8. Ральникова И.А., Демина Л.Д. Интеллектуальная репрезентация становления жизненных перспектив личности // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. — 2010. — Сер.: Психология. — Т. 4. — Вып. 1.
9. Российский энциклопедический словарь. — М., 2000.
10. Тюников Ю.С., Мазниченко М.А. Преподаватель и студент: сценарии взаимодействия // Высшее образование в России. — 2004. — № 12.

**Аналитические комментарии к книге Ф. Мохаддама
«Терроризм с точки зрения террористов, что они переживают и думают,
и почему обращаются к насилию»**

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

В. А. Соснин

Аннотация: в работе рассмотрена точка зрения автора о социокультурном подходе для анализа проблемы терроризма, представлен обзор основных психологических теорий в объяснении терроризма.

Ключевые слова: терроризм, идентичность, глобализация, социальные условия, потребности идентичности, мотивация.

The summary: in the work there are considered ideas of the author on a social-cultural approach for analyzing of terrorism. It is carried out a survey of some theories in explaining of terrorism.

Keywords: terrorism, identity, globalization, social conditions, needs, motivation.

Мы продолжаем знакомить наших читателей с содержанием работы известного ученого с мировым именем Ф. Мохаддама по проблеме терроризма.

Ф. Мохаддам в работе развивает и использует социокультурный подход к анализу проблемы терроризма, который в настоящее время считается наиболее перспективным и прогностическим в противодействии этой чуме третьего тысячелетия [2]. Автор при анализе проблемы убедительно показывает, как современные социокультурные условия жизни в мусульманских стра-

нах и глобализационные тенденции развития мировой цивилизации мотивируют многих представителей мусульманского мира к вступлению на путь терроризма. Перед обсуждением социокультурного подхода к проблеме мотивации терроризма, автор дает краткий обзор существующих психологических теорий, в той или иной мере позволяющих рассматривать и объяснять проблему мотивации терроризма в современном мире и их релевантность к данной проблеме [2, 8].

Парадоксы идентичности в глобальном мире

Каждый человек, стремящийся понять причины возникновения феномена терроризма, должен уловить наличие одновременно притяжения и отвержения, любви и ненависти, которые переживают исламские общества по отношению к Соединенным Штатам. С одной стороны, люди из исламского общества, даже исламисты-фундаменталисты, испытывают сильное притяжение к США (они для них являются привлекательными), и многие из них при малейшей возможности с поспешностью эмигрировали бы в Америку. С другой стороны, некоторые люди испытывают очень негативные чувства, и даже яростную ненависть в отношении Соединенных Штатов.

Ситуация в Иране отражает общую амбивалентность мусульманских обществ во всем мире по отношению к Западу в целом и Соединенным Штатам в частности. Запад в их глазах представляет технологические достижения, и для многих людей, особенно для представителей ряда социальных групп (женщин и меньшинств), он олицетворяет свободу и освобождение от удушающих традиций. В то же время Запад представляет альтернативную идентичность, в которой представители не западных обществ могут раствориться и потерять все признаки своей идентичности. Страх потерять свою аутентичную (культурную) идентичность, раствориться в идентичности другой культуры переживается и молодыми эмигрантами из Северной Африки во Франции, и ливанской молодежью в Австралии, и молодыми палестинцами на западном побережье и молодежью, выкрикивающей «Смерть Америке!» в Тегеране.

В основе исламистского терроризма лежит кризис исламских сообществ. Однако, как утверждает Мохаддам, нам трудно понять суть этого кризиса с традиционной точки зрения западных исследователей. Они обычно рассматривают идентичность как нечто стабильное, основанное на совокупности универсальных черт, таких как открытость новому опыту, рациональная осознанность, экстравертизм, уступчивость и невротизм (так называемые пять больших личностных характеристик). Вместо объективности, подобный взгляд на идентичность, опирающийся на теорию черт, крайне ограничен конкретным временем и предназначен лишь для конкретных сегментов западной

культуры. *Альтернативный и более плодотворный подход состоит в том, чтобы рассматривать идентичность как динамичное и гибкое образование личности, изменяющейся вместе со своим культурным контекстом.*

Индивиды инкорпорируют и ассимилируют в свою идентичность те аспекты внешнего мира, которые делают их жизнь более осмысленной и удовлетворительной. Люди постоянно меняются и изменяют себя, поскольку что-то они теряют (от чего-то избавляются), что-то приобретают, вычитают и добавляют, реконструируют и переоценивают различные аспекты своей идентичности. Они не просто проявляют гнев, чувствуют стыд и демонстрируют агрессию, они *становятся* раздраженными и гневливыми личностями, испытывающими стыд и агрессивность. Они *приходят* к тому, чтобы осознавать себя в состоянии гнева, стыда и агрессии. Представления о себе (какими они являются, а не просто, что они делают) постоянно изменяются. Некоторые индивиды становятся террористами, принимающими мораль терроризма как часть своей личной идентичности. *Стать террористом — это нечто большее, чем просто участвовать в террористической активности, происходит трансформация своего Я и становление конкретной идентичности.* Природа подобной идентичности выводится (формируется, возникает) из кризиса, переживаемого исламскими сообществами. Этот процесс, как отмечает Мохаддам, можно полнее понять, рассматривая прежде всего различные альтернативные объяснения феномена терроризма.

Анализ объяснений терроризма: урок из основных теорий

Человек, стремящийся получить объяснения терроризма из теорий социальной науки, не будет разочарован, поскольку есть ряд доступных теорий. Однако он будет разочарован в объяснительной силе каждой из этих теорий, независимо от других теорий. Во многих аспектах подобные теории имеют тенденцию скорее быть комплиментарными, чем конкурирующими друг с другом. Тем не менее мы можем получить пользу (в отношении объяснения терроризма) из этих основных теорий, рассматривая их коллективный вклад и приходя к более широкому объяснению изучаемого феномена. Однако нам также необходимо прорыв за пределы имеющихся объяснений, и именно акцент на анализе идентичности становится в этом плане особенно существенным, значимым и актуальным.

В основных теориях имеется широкий спектр представлений о человеке и человечестве, начиная от представлений об иррациональности и неспособности человека «корректно» осознать свои действия и поведение, так и побуждения, лежащие в основе этих действий (вплоть до представлений о том, что люди рациональные существа и руководствуются только своими материальными интересами). Иррационалистская перспектива обязана своим возникновением глубокому влиянию работ З. Фрейда, а в современных исследованиях она лучшим образом представлена в *теории управления терроризмом*. Концепция иррациональности характерна и для ряда других теорий, в которых центральной темой выступает проблема справедливости (наиболее значимый

пример таких теорий — теория относительной депривации и теория справедливого мира). В определенной степени концепция иррациональности является также характеристикой и функциональных теорий, основанных на принципе эволюционности. Наконец, ряд материалистических теорий исходит из положения, что представители рода «*homo sapiens*» — рациональные индивиды, ориентированные на самих себя и на то, что они стремятся максимизировать свои личные успехи (достигаемые множеством различных способов).

Наследство З. Фрейда: человек как иррациональное существо

В то время как феномен бессознательного обсуждался рядом исследователей и до З. Фрейда, именно его работы поставили решение проблемы бессознательного в центр научных и практических описаний человеческого мышления и действий. После него стало нормой, как для специалистов, так и рядовой образованной публики, испытывать удивление в отношении неосознаваемых мотивов и мыслей людей, находящихся за их повседневными действиями и поступками, особенно других людей, а не своих собственных.

Люди постоянно ввергали себя в «войны, которые положат конец всем войнам» и «войны по распространению свободы». Однако в реальности каждая дополнительная война в достижении этих целей заканчивалась ничем, кроме большего количества смертей и разрушений. Современным фиговым листом западной цивилизации является идея о том, что демократии не вступают в войну друг против друга, поэтому если мы будем вести войну и приведем все стра-

ны к демократии, то положим конец всяким войнам.

Однако этот фиговый лист не может скрыть тот факт, что А. Гитлер пришел к власти путем демократических выборов и спровоцировал события, приведшие ко Второй мировой войне при массовой поддержке населения (конечно, критики будут утверждать, что выборы, на которых он победил, страдали нарушениями и изъятиями, однако то же самое можно сказать и в отношении других выборов в западных странах, например президентских в США в 2000 г.). Многие современные диктаторы, включая Р.М. Хомейни, который правил Ираном в течение кровавой восьмилетней войны с Ираком, получили массовую поддержку населения и, несомненно, победили бы в «демократических» выборах. Независимо от того, в какие «одежды» мы облачаем человеческие действия, по-видимому, трудно, если вообще возможно, объяснить войну и агрессию исходя из принципа рациональности. В этой сфере поведения (в сфере бессознательного) по меньшей мере более полезно и перспективно принять и согласиться, что люди действительно, как правило, не осознают или не способны контролировать силы и побуждения, которые влияют на их поведение.

Естественно, по нашему мнению, нет ничего более иррационального, чем поведение террористов-самоубийц, взрывающих себя во время терактов, убивающих неповинных граждан. Терроризм, по-видимому, является такой формой или типом поведения, который идеально соответствует оценкам с позиции идей З. Фрейда.

З. Фрейд делал акцент на особой важности групповой жизни и воздей-

ствии групп на индивидуальное поведение через идентификацию членов группы с ее лидером. Он утверждал, что только группы, способные к эффективным и организованным действиям, являются группами с сильными лидерами. Лидер группы объединяет его членов вместе в любви (и это его основная функция — В.С.), также как члены семьи эмоционально объединены друг с другом. Глава церкви и руководитель армии выступают заместителями отцов, также как и Осам Бен-Ладен является заместителем отца для Аль-Каиды. Лидер объединяет членов группы в направлении «любовь друг к другу» как братьев и сестер, и эта «иллюзия взаимной любви» — основание групповой солидарности и сплоченности.

Для того чтобы выжить и функционировать эффективно, группы должны иметь в своем арсенале механизмы преодоления негативных эмоций, которые возникают в группе. З. Фрейд продемонстрировал свой гений в том, что выявил (идентифицировал) механизм замещения, который позволяет групповому лидеру переориентировать негативные чувства на внешние цели. Таким образом, посредством этого механизма члены группы «приходят к любви друг к другу» и переориентируют негативные чувства на аутсайдеров.

Чем сильнее отличается от собственной внешняя группа, тем больше вероятность того, что она будет выбрана целью для замещения агрессии. «Послание» З. Фрейда вполне понятно: мы все можем любить друг друга до тех пор, пока существуют другие люди как аутсайдеры и объекты для ненависти. С этой точки зрения исламские фундаменталисты могут объединять и спланировать своих

людей в любви до тех пор, пока существует «Большой Сатана» в образе Соединенных Штатов, которого можно ненавидеть. Аналогично после окончания холодной войны и крушения Советской «империи» США стали новым внешним врагом, целью для замещения агрессии.

Управление террором

Исследователи XXI в. предложили рациональную модель нового двойника в рамках теории управления террором [11]. Положения этой теории опираются на обычные мирские наблюдения: подобно другим организмам, люди мотивированы сохранять свою жизнь; они «понимают себя», признают, что когда-то умрут. Исходя из этих двух положений, возникает первоначальный посыл: конечный исход самопонимания и самосохранения — это потенциал для переживания всеохватывающего террора (ужаса).

Каким образом мы можем защитить себя от обезоруживающих переживаний и чувств безысходности такого террора? Согласно положениям этой теории, мы справляемся с этим, конструируя в своем сознании представления, которые помогают нам защитить себя от состояния террора и позволяют более или менее эффективно функционировать, невзирая на неизбежность нашей смерти. Эти мировоззренческие представления являются классическими в том смысле, что они включают в себя религиозные ценности и убеждения в отношении того, как возник мир, как он закончит свое существование, как мы покинем этот мир и продолжим существовать после нашей смерти. Придавая нашей жизни смысл и рассматривая смерть просто как переход к другой вечной жизни, мы избегаем чувства безысходности, бессмысленно-

сти своего существования и ужаса (террора), который делает нашу жизнь бессмысленной.

Несмотря на отрицание смерти в наших культурах, ее неизбежность означает, что мы постоянно и неизбежно сталкиваемся с мыслью о неизбежности смерти. Этот вызов становится особенно актуальным, когда мы сталкиваемся (часто неосознанно) с представлениями о мире, кардинально отличающимися от наших собственных. Например, если главным в моей системе убеждений является представление о том, что люди моей веры все будут попадать на небеса, а иноверцы в ад. И наоборот, я убежден, что люди моей веры напрямую попадут в ад, а ваши единоверцы в рай в соответствии с вашей системой убеждений, то кто-то из нас абсолютно ошибается. Наши столкновения будут приводить только к тому, что каждый из нас останется приверженцем своей морали и веры, и у нас будет возникать чувство беспокойства в отношении нашей окончательной судьбы.

В дополнение к нашему культурному мировоззрению, признающему высшей ценностью ценность человеческой жизни, мы используем различные механизмы психологической защиты (от конверсии до отвержения), чтобы тем или иным образом справиться с беспокойством, возникающим из осознания неизбежности смерти. При благоприятном исходе использования этих стратегий не исключено, что личность может принять другое мировоззрение (то есть совершить акт обращения). Так, я могу придти к убеждению, что ваша вера содержит в себе правильные оценки того, каким образом человек попадает в рай, и, принимая это, буду стараться попасть

в рай в соответствии с представлениями вашей веры.

Однако конверсия (обращение) редко осуществляется добровольно. Для вашей группы остается альтернатива — либо отвергнуть свою веру и *ассимилироваться* с моей, или выбрать стратегию *аккомодации* (приспособления), просто принимая те аспекты моей веры, которые для вас более приемлемы (или нравятся вам больше). Другая более разрушительная перспектива — это та, которая реализовывалась в действиях большинства убийц на протяжении многих веков существования человечества. Ваша группа может решить попытаться полностью и тотально уничтожить мою группу (как это случилось в человеческой истории в целом и в современной истории колонизации).

Сторонники последней точки зрения утверждают, что теория управления террором валидна (верна) в связи с тем, что самооценка личности служит своеобразным буфером (барьером) возникновения беспокойства, связанного с осознанием факта неизбежности смерти. Наши культурные представления позволяют нам вести осмысленную жизнь, получать удовлетворение от высокой самооценки и таким образом избегать этого беспокойства. Очевидно, что для многих людей центральный и нередко наиболее важный компонент культурного мировоззрения оформляется религиозными убеждениями. Религия, с точки зрения К. Маркса, действует как «опиум для народа» в том смысле, что она позволяет освободиться от беспокойства, связанного с неизбежностью смерти.

Однако возникает вопрос — насколько хорошо это объяснение для поведения террористов-самоубийц? Подтал-

кивают ли их неосознанные мотивы, связанные с всеохватывающим ужасом неизбежности смерти, к тому, чтобы взрывать себя и других людей? По мнению Ф. Мохаддама, это объяснение, являясь весьма привлекательным, не учитывает один существенный аспект — террористы-самоубийцы своими действиями демонстрируют, что они по существу совсем не опасаются своей смерти. Однако теория управления террором содержит ряд аспектов, которые заслуживают внимания и рассмотрения как часть более широкого объяснения исламского терроризма.

Так, теория управления террором совершенно правильно и корректно идентифицирует устрашающую угрозу, исходящую от «истинных последователей Ислама», бросающих вызов остальному миру. Однако Ф. Мохаддам не совсем принимает эту позицию, поскольку внешние угрозы не снимают с нас фундаментального вопроса, не позволяют нам забыть, что мы смертны. Вместе с этим он убежден, что именно террористы ставят под вопрос ценность наших представлений о мире, которые для нас считаются важными в повседневной жизни. Они ставят под вопрос нашу аутентичную идентичность как в личном, так и в групповом смысле.

Проблема сложности существования: представители homo-sapiens одновременно являются и рациональными и иррациональными существами

З. Фрейд и современные приверженцы модели иррациональности исходят из представления, что экстремальные мысли и действия людей придают особую значимость иррациональности и фено-

мену бессознательного. Однако существует ряд альтернативных теорий, исходящих из положения, что человеческие существа являются одновременно рациональными и иррациональными. Концепция «иррациональности» в этих теориях возникает из предположения, что человеческие существа не осознают реальные влияния, «оформляющие» их мысли и действия. Однако большая роль отводится рациональным аспектам человеческой жизни.

Хорошим примером этой «смешанной» перспективы является *социобиология* — научное исследование биологических основ человеческого поведения. Социобиологи ставят во главу угла адаптивные функции агрессии с точки зрения долговременной перспективы человеческого выживания в изменяющихся условиях окружающей социальной и природной среды. Ген *эгоизма*, как принцип, предложенный социобиологами, исходит из того, что реальная конкуренция за выживание в эволюционном процессе заключается в конкуренции между совокупностью генов и тем, что мы как человеческие существа следуем нашим генным основаниям, заложенным в нас самой жизнью [7].

На нас оказывает сильное влияние феномен внутреннего скрытого понимания необходимости сотрудничества и альтруистического отношения к другим людям, которые генетически похожи на нас, но также генетически враждебно и агрессивно настроены по отношению к тем, которые генетически отличны от нас.

Для объяснения поведения человека с позиций социобиологии Ф. Мохаддам приводит анализ ситуации межличност-

ного взаимодействия людей при угрозе жизни:

Рассмотрим, например, ситуацию, в которой вы должны жертвовать своими интересами ради интересов другой личности. Существует ряд аспектов «тонущего корабля» и остается только одна возможность для другого человека в «этой лодке жизни». Кто же заставит вас «прыгнуть» в эту лодку жизни: вы сами, ваша тета, добрый друг, важный человек, которого вы встретили на этом корабле, друг вашего сына или ваш собственный сын?

Многие люди не испытывают никакого сомнения чтобы утверждать, что они желают того, чтобы «принять» своего сына и себя самого в «лодку этой жизни». Отчего это происходит? Социобиологи будут утверждать, что это происходит потому, что ваш сын несет в себе ваши гены и сможет передать эти гены другим поколениям. Но вот ситуация — в одной лодке вы имеете двух сыновей, один из которых приемный, а другой — ваш любимый кровный отпрыск. Социобиологи будут предсказывать, что вы будете отдавать предпочтение вашему кровному сыну, и есть достаточно убедительные свидетельства в пользу этой перспективы. В целом есть большая вероятность того, что родители будут отдавать предпочтение своим кровным детям, чем приемным, и есть большая вероятность того, что приемные дети будут ранеными или убитыми по сравнению с кровными детьми.

На межличностном уровне социобиологические установки служат как определенное оправдание. Однако в более широком смысле социобиологические оценки и утверждения не являются достаточно убедительными. Основной не-

достаток социобиологических утверждений на межгрупповом уровне — это ошибочное представление о том, что люди могут использовать свои представления и правильно определять свой генотип, то есть генетические характеристики.

Кроме того, считается, что люди будут использовать это предполагаемое знание для того, чтобы проявлять более позитивное поведение по отношению к тем людям, которые генетически более похожи на них самих. Однако это предположение не подтверждается моделями союзов и коалиций в большинстве мировых войн.

Какой логике следует социобиология в объяснении терроризма? Результат объяснения, как полагает Ф. Мохаддам, представляется смешанным. С одной стороны, можно было бы утверждать, что 11 сентября 2001 г. террористы атаковали то, что на бессознательном уровне они рассматривали как ракеты-носители конкурирующих генов. Аналогично атаки исламских фундаменталистов на западные публичные центры, среди которых наиболее известными являются атаки в Мадриде и Лондоне, могут интерпретироваться как попытки уничтожить или ослабить генетических конкурентов. С другой стороны, атаки террористов-самоубийц в Иране и многих других местах исламского мира в основном приводили к смерти других мусульман.

Теории справедливости

Однако если социобиология имеет относительные успехи в объяснении террористических атак, то теории справедливости переживают еще более трудное время. Основная причина состоит в том, что наиболее продвинутые теории справедливости развивались в контексте за-

падных обществ, в которых основная исследовательская проблема заключалась в следующем: почему люди терпят и мирятся с несправедливостью и продолжают воспринимать и интерпретировать мир как справедливый даже в таких ситуациях, которые очевидно не являются справедливыми? Наряду с этим вопросом остается неразрешенной проблема бездействия: почему люди остаются пассивными перед лицом гигантских несправедливостей? Почему люди ничего не делают, чтобы попытаться изменить мир к тому, чтобы сделать его более справедливым? [3].

В контексте западных обществ сторонники этих теорий выдвигают и развивают положение о том, что люди мотивированы рассматривать окружающий мир как имеющий множество представлений о справедливости.

Используя различные механизмы приписывания вины жертве (например, «это собственная ошибка жертвы, что в отношении ее совершено сексуальное насилие») или другие подобные стратегии рассуждений, людям удается сохранить мнение, что мир справедлив. Эти стратегии помогают нам избежать необходимости предпринимать какие-то действия, чтобы изменить ситуацию.

Аналогично теориям справедливости можно адресовать следующие вопросы: почему люди продолжают одобрять социальную систему, которая постоянно воспроизводит неравенство и несправедливость? Почему они остаются пассивными? Один из ответов, предложенный К. Марксом, состоит в том, что богатые контролируют средства массовой информации, систему образования, церкви и другие средства, с помощью которых мы учимся видеть и воспринимать

окружающий мир. Богатые люди используют это влияние, чтобы обеспечить видение мира у населения как справедливого и интерпретировать события таким образом, чтобы оправдать существующую социальную систему. Поскольку мы не полностью осознаем этот процесс, то мы в определенной степени являемся иррациональными существами.

Однако террористы не являются пассивными и не считают мир справедливым. Они рассматривают его как несправедливый и предпринимают ужасающие экстремистские действия с целью изменить его в соответствии со своими идеальными представлениями. Объяснения, содержащиеся в теории справедливого мира и теории системного оправдания, сыграли не очень хорошую службу в понимании терроризма, хотя они достаточно полезны в большинстве социальных контекстов как на Западе, так и в других странах.

Относительная депривация

Влияние теории относительной депривации на объяснение мотивации терроризма Ф. Мохаддам поясняет следующим образом:

Когда я сравниваю свой доход с доходом Била Гейтса, я испытываю относительную депривацию (то есть наличие определенных препятствий к удовлетворению потребности — В.С.). Однако когда я сравниваю свой доход с доходами большинства студентов, я чувствую себя вполне удовлетворительно. Это эгоистическая или личностная депривация. Мы все интуитивно знаем о наличии взаимосвязи между целью сравнения и чувствами эгоистической депривации и шаблонно используем это знание, чтобы манипулировать своими

чувствами и чувствами других. Например, если я хочу, чтобы студент почувствовал себя менее депривированным, то я, скорее всего, ориентирую его/ее сравнить себя с другими студентами, у которых намного меньше жизненных ресурсов и успехов. Сосед, имеющий дырявую крышу дома, утешается словами «могло бы быть намного хуже; подумай о жертвах наводнения в Новом Орлеане».

Однако во многих ситуациях люди переживают общинную депривацию, то есть депривацию, связанную с положением своей группы в обществе. Например, мусульманин может испытывать депривацию из-за положения мусульман по сравнению с другими окружающими группами. Исследования показывают, что люди, испытывающие общинную депривацию и те, кто испытывает одновременно дурное влияние личностной и общинной депривации, являются наиболее вероятными кандидатами для участия в коллективных действиях, направленных на попытки изменения их ситуации.

Еще более интригующее предположение, выдвинутое в литературе по относительной депривации, состоит в том, что восстания и революции с наибольшей вероятностью возникают во времена процветания. Люди становятся более благополучными, при этом основная опасность заключается в том, что их ожидания растут все быстрее и быстрее.

Быстрый рост ожиданий населения, несомненно, сыграл свою роль в развитии революции в Иране в 1978-1979 гг. Быстрый рост цен на нефть и непродуманые, завышенные претензии и призывы Шаха подогрели ожидания иранцев: Иран должен стать Швейцарией на Востоке. Несмотря на быстрое экономи-

ческое изменение и улучшение стандартов жизни многих, если не большинства иранцев, не было никакого пути или способа, с помощью которого можно было бы удовлетворить быстро возрастающие ожидания иранского населения.

А. Хомейни управлял ситуацией совершенно иначе. После развития революционной ситуации по модели, характерной для всех революций, перед приходом к власти он сконцентрировал внимание на правах и свободах людей, но после революции он сдвинул акцент (общественного внимания — В.С.) на их обязанность подчиняться власти. Этот сдвиг акцента помог снизить ожидания населения в отношении свобод. В то же время А. Хомейни декларировал, что революция совершилась не для материальных выгод, а для Ислама. Материальные вознаграждения и награды этого мира не имеют значения, имеет значение только будущий мир. Таким образом, А. Хомейни драматическим образом понизил ожидания иранцев в улучшении своих стандартов жизни.

По мнению Ф. Мохаддама, согласно теории относительной депривации терроризм — это результат роста неудовлетворенных ожиданий и возрастающей фрустрации среди миллионов молодых людей, которые чувствуют, что они не имеют никакого голоса, никакой надежды и никаких возможностей для своего будущего, исходя из состояния дел. Ожидания этих молодых людей частично были подогреты глобализацией — современные коммуникации позволили видеть и слышать образы других миров, где молодые люди имеют намного больше возможностей для развития талантов и условий для полноценной жизни. Молодые люди в исламских со-

обществах увидели, какой может быть жизнь — большие возможности для образования, товары широкого потребления, а также социальные и политические свободы. Однако в их собственных сообществах у них нет никаких возможностей достичь такой жизни. Наиболее важным оказалось то обстоятельство, что международные средства коммуникации изменили отношение молодых людей в исламских сообществах к собственной идентичности. СМИ удалось поставить перед ними базовые вопросы в отношении самих себя: что я из себя представляю как личность, как меня воспринимают и оценивают другие? Ответы на эти вопросы в большой степени зависят от того, что они думают по поводу восприятия своей группы другими. Во многих исламских сообществах (как в западных, так и не западных) молодые люди приходят к осознанию того, что начинают воспринимать принадлежащими к угнетаемой группе. Образ собственного Я и своей группы, к которой несправедливо относятся другие, имеет колоссальные последствия. И Ф. Мохаддам возвращается к этой теме позднее при дальнейшем обсуждении данной проблемы.

Материалистические объяснения

На противоположном полюсе от иррационалистической психодинамической теории З. Фрейда находится совокупность материалистических теорий, которые в подавляющем большинстве исходят из положения, что человеческое поведение является рациональным. Цель человеческих существ, в соответствии с материалистическими теориями, состоит в том, чтобы максимизировать удовлетворение желаний, например, посредством максимизации дохо-

дов. Эта цель достигается посредством принятия решений, которые хотя иногда подвержены пристрастиям и /или могут быть ошибочными, но тем не менее она всегда является осознанной и рациональной.

Материалистические теории исходят из положения, что человеческое сознание и психологический опыт человека формируются на основе его материальных условий. Вот как описывает Ф. Мохаддам ситуацию межгруппового конфликта с позиции материалистических теорий:

Рассмотрим, например, сферу конфликта: государство X и государство Y хотят иметь нефть. Их конкуренция за нефтяные ресурсы ведет к межгрупповой враждебности, и два государства начинают ненавидеть друг друга. Таким образом, негативные чувства и агрессивные действия этих стран по отношению друг к другу формируются под влиянием фактора конкуренции за нефтяные ресурсы. Негативные чувства и действия могут прекратиться, если одно или оба государства решат, что нефть им не нужна, например, потому что они открыли альтернативные источники энергии.

Насколько эффективна рационалистическая, материалистическая перспектива в объяснении терроризма? Являются ли террористические группы рациональными и мотивированными на максимизацию своих выгод (доходов, прибыли)? С одной стороны, можно утверждать, что Аль-Каида и другие террористические группы стремятся получить контроль над территорией и другими материальными ресурсами, что подтверждается, например, их усилиями по выдавливанию представителей западного мира со своей земли (такие страны,

как Саудовская Аравия и Ирак). С другой стороны, террористы часто жертвуют жизнью для уничтожения ресурсов. Создается впечатление, что в Ираке и других местах террористы стремятся к тотальному уничтожению всего и вся, включая самих себя. Их поведение не вполне совместимо с рационалистической, материальной перспективой. Террористы-самоубийцы, взрывающие себя в местах массового скопления населения, не пытаются получить материальную выгоду (ресурсы), исходя из рациональной стратегии: их единственная цель — уничтожить врага.

Влияние индивидуальных характеристик

Альтернативный теоретический подход к объяснению терроризма концентрирует внимание на личностных характеристиках террористов. Действительно некоторые из них играют ключевую роль в механизме терроризма. Важными характеристиками, присущими большинству рядовых членов террористических групп и организаций, являются их *возраст, пол и семейный статус*. Большинство террористов находятся на пределе юношеского возраста и в начале двадцатилетия — это, как правило, мужчины, не состоящие в браке, в последнее время также возросло число женщин-самоубийц. В связи с этим Ф. Мохаддам концентрирует основное внимание на половой принадлежности и возрасте потенциальных террористов для анализа их индивидуальных характеристик.

На международном уровне число терактов, совершаемых мужчинами-самоубийцами, по сравнению с количеством терактов, совершаемых женщинами-самоубийцами, находит-

ся приблизительно в таком соотношении — на тридцать пять терактов, совершаемых мужчинами, приходится один теракт, совершаемый женщинами. Не следует удивляться этой тенденции, поскольку терроризм — это форма протеста, форма поведения с крайне высоким уровнем риска, и именно молодые мужчины решаются на такое поведение в западных обществах.

Среди молодых мужчин широко распространены экстремальные виды спорта и досуга (серфинг, игры с использованием специального оборудования, уличные гонки на автомобилях и мотоциклах, прыжки с отвесных скал и т. п.). Конечно, женщины и представители других возрастных групп также принимают участие в подобных мероприятиях. Однако типично, что именно мужчины склонны брать на себя самые высокие риски. Эта тенденция в реальной жизни приводит к тому, что среди мужчин намного больше случаев фатальных исходов по сравнению с женщинами.

Соотношение рождаемости женщин в сравнении с мужчинами колеблется в пределах 950 девочек на 1000 мальчиков в глобальном масштабе. Это означает, что мальчиков рождается на 5 % больше, чем девочек. Однако более высокая степень риска у мужчин приводит и к более высоким показателям смертности среди молодых мужчин, и показатель численного соотношения полов выравнивается в этой возрастной группе населения.

Более высокий уровень тестостерона среди молодых мужчин является только одним биологическим индикатором физической готовности к более высокому уровню принятия риска. Очень изменчивая и неумная энергия молодых мужчин

в большинстве обществ направляется на спортивную активность и контролируемые формы конкуренции.

А что происходит, когда поведение молодого человека с высоким уровнем тестостерона катализируется в другом, более деструктивном направлении? Результат оказывается взрывоопасным и разрушительным. Мы имеем представление о ситуациях, когда соперничающие группы футбольных фанатов сталкиваются на футбольных матчах в Европе; или когда расовые столкновения вспыхивают в Соединенных Штатах; или когда группы ирландских молодых католиков или протестантов вступают в кровавые схватки с полицией в Северной Ирландии; или когда молодые палестинцы борются с силами безопасности Израиля. Энергия, которая могла бы быть направлена на хоккейную или футбольную борьбу, аккумулируется на избиваниях до смерти оппонентов и «швырянии» камней и бомб.

Конечно, необходимо проявлять осторожность, чтобы не преувеличивать связь между мужчинами и террористами. Гендерные роли в ряде важных аспектов поддаются влиянию внешних факторов (воспитательным воздействиям и т. п.). Существует бесчисленное множество примеров, когда женщины не только выполняют, но и превосходят мужчин в выполнении задач/заданий, которые прежде считались монополией последних.

Для студентов, обучающихся освоению гендерных ролей, нет ничего удивительного в том, что благодаря изменившимся культурным условиям и более активной роли чеченских, тамильских и курдских женщин в их обществах в целом, существенное число террористических

атак в Чечне, Шри Ланке и Турции были осуществлены при участии женщин-террористок. Ряд кровавых террористических актов свидетельствует о том, что они не уступают мужчинам в высоком уровне риска и агрессии в поведении.

Однако такой уровень является лишь одной характеристикой молодых мужчин и женщин. Другая важная характеристика — это стремление к адекватной идентичности. Потребности идентичности выступают в качестве главной темы рассматриваемой книги в анализе представлений террористов на феномен терроризма.

Потребности идентичности, воспроизводимые социальными условиями

Неосознаваемые силы, страхи от наличия «другого», чувство депривации, восприятие несправедливости, стремление иметь/получить поддержку близких (родственников) и членов своей этнической группы, а также борьба за материальные ресурсы — эти характеристики находятся в числе наиболее важных факторов, которые играют свою роль в терроризме, как предполагается в большинстве основных теорий.

Однако имеется важная тема, лежащая в основе, сверхважный фактор, который объясняет терроризм намного лучше. И этот фактор имеет отношение к социокультурной идентичности и ее глубокому и всеохватывающему кризису, переживаемому исламскими сообществами.

Фундаментальное психологическое требование, накладываемое на индивида обществом в процессе его социализации, состоит в том, чтобы он достигал аутентичной (подлинной) идентично-

сти. И это социальное требование создает потребность для каждого из людей — в течение жизни стремиться удовлетворить эту познаваемую потребность в идентичности. Для достижения подлинной идентичности должны быть выполнены три основных условия:

1. Предпосылкой подлинной идентичности на индивидуальном уровне является требование достижения подлинной идентичности на групповом уровне. Индивид не может достичь личностной идентичности вне зависимости от групповой идентичности. Индивидуальная аутентичность возникает из коллективной (в более широком смысле—индивидуальное сознание возникает из коллективного).

В связи с этим первое требование для развития подлинной идентичности на индивидуальном уровне состоит в том, что она (подлинная идентичность) должна быть достигнута на групповом уровне. К сожалению, кризис идентичности, переживаемый мусульманскими сообществами, означает, что мусульмане как отдельные индивиды не имеют необходимых коллективных ресурсов для того, чтобы достичь подлинной идентичности.

2. Второе требование для подлинной идентичности состоит в том, что ее основной источник должен находиться внутри своей группы, к которой принадлежит индивид, а не во внешней группе. Источниками идентичности являются властные источники (полномочия), которые определяют традиции, ценности, цели и другие характеристики группы, включая стереотипы в отношении своего сообщества.

Данное требование достижения полной идентичности трудно удовлет-

ворить/достичь многим группам меньшинств, прежде всего потому, что во многих ситуациях основные источники идентичности для групп меньшинств являются источниками, находящимися в руках внешних групп, то есть групп большинства (доминирующих групп). Основным источником формирования идентичности выступает сила группы в широком смысле: группы, имеющие властное доминирование, могут формировать идентичность групп с более слабыми властными позициями. Исламские сообщества не удовлетворяют этому условию, поскольку они страдают из-за своей относительной слабости при взаимодействии с Западом. Источниками идентичности мусульманских сообществ являются внешние державы.

3. Третье условие/требование для формирования подлинной идентичности состоит в необходимости наличия определенного своеобразия отличительности, с которым связана характеристика положительного восприятия себя. В западном контексте теория социальной идентичности оказалась очень влиятельной теорией, утверждающей, что индивиды мотивированы на достижение положительной и ясной индивидуально отличной идентичности (предположительно эта «мотивация» прививается через механизм социализации). Таким образом, индивиды имеют потребность принадлежать к группам, которые одновременно и положительно оцениваются, и воспринимаются как отличные от других по ряду важных характеристик и аспектов. В западном контексте положительное оценивание группы (и себя как ее члена—В.С.) считается более широкой и всеохватывающей категорией по сравнению с отличительным своеобразием. В связи с этим в исследо-

вательской традиции в теории социальной идентичности делался больший акцент, часто намеренно, на предполагаемой потребности в положительной идентичности, чем на потребности в отличительном своеобразии.

Однако в глобальном контексте группы меньшинств, такие как исламские сообщества, сталкиваются с угрозой подвладения импортированными культурными системами и идентичностями. Действительно, группы меньшинств озабочены проблемой положительной оценки себя. Однако даже более приоритетным вызовом для них является сохранение и воспроизводство своей, отличной идентичности. В глобальном контексте отличительное своеобразие стало более трудным и более существенным для достижения жизненных целей, чем положительное оценивание.

Это обусловлено тем обстоятельством, что стало возможным достижение положительной оценки себя посредством ассимиляции в культуру большинства. Однако подобная ситуация приводит к полной потере отличительного своеобразия. Например, мусульмане-иммигранты во Франции, Австралии и других гостевых странах могут оставить (отбросить) свою культуру и идентичность, ассимилироваться в западную культуру и достичь положительной самооценки. Однако выбирая эту стратегию, они теряют отличительное своеобразие и характеристики, которые отбрасывают (оставляют) в сторону. Таким образом, в ряде контекстов положение остается отличным от других является вызовом, имеющим превосходящую (первостепенную) значимость по сравнению с позицией быть положительно оцениваемым, поскольку отличительность—пред-

посылка положительного оценивания.

Выполнение требования достижения подлинной идентичности становится более сложным в условиях глобализации, особенно для групп меньшинств. Небольшие культурные и языковые группы находятся под сильным давлением (прессом) ассимиляции в более большие группы. Естественно, глобализация не приравнивается к вестернизации. «Становление глобальным» включает в себя бесчисленные перекрестные процессы «оплодотворения» в различных культурах. Существуют многочисленные источники влияния, отличные от Соединенных Штатов и Западной Европы. В качестве примера выступает Индия с ее исключительно продуктивной индустрией кино. Индийские фильмы в настоящее время импортируются во все уголки земного шара, включая Северную Америку.

Хотя глобализация не является эквивалентом вестернизации, она действительно ассоциируется с движением «подталкивания» к более крупным образованиям. Иными словами, в процессе глобализации более маленькие социокультурные группы часто объединяются в большие. Этот тренд, обусловливаемый экономическими факторами, приходит в противоречие с культурными и историческими процессами, которые толкают группы меньшинств к сохранению локальной идентичности. Анализ этого сложного противоречия Ф. Мохадам обсуждает и развивает в следующем разделе.

Глобальные экономики, локальные идентичности

Неумолимая сила глобализации сокрушает на своем пути бесчисленные культурные, религиозные, этнические,

политические и языковые отличия. Это экономическое давление настолько мощное, что заставляет такие политические гиганты, как коммунистический Китай действовать вопреки своим идеологическим принципам, принимать экономику свободного рынка и интегрироваться в мировую экономику. Вьетнам следует тем же путем. Несмотря на одержанные военные победы против представителей западного мира, сначала Франции, а затем Соединенных Штатов, вьетнамцы были побеждены силами глобализации. Однако стремительная гонка в направлении все большей глобализации блокируется настроениями, проявляемыми различными путями и способами, такими как отказ Франции и Дании принять предложенную конституцию Европейского союза в 2005 г.

Снова и снова мы обнаруживаем, что в основе реакции против глобализации лежит приверженность локальной идентичности. Например, люди, проживающие в Европе, считают для себя весьма затруднительным и пока почти невозможным отбросить восприятие себя «англичанином», «французом», «итальянцем», «немцем» и т. д., и считать себя просто «европейцем». Каким типом личности является именно европеец? До настоящего времени, по-видимому, никто не может дать удовлетворительного ответа. Европейская идентичность существует в головах интеллектуалов, но не в сердцах рядовых европейцев. Европейцы не испытывают никакого энтузиазма, когда говорят о европейской идентичности. И действительно, европейцы не готовы умирать за европейский флаг, а их чувства и настроения остаются целиком связанными с национальными флагами. Именно на локальном уровне (то есть на-

циональном — В.С.) идентичность снова начинает постепенно выдвигаться на первое место.

Та же самая энергия, которая ведет шотландцев, каталонцев, сербов, курдов и бесчисленные другие группы меньшинств бороться за свою подлинную идентичность, толкает мусульманские сообщества к переосмыслению самих себя (какими они являются в настоящее время), а всеохватывающее давление глобализации ведет к возникновению чувства бессилия и беспомощности. Именно локальная идентичность может служить в качестве якоря, помогающего индивидам и группам стабилизировать мироощущение, поскольку массивные приливы и отливы изменений сметают прошлую историю.

В рамках все более и более глобализирующейся экономики, люди прежде всего озабочены быть членами относительно меньших образований: нации, города или деревни, чем членами мирового, континентального или регионального экономического блока. Когда они задают себе вопрос, каким типом личности я являюсь? Они с наименьшей вероятностью ответят, что «я человеческое существо или принадлежу к роду *homo sapiens*», или «я европеец», или «я африканец». Более вероятно, что они отреагируют, заявляя «я англичанин», или «я посещаю мечеть У», или «моя семья состоит из Z человек», или будут идентифицировать себя с какой-то другой осознанной группой.

В некоторых случаях идентичность формируется на основе религиозной принадлежности или ассоциации со спортивной командой либо с некоторой другой социальной единицей, выходящей за рамки национальных границ. На

основании этого можно утверждать, что такая идентификация скорее глобальна, чем локальна. Например, можно утверждать, что личность, которая идентифицирует себя как мусульманина или как фаната («Manchester United», мыслит «глобально». Действительно, апелляция к Исламу, так же как и к «Manchester United» является глобальной. Однако это утверждение не валидно, поскольку в этих случаях идентификация осуществляется только с некоторыми людьми, рассеянными по всему миру (теми, кто согласен с его интерпретацией Ислама или поддерживает ту же футбольную команду) и исключает из этой идентификации других людей. В отличие от глобальной идентичности (типа «я гражданин мира» — В.С.), эта идентичность является пристрастной связью с узкой группой конкретных «других».

Сохраняющаяся тенденция людей идентифицировать себя скорее с локальными, чем глобальными группами, имеет долгую историю и возможно эволюционное обоснование. Республика Платона была придумана как очень большое сообщество, а современные общества, которые стали очень большими, имеют тенденцию к организации на основе более мелких единиц, таких как штаты (в Америке), провинции (в Канаде и Франции), округа (в Великобритании) и т. п. Даже в гигантских городских центрах, таких как Нью-Йорк, идентификация осуществляется на основе соседства и других, более мелких образований. В нашем эволюционном прошлом (в истории нашей эволюции) степень выживаемости была, по-видимому, выше среди тех людей, которые отдавали предпочтение сплоченным и небольшим по размеру груп-

пам, чтобы члены группы были способны идентифицировать и сотрудничать друг с другом наиболее эффективно. Верхний предел размеров групп охотников и собирателей природных запахов, скорее всего, ограничивался несколькими сотнями индивидов, в зависимости от сезона.

Опыт существования в современных институциональных образованиях, особенно школах, исходит из того, что проблемы сплочения и дисциплины имеют тенденцию к усложнению, когда это образование включает в себя тысячи человек, по сравнению с системой в несколько сотен человек [1, 5].

Следовательно, давление глобализации, ассоциируемое с объединением/интеграцией во все большие и большие единицы, вероятно, имеет смысл в экономическом плане. Однако оно вступает в противоречие с человеческой потребностью иметь идентификацию с локальными группами, местами и событиями. Процесс перехода от локальной идентичности к более глобальной растянулся на несколько веков и привел к образованию западных обществ. Однако в третьем мире этот процесс происходит слишком быстро с давлением извне, создавая огромное напряжение и конфликты. Кроме того, более объемные идентификационные единицы, доступные для сообществ третьего мира, такие как идентичности, базирующиеся на постулатах Ислама, сами находятся под сильным давлением в целях изменения, чтобы удовлетворять и соответствовать современным глобальным тенденциям. Следствием таких тенденций на уровне индивидуального жизненного опыта является еще большая напряженность и парадоксы. Именно в контексте

этой глобальной напряженности и парадоксов нам необходимо рассматривать эволюцию терроризма. В обсуждении этой эволюции Ф. Мохаддам использует метафору «лестницы терроризма».

Лестница терроризма

Автор начинает с представления о терроризме как о конечном шаге в движении по сужающейся лестнице. Это представление он называет «лестницей терроризма». Впервые метафору «лестница терроризма» Ф. Мохаддам предложил в своей работе «Лестница терроризма: психологическое объяснение» [10].

«Героическая» лестница на пути к терроризму может стать понятной только при помощи эмпатии, настойчивости и самоконтроля, особенно потому, что затянувшиеся взрывоопасные эмоциональные вопросы все еще остаются без ответа. От вопроса «почему они так ненавидят?» представители западной цивилизации и особенно американцы продвигаются к поиску ответа на вопрос «почему с точки зрения многих миллионов людей на земном шаре лестница терроризма ассоциируется с большим героизмом, честью, добрым именем и самопожертвованием, также как и лестница, по которой поднимались пожарные Нью-Йорка 11 сентября 2001 г.?».

Несмотря на трудности и боль утраты близких, по мнению Ф. Мохаддама, мы должны прийти к пониманию того, почему так много людей на земном шаре симпатизируют точке зрения террористов. *С точки зрения террористов акт терроризма — это самая конечная точка, завершение пути, а не начало истории терроризма.* Чтобы начать анализ формирования представлений террористов с исходной точки, необходимо рас-

сказать историю о том, каким образом взрослый террорист начинает свой жизненный путь, подобно любому другому ребенку, играющему и обучающемуся адаптироваться к требованиям изменяющегося мира. В биологической конституции личности нет ничего такого, что ставило и обуславливало бы его или ее стать террористом. Мы должны посмотреть на окружающую среду, чтобы объяснить возникновение феномена терроризма, а также задать вопросы в отношении окружающей среды в обществах, возвращающих терроризм.

Что мы можем сказать в отношении социальной среды, которая способна научить ребенка смотреть на мир с точки зрения террористов? Для многих людей это является огромной тайной, поскольку точка зрения террористов предает забвению угрозы, нанесение ран, увечий и даже убийство простых граждан, случайных свидетелей событий и людей, которые ведут мирную повседневную жизнь. Эти граждане не являются угрозой для террориста — они не вооружены и порой даже не вовлечены в политическую активность. Почему террористы должны рассматривать их как врагов и находить оправдание терроризированию, нанесению увечий или убийствам этих граждан? Подобные вопросы требуют ответов (и на них необходимо давать ответы — В.С.). Ответ, который дает Ф. Мохаддам, имеет отношение к психологическому ядру человеческой личности — это *идентичность*, наша концепция/представление о том, каким типом личности мы являемся и как оцениваем себя. Идентичность базируется на знании, познавательной способности, однако, вероятно, наиболее важно то обстоятельство, что она базируется

на эмоциях, таких как стыд и гнев. Эмоции являются интегральными компонентами нашей идентичности: мы не рассматриваем себя и группы, к которым мы принадлежим, объективно. Скорее всего, мы проявляем пристрастность в восприятиях и эмоциях в отношении самих себя и групп, к которым мы принадлежим.

Лестница по пути к терроризму включает в себя трансформации идентичности, когда личность продвигается от одного уровня осознания себя и окружающего мира к другому. Со временем индивид продвигается от «основания к вершине здания»: он или она изменили свою идентичность таким образом, чтобы допустить возможность разрушения и уничтожения других людей. Этот поэтапный путь становления террориста и анализирует подробно автор в следующих разделах своей книги.

Литература

1. Журавлев АЛ, Соснин В А., Красников М.А. Социальная психология: учеб. пособие для вузов. — М.: Форум, 2006.
2. Соснин В.А, Нестик Т.А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. — М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2008.
3. Соснина Л.М. Сравнительное исследование социальных представлений о справедливости различных этнических общностей: дис. ... канд. психол. наук. — М.: Ин-т психол. РАН, 2005.
4. Barker R.G., Gump P.V. Big school, small school: School size and student behavior. — Stanford: Stanford University Press, 1964.
5. Baumeister R.F. (Eds) Self in social psychology. — New York: Psychology Press, 1999.
6. Brown R, Gaertner S.L. (Eds) Blackwell handbook of social psychology: Intergroup processes. — Oxford: Blackwell, 2001.
7. Hafer C, Begue L. Experimental research on just-world theory: Problems, developments and future challenges // Psychological Bulletin. — 2005. — Vol. 131. — P. 128-167.
8. McCauley C. Psychological Issues in Understanding Terrorism and the Response to Terrorism // Psychology of Terrorism, Condensed

Edition (Ed. Dy C.E. Stout). — Westport, Connecticut London, 2004.

9. *Mo ghaddam F.M.* Interobjectivity and culture // Culture & Psychology. — 2003. — Vol. 9. — P. 221–232.

10. *Moghaddam F.M.* The staircase to terrorism: A psychological exploration // American Psychologist. — 2005. — Vol. 60. — P. 161–169.

11. *Pyszcznski T, Solomon S, Greenberg J.* In the wake of 9/11: The psychology of terror.—Washington, D.C.: American Psychological Association, 2003.

12. *Taylor D.M.* The quest for identity. — Westport, CT: Praeger, 2002.

13. *Taylor DM, Moghaddam F.M.* Theories of intergroup relations: International social psychological perspectives. — Westport, CT: Praeger, 1994.

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОБЛЕМНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПСИХОКОРРЕКЦИИ

В. А. Корчмарюк

Аннотация: в статье определены цели, проблемы и суть проблемно-ориентированной психокоррекции, поэтапно представлена технология ее проведения, выделены компоненты копинг-процесса, анализируются ступени проблемно-ориентированной психокоррекции, дано определение инсайта как результата психокоррекционных воздействий.

Ключевые слова: проблемно-ориентированная психокоррекция, воздействие, копинг-процесс, сознательное, бессознательное, инсайт.

The summary: the paper defines the goals, challenges and the essence of the problem-oriented psychocorrection, gradually brought the technology of its holding, isolated components of the coping process, analyzes the level of problem-oriented psychocorrection, a definition of insight as a result psychocorrectional effects.

Keywords: problem-oriented psychocorrection, exposure, coping-process, conscious, unconscious, insight.

Основными целями проблемно-ориентированной психокоррекции являются комплексное решение вопросов психолого-педагогического и медико-социального воздействия на сотрудников силовых структур, осуществление контроля влияния бессознательного на развитие личности в социально-обусловленной профессиональной деятельности, поддержание и сохранение их здоровья, работоспособности, социально-психологического статуса.

Личность постоянно находится под влиянием, с одной стороны, социальных норм, установок, ожиданий коллег, близких людей, с другой — бессознательных компонентов психики, состоящих как из положительных пережитых моментов, так и из отрицательных ситуаций, и все это контролируется сознанием.

Проблемно-ориентированная психокоррекция направлена на решение следующих основных проблем:

1. Личностные нарушения, связанные с внутренней дисгармонией собственного «Я».
2. Невозможность качественно исполнять служебные обязанности из-за бессознательного внутриличностного конфликта.
3. Влияние нерешенных семейных проблем на психическое состояние и неосознанный перенос внутриличностных проблем на близких.
4. Существенные затруднения межличностного взаимодействия под влиянием внутриличностных проблем.
5. Психокоррекционное воздействие на лиц, находящихся в состоянии психической дезадаптации, со сниженными функциональными резервами, нарушениями психической деятельности, признаками ОСП и ПТСР.

Одна из важнейших целей проблемно-ориентированных психокоррекционных воздействий — способствовать сокращению дистанции между внутренней картиной мира объекта и внешней реальностью и нормами.

Активное разрешение проблем является когнитивно-поведенческим про-

цессом, в результате которого формируется общая социальная компетентность личности, обладающая микросредовыми, макросредовыми и индивидуально-психологическими копинг-ресурсами.

Следует выделить пять компонентов копинг-процесса:

- 1) ориентация в проблеме, подключение когнитивного и мотивационного компонентов для общего ознакомления;
- 2) определение и формулирование проблемы, ее описание в конкретных терминах и идентификация специфических целей;
- 3) генерация альтернатив, разработка многочисленных возможных вариантов решения проблемы;
- 4) выбор оптимального варианта решения проблемы;
- 5) выполнение решения с последующей проверкой, подтверждением его эффективности.

Критерии эффективности преодоления в основном связаны с психическим благополучием субъекта и определяются понижением уровня его невротизации, выражающейся в ситуативном изменении депрессии, тревожности, психосоматической симптоматики и раздражительности. Существуют общие достаточно устойчивые выводы об эффективности и предпочтительности различных форм преодолевающего поведения, наименее эффективными стратегиями у сотрудников при сложных ситуациях в деятельности являются избегание и самообвинение во всех вариантах, а также занижение своих возможностей. Что касается группы защитных форм преодоления, выражающихся в искаженном понимании действительности, то их эффективность оценивается неоднозначно. Эти формы совершенно дезадаптив-

ны, они нарушают ориентацию сотрудника в информационном пространственном поле, что предопределяет возможность проблемно-ориентированной психокоррекции взаимодействием сознательных и бессознательных сфер личности.

Под взаимодействием сознательных и бессознательных сфер личности мы понимаем комплекс внутриличностных и внешних факторов, оказывающих существенное влияние на психическое равновесие человека и результаты его социальной деятельности, воздействовать на которые и развивать профессионализм можно с помощью проблемно-ориентированных психокоррекционных технологий.

Ступени проблемно-ориентированной психокоррекции

1. Создание устойчивых межличностных отношений и конструктивных рабочих отношений между клиентом и психологом.

Внимательное, активное слушание — важная предпосылка устойчивых отношений доверия. При этом психолог в ходе как вербального, так и невербального общения должен быть понятным для клиента. Целенаправленные вопросы свидетельствуют о понимании им клиента и облегчают последнему изложение своих желаний, стремлений. Психологу следует сразу же отнестись с пониманием к выражаемому клиентом желанию обрести защиту, поддержку со стороны компетентного, авторитетного лица. Психологу следует идти навстречу клиенту. Этого можно достичь при помощи одобрения и поощрения, а также ясных и содержательных ответов на вопросы клиента. Постоянно следует учитывать, что, как правило, ожида-

ния клиента первоначально не соответствуют представлениям о проблемно-ориентированной психокоррекции.

Проблемно-ориентированная психокоррекция заключается в том, чтобы *помочь клиенту помочь самому себе*. Сделать это положение понятным для клиента — одна из задач процесса, осуществляемого в рамках проблемно-ориентированной психокоррекции.

Первые шаги в этом направлении психолог может сделать, отмечая не только проблемы и недостатки клиента, но прежде всего те проявления здоровья, самостоятельности, активности, которые он в нем замечает, подчеркивая и повторяя их, раскрывая их значение в качестве *копинг-ресурсов* решения проблемы.

Для создания конструктивных рабочих отношений необходимо также, чтобы психолог в понятной форме рассказал клиенту о концепции проблемно-ориентированной психокоррекции, о ее смысле и цели. Клиент должен знать, что ему предстоит, что его ожидает и что ожидают от него. Временные границы, делающие проблемно-ориентированную психокоррекцию «прозрачной», как показывает опыт, скорее ободряют клиента, чем вызывают у него разочарование, поскольку у него перед глазами оказывается достижимая цель. Клиенту следует также дать понять, что *в ходе психокоррекционной работы он будет активным партнером* психолога. Тем самым за ним признаются такие возможности, о каких он сам еще никогда не думал. Он вырастет в своих глазах и испытает воодушевление.

2. Понимание проблемы клиента.

Клиенту должна быть предоставлена возможность выразить субъективную

точку зрения на имеющуюся проблему или проблемы. Отправной точкой психоаналитической работы должны служить не абстрактные, заимствованные из учебника конструкции, не «психологика» психолога, а представления клиента о своих проблемах, его собственные попытки их объяснения и решения.

Хотя многие клиенты говорят сначала лишь о симптомах, затрудняющих их жизнь, большинство из них имеет сообщения, касающиеся причин своего состояния, а часто даже свои теории возникновения болезни, основывающиеся на субъективных принципах причинности. Важно бывает понять внутренние связи «субъективных теорий болезни», поскольку часто именно в них заключается настоящая проблема, тормозящая решение или делающая его невозможным.

В связи с этим изложение клиентом своей проблемы заслуживает максимального внимания психолога. Позиция (пусть и не выраженная словесно) «Больше вам не нужно мне ничего рассказывать. Я уже сам все знаю о ваших неприятностях» была бы не только проявлением высокомерия по отношению к клиенту, но и, скорее всего, привела бы к ошибочному пониманию его проблемы и заблуждениям. Важно также обращать внимание и на то, что думает клиент, и на то, как он думает, какую субъективную логику он использует, поскольку, как правило, большего успеха удастся добиться, используя при решении проблемы логику клиента, чем навязывая ему совершенно новый, чуждый ему образ мышления.

3. Анализ проблемы.

Осуществляется целенаправленный анализ имеющихся отношений к делу

факторов, способствовавших возникновению проблемы или мешающих ее решению. Анализ проблемы позволяет вскрыть те аспекты, которые клиент при изложении проблемы затушевал, поскольку они, вероятно, вызывают у него слишком сильный страх или чувство стыда. Психоаналитическая ситуация должна обеспечить ему защиту, позволяющую рассмотреть эти ситуации и обсудить их.

Анализ проблемы расширяет или дополняет субъективное изложение проблемы клиентом.

Теоретические конструкции психолога отходят на задний план. Все связанное с проблемой обобщенные гипотезы — объяснения, выводы и оценки — выдвигаются лишь на следующей ступени определения проблемы. Чтобы иметь возможность четко видеть все важные для проблемно-ориентированной психокоррекции аспекты проблемы, анализ проблемы рекомендуется проводить по следующей схеме:

1. Условия в настоящее время: в чем заключается проблема, как она проявляется здесь и теперь? Какие внутренние и внешние ситуации способствуют возникновению проблемы? Какие восприятия, ощущения, наблюдения, какие когнитивные оценки, какие эмоциональные реакции, какое поведение, какие действия, их последствия и противодействия порождают проблему?

2. История жизни клиента: откуда взялась проблема? Предшествовали ли проблеме какие-либо переживания, которые могли способствовать ее возникновению. Когда, где и как возникла проблема? Как она менялась с течением времени?

3. Функциональное значение: каков

смысл этой проблемы? Как ее существование упорядочивает теперешние межличностные отношения? Какой смысл имеет эта проблема в теперешней жизненной ситуации клиента? Для чего она нужна? В чем ее возможная польза?

Не всегда на первой стадии проблемно-ориентированной психокоррекции удастся получить исчерпывающие ответы на все три приведенных вопроса: Что? Почему? Для чего? Особенно трудным может оказаться вопрос «Для чего?», вопрос о функциональном значении проблемы. Ответ на него мы часто получаем лишь на последующих стадиях психокоррекционного процесса. Анализ проблемы должен, однако, дать достаточно материала для формулировки как можно менее спекулятивного, базирующегося на знании клиента определения проблемы или гипотетического ее объяснения.

4. *Определение проблемы, постановка цели и планирование проблемно-ориентированной психокоррекции.*

Определение проблемы содержит гипотетическое объяснение и одновременно предполагает *постановку цели*, а цель определяет конкретную стратегию проблемно-ориентированной психокоррекции.

Определение проблемы, основывающееся на убеждениях клиента и его объяснениях причин болезни, должно быть сформулировано общедоступным языком, не содержать никакой специальной терминологии и не противоречить здравому смыслу. Здесь нет места сложным психодинамическим гипотезам, где принимаются во внимание лишь неосознаваемые процессы. Ведь если определение проблемы или гипотеза существуют лишь в голове психолога и понятны

лишь его коллегам, а не самому клиенту (и могут даже отвергаться последним), то это не ведет к взаимному активному сотрудничеству, которое необходимо в проблемно-ориентированной психокоррекции. Особое внимание следует уделять тому, чтобы определение проблемы формировалось на основании конкретных данных клиента с помощью индукции. Оптимальным можно считать такой случай, когда удается подвести клиента к самостоятельной формулировке проблемы, а психолог лишь вносит в эту формулировку поправки с учетом требований психоаналитического процесса. Когда такое невозможно, психолог сам может предложить определение проблемы в форме рабочей гипотезы. Затем клиент может высказать свою точку зрения и, возможно, внести определенные поправки.

Целесообразно при формулировке проблемы учитывать все три ее аспекта, выявленные в ходе анализа проблемы: обстоятельства в настоящее время, обстоятельства, связанные с историей жизни клиента, функциональное значение. В зависимости от ситуации, подготовленности клиента, его проницательности первенствующее положение может занимать тот или иной аспект проблемы.

Три черты определения проблемы:

- *формулировка должна включать личное местоимение «Я» и конкретное содержание* (а не общие и абстрактные слова), чтобы клиент мог отождествлять себя со своей проблемой в качестве активного участника событий, а не только лица, пассивно переживающего происходящее;

- *при объяснении проблемы следует по возможности, давать ее различ-*

ные аспекты, что сделает понятными для клиента вытекающие отсюда психоаналитические стратегии и облегчит ему активное сотрудничество с психологом;

- *конкретные указания по поводу действий, направленных на решение проблемы.* При первоначальном изложении проблемы часто отмечаются недостатки и беспомощность клиента. Необходимо замена таких формулировок на позитивные.

Эти стратегии не являются догмой, обязательной для проблемно-ориентированной психокоррекции, а призваны дать представление о структурировании и содержании проблемно-ориентированной психокоррекции, побудить психолога к проявлению инициативы. Речь идет скорее о рабочих гипотезах и примерах, которые следует гибко использовать и корректировать, когда в ходе психокоррекционного процесса становятся известными новые данные или происходят изменения, позволяющие по-новому увидеть проблему и в результате изменить психоаналитические приемы.

5. *Проработка проблемы и перенос полученных изменений в реальную жизнь за пределы проблемно-ориентированной психокоррекции.*

При проработке проблемы используется один или несколько методов проблемно-ориентированной психокоррекции. Их выбор определяется характером проблемы, структурой личности клиента и его способностями. При этом работа должна быть как можно более тесно увязана с проблемой. Задача психолога — внимательно и осторожно снова и снова ориентировать клиента на проблему, определение которой уже было осуществлено ранее.

При этом следует подавлять две тенденции:

- к расширению проблематики проблемно-ориентированной психокоррекции, когда обсуждению подвергаются вновь и вновь возникающие важные проблемы;

- избеганию обсуждения клиентом главной проблемы. Испытывая страх перед предстоящими изменениями, клиент пытается избежать обсуждения главной проблемы и говорит о вещах, далеких от нее. Учитывая краткосрочность проблемно-ориентированной психокоррекции, лучше бывает ограничиться одной или несколькими проблемами, чем заниматься многими, на решение которых времени попросту не хватает.

Рекомендуется также постоянно возвращаться к первоначальному определению проблемы, чтобы проверить, какие достигнуты успехи на пути к ее решению. В некоторых случаях приходится давать новое определение проблеме, чтобы оно больше соответствовало новым шагам в проблемно-ориентированной психокоррекции.

Другой не менее важный аспект проработки проблемы — это перенос клиентом изменений, которых удалось добиться в ходе проблемно-ориентированной психокоррекции, в реальную жизнь вне рамок общения с психологом.

Хотя проблемно-ориентированная психокоррекция и является индивидуальной психотерапией, определенные вопросы, касающиеся проблемы клиента, могут обсуждаться им с соответствующими людьми, например, в разговоре с партнером или членами семьи. С этой целью с клиентом заранее договариваются, какие аспекты его проблемы следует обсуждать и какова цель таких

обсуждений. Безусловно, необходимо быть очень гибким, предлагая клиенту вести подобные разговоры, в ходе которых могут выявиться новые данные, вынуждающие вносить изменения в определение проблемы, и тем самым дающие основания для переработки стратегии проблемно-ориентированной психокоррекции.

Часто при проработке проблемы не удается добиться полного решения ранее сформулированной проблемы или решения всех составляющих проблемы. Даже при интенсивной и последовательно осуществляемой проблемно-ориентированной психокоррекции не всегда получается ускорить психологические процессы изменения. Основная цель проработки проблемы — добиться такого понимания своей проблемы клиентом и овладеть такими стратегиями преодоления, которые позволят ему после завершения проблемно-ориентированной психокоррекции более успешно справляться с испытываемыми им трудностями и самостоятельно работать над своими проблемами. Иными словами, он учится быть своим собственным психологом. Это предполагает, что клиент становится равноценным партнером психолога, ему доверяется самостоятельное ведение психоаналитической работы, а психолог поощряет его к этому.

6. Завершение проблемно-ориентированной психокоррекции.

Наряду с теми проблемами, которые приводят клиента к психологу, особое значение в краткосрочной проблемно-ориентированной психокоррекции имеет также проблема расставания, проработка которой требует особого внимания, чтобы травма, вызванная расставанием

с психологом, не свела на нет все достижения психоаналитического процесса.

Разговор о предстоящем процессе расставания клиента с психологом нельзя откладывать на заключительную сессию. Обсуждение этой проблемы назначают заранее, во всяком случае не позже середины курса проблемно-ориентированной психокоррекции. При каждом удобном случае к ней возвращаются снова и снова. Завершение проблемно-ориентированной психокоррекции и расставание клиента с психологом становятся главной темой 3-4 последних сессий.

Часто этому сопротивляются как клиент, так и психолог. Клиент по-прежнему желает, чтобы психолог продолжал выполнять роль человека, оказывающего ему помощь. Он может выражать это желание, выдвигая все новые и новые проблемы или утверждая, что уже рассматривавшиеся проблемы все еще не решены до конца или даже демонстрировать ремиссию. Психолог может остаться недовольным результатом проблемно-ориентированной психокоррекции или не соглашаться с тем, что он становится ненужным. Тогда оба начинают заниматься всеми возможными проблемами только для того, чтобы избежать действительно актуальной проблемы, какой является предстоящее расставание. В такой ситуации психолог сознательно и в активной форме берет на себя осуществление процесса завершения проблемно-ориентированной психокоррекции. Для этого он снова и снова центральной темой разговора с клиентом делает предстоящее расставание. При этом другие проблемы, выносимые на обсуждение клиентом, не отвергаются. Клиенту предлагается рабо-

тать над их решением самостоятельно. Однако нельзя оставлять клиента один на один с чувствами, возникающими в ходе процесса расставания и связанными с отношением клиент-психолог. Эти чувства присущи обоим участникам процесса, и их проработку они должны осуществить совместно. Для этого необходима определенная работа, осуществить которую на протяжении одной сессии невозможно. Наряду с уместной печалью возможны проявления регрессивно-депрессивных настроений или агрессивных чувств, частично порожденных вновь возвращающимся страхом или обидами, испытанными прежде. Важно при этом, чтобы психолог установил связь этих чувств с предстоящим завершением проблемно-ориентированной психокоррекции и, если возможно, с болезненными переживаниями расставаний, испытанными клиентом ранее. Психолог может также сообщать о собственных, связанных с данной ситуацией, чувствах. Он может сказать, например, что и ему расставание дается нелегко. Высказывания такого рода облегчат клиенту выражение собственных чувств без «потери лица» и избавят его от самокритики по поводу того, что он не может справиться с расставанием самостоятельно. Если проблематика расставания прорабатывается сознательно и открыто, то клиент начинает ориентироваться на поведение психолога, служащее для него моделью.

Как показывает опыт, активному отношению клиента к проблематике расставания способствует также предоставляемое ему психологом право самому решать, сколько еще психоаналитических сессий им предстоит провести совместно (общее число сессий

не должно превышать 20). Таким образом, клиент может принять участие в формировании процесса завершения проблемно-ориентированной психокоррекции и сам определить финальную дату. При этом чувство ответственности за себя подчеркивает его самостоятельность и не дает ему ощущать себя жертвой.

Следует еще раз подчеркнуть, что неполноценное завершение проблемно-ориентированной психокоррекции, недостаточное время, отведенное для расставания, может свести на нет все ее положительные результаты. Часто задаваемый вопрос о необходимости дальнейших психоаналитических мероприятий следует сначала оставить без ответа, если это возможно, и вернуться к нему лишь после определенной психоаналитической паузы. О будущем сеансе психокоррекции следует говорить не как о продолжении, а как о чем-то новом даже в тех случаях, когда она будет строиться на результатах, полученных в ходе предыдущей проблемно-ориентированной психокоррекции. Иными словами, необходимо со всей четкостью и определенностью заявить о завершении текущего процесса проблемно-ориентированной психокоррекции.

Понятие «инсайт» — одно из тех, что широко используются в психоанализе, в системах психотерапии, на нем основывающихся, и в динамической психиатрии в целом. В общей психиатрии термин «инсайт» был введен для обозначения «знания пациентом того, что симптомы его болезни указывают на патологические отклонения в психике». Именно в этом значении термин используется в психиатрии с начала нашего столетия по настоящее время.

Однако, хотя слово «инсайт» за последние двадцать лет распространилось из психиатрии в психоанализ, его психокоррекционное значение оказалось утраченным. Мы считаем, что несомненный результат проблемно-ориентированной психокоррекции и есть инсайт, который приходит к клиенту или нет. И оценить успешность коррекции можно с его помощью.

Основная проблема в психоаналитической литературе после Фрейда заключается в необходимости определить качества, отличающие «истинный» или «эмоциональный» инсайт от чисто интеллектуального. Большинство психоаналитиков уверены, что такое различие существует, оно играет огромную роль с точки зрения психоаналитического метода. Согласно психоаналитической литературе необходимо известное эмоциональное переживание в качестве аккомпанемента тому, что считается эффективным инсайтом.

Можно утверждать, что терапевтические изменения, являющиеся следствием действия проблемно-ориентированной психокоррекции, зависят в большей степени от создания стройной и организованной концептуальной и эмоциональной систем, в которых клиент может эффективно поместить себя и свое субъективное переживание себя и других. Такой взгляд позволил бы нам понять, как различные психоаналитические и психотерапевтические точки зрения, отраженные в интерпретациях, даваемых клиенту, могут иногда оказаться одинаково эффективными с точки зрения терапевтических результатов.

В нашей работе основными параметрами инсайта, исследованными

ми для определения эффективности проблемно-ориентированной психокоррекции, выступили:

- повышение уровня ответственности;
- расширение круга социальных связей;
- повышение субъективной оценки общительности;
- повышение адаптивности и нервно-психической устойчивости;
- повышение стрессоустойчивости;
- формирование способности устанавливать правильные взаимоотношения в коллективе.

Кроме того, необходимо отметить и эффективность проблемно-ориен-

тированной психокоррекции как средства повышения социальной адаптивности для лиц, обратившихся с жалобами невротического плана и не желающих обсуждать личностную проблему в группе.

Литература

1. Александров А.А. Современная психотерапия: курс лекций. — СПб., 1997.
2. Гуманистическая психология // Иностранная психология. — 1993. — № 1. — С. 7-38.
3. Рыбников В.Ю., Змановская Е.В. Девиантное поведение личности и группы. — СПб., 2010.
4. Лейтц Г. Психодрама: теория и практика. Классическая психодрама Я.Л. Морено. — М., 1994.
5. Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б.Д. Карвасарского. — СПб., 1998.
6. Федоров А.П. Когнитивная психотерапия. — СПб., 1991.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАТРУДНЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ МОЛОДЕЖНОГО ВОЗРАСТА, ПОЛЬЗУЮЩИХСЯ ПРАВОМ БЕСКОНВОЙНОГО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

А. Н. Михайлов

Аннотация: в статье описываются сложности, с которыми сталкиваются осужденные при бесконвойном передвижении. Сравняются мнения осужденных и сотрудников исправительных учреждений относительно бесконвойного передвижения.

Ключевые слова: молодежный возраст, бесконвойное передвижение.

The summary: this article describes the difficulties faced by prisoners having the right of non-convoy movement. The prisoners opinions are compared with the points of views of prison officers regarding non-convoy movement.

Keywords: young ages, non-convoy movement.

В настоящее время в местах лишения свободы содержится значительная часть осужденных мужского пола (около 45,8 %) в возрасте от 18 до 30 лет, которые относятся к лицам молодежного возраста [6]. Они, как правило, характеризуются устойчивым отрицательным поведением, но в силу возрастных особенностей обладают социальной зрелостью, достаточным физическим и умственным потенциалом, то есть еще «не закрыты» для ресоциализации [1].

ми для определения эффективности проблемно-ориентированной психокоррекции, выступили:

- повышение уровня ответственности;
- расширение круга социальных связей;
- повышение субъективной оценки общительности;
- повышение адаптивности и нервно-психической устойчивости;
- повышение стрессоустойчивости;
- формирование способности устанавливать правильные взаимоотношения в коллективе.

Кроме того, необходимо отметить и эффективность проблемно-ориен-

тированной психокоррекции как средства повышения социальной адаптивности для лиц, обратившихся с жалобами невротического плана и не желающих обсуждать личностную проблематику в группе.

Литература

1. Александров А.А. Современная психотерапия: курс лекций. — СПб., 1997.
2. Гуманистическая психология // Иностранная психология. — 1993. — № 1. — С. 7-38.
3. Рыбников В.Ю., Змановская Е.В. Девиантное поведение личности и группы. — СПб., 2010.
4. Лейтц Г. Психодрама: теория и практика. Классическая психодрама Я.Л. Морено. — М., 1994.
5. Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б.Д. Карвасарского. — СПб., 1998.
6. Федоров А.П. Когнитивная психотерапия. — СПб., 1991.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАТРУДНЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ МОЛОДЕЖНОГО ВОЗРАСТА, ПОЛЬЗУЮЩИХСЯ ПРАВОМ БЕСКОНВОЙНОГО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

А. Н. Михайлов

Аннотация: в статье описываются сложности, с которыми сталкиваются осужденные при бесконвойном передвижении. Сравняются мнения осужденных и сотрудников исправительных учреждений относительно бесконвойного передвижения.

Ключевые слова: молодежный возраст, бесконвойное передвижение.

The summary: this article describes the difficulties faced by prisoners having the right of non-convoy movement. The prisoners opinions are compared with the points of views of prison officers regarding non-convoy movement.

Keywords: young ages, non-convoy movement.

В настоящее время в местах лишения свободы содержится значительная часть осужденных мужского пола (около 45,8 %) в возрасте от 18 до 30 лет, которые относятся к лицам молодежного возраста [6]. Они, как правило, характеризуются устойчивым отрицательным поведением, но в силу возрастных особенностей обладают социальной зрелостью, достаточным физическим и умственным потенциалом, то есть еще «не закрыты» для ресоциализации [1].

В связи с этим данная категория осужденных наиболее часто востребована для бесконвойного передвижения (даже при учете их предрасположенности к деструктивным проявлениям). Бесконвойное передвижение в УИС прежде всего является средством обеспечения производственно-хозяйственной деятельности за пределами исправительного учреждения, а не мерой поощрения, несмотря на появление у осужденных дополнительных прав и свобод. Также подчеркивается необходимость всестороннего изучения личности при предоставлении права бесконвойного передвижения, поскольку в противном случае можно спровоцировать побег осужденного или иное противоправное поведение с его стороны.

На 1 января 2010 г. среднесписочная численность осужденных, пользующихся правом передвижения без конвоя, составляет 3430 человек. За нарушение установленного порядка отбывания наказания 345 осужденных были лишены этого права, что составляет около 10 %. Привлечено к уголовной ответственности 33 осужденных, пользующихся правом передвижения без конвоя [2]. Статистика указывает, что бесконвойное передвижение в некоторых случаях приводит к деструктивным личностным трансформациям, несмотря на все мероприятия, связанные с отбором осужденных к данным условиям пребывания и предоставлением ряда прав и свобод, уменьшающих негативные социально-психологические влияния, характерные для среды осужденных.

В связи с этим изучение мнений осужденных, пользующихся правом бесконвойного передвижения, об отношении к новому статусу и трудностях при

реализации предоставленной им пенитенциарной льготы, а также об осведомленности сотрудников учреждений об особенностях и путях просоциальной трансформации личности данной категории осужденных становится актуальным для разработки мер профилактики негативных тенденций, проявляющихся в указанных условиях содержания. Нами было проведено анкетирование 104 осужденных данной категории, находящихся в исправительных колониях строгого режима УФСИН по Кировской, Вологодской и Архангельской областям, а также экспертный опрос 36 сотрудников, осуществляющих с ними социальную, психологическую и воспитательную работу.

При проведении опроса осужденных в первую очередь нас интересовало их отношение к получению статуса «бесконвойника» и к возникающим при этом субъективным трудностям (табл. 1).

Из таблицы 1 видно, что основной причиной принятия решения выхода на бесконвойное передвижение, по мнению каждого второго испытуемого (58,7 %), является желание освободиться по условно-досрочному освобождению. Это может быть обусловлено «тюремным стрессом», испытываемым осужденными в местах лишения свободы, а также их желанием быстрее от него избавиться [1, 2, 6 и др.]. Каждый четвертый опрошенный осужденный (25 %) рассматривает бесконвойное передвижение как лучший вариант подготовки к жизни на свободе. Подобное восприятие предоставления права передвижения без конвоя вполне адекватно, так как его реализация дается, как правило, на этапе отбывания наказания, когда осужденные начинают реально обдумывать и пла-

Таблица 1
Распределение ответов осужденных на вопрос: «Что повлияло на Ваше решение выйти на бесконвойное передвижение?»

Основные причины принятия решения выхода на бесконвойное передвижение	Количество ответивших, %
- желание освободиться по условно-досрочному освобождению	58,7
- подготовка к жизни на свободе	25,0
- овладение профессией	11,5
- желание работать	11,5
- вывод на бесконвойное передвижение по инициативе администрации учреждения без учета собственного мнения	8,7
- повышение своего авторитета	2,9
- не сложились взаимоотношения в отряде	1,9

Примечание: результаты более 100 %, так как разрешалось выбирать несколько вариантов ответа.

нирывать свой дальнейший жизненный путь после освобождения.

Изучение особенностей адаптации осужденных к статусу «бесконвойника» показало, что наиболее сложным периодом нахождения на бесконвойном передвижении, по мнению большинства респондентов (75 %), является период от одного до шести месяцев. Однако вызывает беспокойство и тот факт, что неадаптированность наблюдается после полутора лет у каждого десятого осужденного, пользующегося правом бесконвойного передвижения. Это ориентирует на углубленное психологическое изучение их личности, а также проведение с ними специальной психокоррекционной работы.

Данные анкетирования осужденных свидетельствуют о наличии разноплановых трудностей, с которыми они сталкиваются, находясь на бесконвойном передвижении (табл. 2).

Из таблицы 2 следует, что лишь каждый третий из опрошенных осужденных (34,6 %) не испытывает трудностей, находясь на бесконвойном передвижении.

В то же время значительная часть таких осужденных (40,4 %) испытывают трудности, выражающиеся в выполнении различного рода дополнительных работ. Как показали индивидуальные беседы с осужденными, это связано с тем, что до настоящего времени, выходя на бесконвойное передвижение, они помимо основной профессиональной деятельности привлекаются и к различного рода неоплачиваемым дополнительным работам, причем преимущественно в свободное от основной работы время (работы по разгрузке транспорта, устранение коммунально-бытовых неполадок и т. п.).

Пятая часть опрошенных осужденных (19,2 %) испытывают трудности, выражающиеся в повышенном контроле со стороны администрации. Это обусловлено тем, что предоставление им статуса «бесконвойника» вызвано производственной необходимостью, однако в силу особенностей их личности у администрации нет уверенности в том, что они не совершат побег или не станут нарушать установленные режимные требо-

Таблица 2
Распределение ответов осужденных на вопрос: «С какими трудностями Вы столкнулись, находясь на бесконвойном передвижении?»

Трудности, испытываемые осужденными на бесконвойном передвижении	Количество ответивших, %
- различного рода дополнительные работы	40,4
- нет трудностей	34,6
- нахождение на грани между свободой и несвободой	20,2
- повышенный контроль со стороны администрации учреждения	19,2
- непрестижность бесконвойного передвижения среди осужденных	13,8
- невозможность адекватно планировать свою жизнь после освобождения	2,9
- соблазн нарушения установленных правил пребывания в ИУ (доступность алкоголя, наркотиков и т. д.)	2,9
- принуждение со стороны осужденных отрицательной направленности к содействию в противоправной деятельности	1,9

Примечание: результаты более 100 %, так как разрешалось выбирать несколько вариантов ответа.

вания. Кроме того, пятая часть опрошенных осужденных (20,2 %) испытывают трудности, выражающиеся в нахождении «на грани между свободой и несвободой». Дополнительные индивидуальные беседы с осужденными показали, что из-за возрастания степени свободы у ряда из них появляется соблазн нарушить установленные требования режима содержания, в связи с чем возникают сильные переживания.

Анализ данных, касающихся чувств и переживаний осужденных, позволяет констатировать, что почти каждый четвертый осужденный (23,1 %), находясь на бесконвойном передвижении, испытывает спокойствие, а каждый третий (31,7 %) не испытывает каких-то определенных чувств и переживаний. Это может быть связано с тем, что осужденные стали менее подвержены негативным социально-психологическим влияниям, характерным для среды осужденных. Вместе с тем выявление в исследовании наличия почти у каждого ше-

стого осужденного таких негативных чувств, как усталость (12,5 %) и безысходность (2,9 %), требует проведения дополнительного углубленного психодиагностического исследования.

В то же время возникающее психологическое напряжение при нахождении в условиях бесконвойного передвижения большинство осужденных предпочитают снимать в ходе трудовой деятельности, так как она дает возможность получать моральное удовлетворение и позволяет приобрести различные полезные для них социальные, профессиональные и иные навыки. Кроме того, почти каждый третий опрошенный осужденный (30,8 %) считает, что нахождение на бесконвойном передвижении позволяет отвлечься от факта лишения свободы, а около трети осужденных (30,8 %) не испытывают психологического напряжения.

Данные, полученные в ходе опроса и бесед с осужденными, свидетельствуют, что большинство из них, имея представление о связи статуса «бесконвой-

ника» с обеспечением производственно-хозяйственной деятельности за пределами ИУ, осознанно шли на это. Это подтверждается и более широким анализом практики деятельности исправительных учреждений, где осужденные, не желающие трудиться, не пытаются добиваться права бесконвойного передвижения. Однако окончательное решение всегда за администрацией учреждений, которое обычно основывается на наличии у осужденного определенных профессиональных умений.

С целью сравнения данных опроса осужденных молодежного возраста о возможных затруднениях, возникающих при использовании ими права бесконвойного передвижения, был проведен экспертный опрос сотрудников, осуществляющих социальную, психологическую и воспитательную работу с этой категорией осужденных в исправительных учреждениях строгого режима УФСИН по Кировской, Вологодской и Архангельской областям. При этом среди экспертов две трети (66,7 %) имеют возраст более 30 лет, каждый второй (52,8 %) со стажем работы свыше трех лет, подавляющее большинство с высшим образованием (88,9 %).

В рамках экспертного опроса мнения сотрудников ИУ относительно эффективности бесконвойного передвижения для исправления осужденных контрастно разделились на две группы: 52,8 % респондентов отметили эффективную роль бесконвойного передвижения в просоциальном влиянии на личность осужденных, а 47,2 % — не видят эффективного воздействия бесконвойного передвижения на исправление осужденных. Позиция первой группы сотрудников (сторонников) аргументирована

тем, что именно в данный период происходит активное формирование навыков социально приемлемого поведения, необходимого осужденным после освобождения. Сотрудники из второй группы (противники) считают, что нахождение на бесконвойном передвижении преимущественно обеспечивает производственно-хозяйственные потребности за пределами ИУ, а поэтому большинство осужденных стремятся к подобному статусу лишь с целью получения условно-досрочного освобождения и иного рода льгот, а это не обеспечивает осознанного развития ими мотивации и навыков социально-приемлемого поведения.

Экспертный опрос сотрудников исправительных учреждений показал, что постоянного внимания требуют осужденные как в возрасте от 18 до 25 лет (на это указали 45 % респондентов), так и в возрасте от 26 до 30 лет (42,2 %). Наличие акцентов по возрастным группам осужденных, возможно, связано с личным опытом сотрудников, в том числе не всегда позитивным, от взаимодействия с «бесконвойниками» — представителями указанных возрастных категорий. По мнению большинства сотрудников-экспертов (84,4 %), наиболее сложным периодом нахождения осужденных на бесконвойном передвижении является период от одного до шести месяцев, так как это время связано с их адаптацией к новым условиям жизнедеятельности. Следует отметить, что мнение сотрудников совпадает с мнением большинства осужденных. В связи с тем что в указанный период, согласно практике исправительных учреждений, имеется большая вероятность совершения со стороны «бесконвойни-

ков» дисциплинарных проступков, требуется создать психологически обоснованную систему мер контроля и исправительного воздействия.

В качестве основной причины, побуждающей выходить осужденных на бесконвойное передвижение, большинство сотрудников (91,7 %) называют наличие желания освободиться по условно-досрочному освобождению. Мнение сотрудников совпадает с мнением большинства осужденных. Однако более трети сотрудников (38,9 %) считают, что «вывод» осужденных на бесконвойное передвижение чаще происходит по инициативе администрации учреждения, но без учета их желания. При этом около трети сотрудников (30,6 %) связывают бесконвойное передвижение с наличием и стремлением осужденных к развитию новых профессиональных навыков.

На фоне приведенных мнений сотрудников о причинах, побуждающих осужденных выходить на бесконвойное передвижение, представляется недостаточно оцененной со стороны экспертов ориентация этой категории осужденных на подготовку к жизни на свободе (19,4 %) и реализацию ими стремления к повышению авторитета среди других осужденных (13,9 %). Это свидетельствует, на наш взгляд, о недооценке сотрудниками исправительных учреждений возможностей права на бесконвойное передвижение по выработке у осужденных профессиональных навыков и мотивации к просоциальному самоизменению.

По мнению сотрудников УИС, осужденные, находясь на бесконвойном передвижении, сталкиваются с различного рода трудностями. Каждый вто-

рой сотрудник-эксперт (47,2 %) отметил, что эти осужденные всегда переживают из-за повышенного контроля со стороны администрации учреждения. На наш взгляд, наличие такого контроля всегда надо тщательно объяснять осужденным, так как при увеличении степени свободы и подстрекательстве со стороны криминализованной части осужденных у них может возникнуть умысел на нарушение режима содержания или даже побег. В связи с этим еще до предоставления права бесконвойного передвижения особое внимание необходимо уделять изучению индивидуально-психологических особенностей личности осужденных и прогнозу их поведения в условиях нахождения без конвоя за территорией исправительного учреждения.

Среди данных экспертного опроса обеспокоенность вызывают результаты, свидетельствующие, что до сих пор с осужденными, находящимися на бесконвойном передвижении, достаточно редко проводятся мероприятия социального, психологического и воспитательного характера, причем по причине постоянной трудовой занятости данной категории осужденных (на это указало 40,2 % сотрудников). Значительное число опрошенных сотрудников (38,9 %) обратили внимание на низкую престижность бесконвойного передвижения среди осужденных, а треть сотрудников (33,3 %) посчитали, что многие осужденные находятся на «границе между свободой и несвободой». Кроме того, сотрудники-эксперты отметили трудности, связанные с перегрузкой указанных осужденных различного рода дополнительными работами (22,2 %), а также отсутствие у них возможности

адекватно планировать свою жизнь после освобождения (25 %).

Анализ данных экспертного опроса свидетельствует, что достаточно противоречивые мнения сотрудников существуют и относительно личностных изменений осужденных, пользующихся правом бесконвойного передвижения. Более трети сотрудников-экспертов (38,9 %), считают, что эти осужденные становятся более самозначимыми и спокойными, у них также наблюдается повышение целеустремленности (25,1 %), расширение круга интересов и терпеливости (по 22,2 %). Однако значительное число сотрудников-экспертов указали и на противоположные тенденции в изменении личности осужденных-бесконвойников: они стали раздражительными (25,9 %), замкнутыми (22,2 %), мнительными (8,3 %).

Итак, проведенное исследование позволяет констатировать, что позиция сотрудников по вопросам, касающимся влияния бесконвойного передвижения на эффективность исправления лиц, отбывающих наказания, расходится с мнением осужденных. Сотрудники исправительных учреждений не в полной мере осведомлены об особенностях мотивации и переживаний осужденных-бесконвойников. В связи с этим необходимо разработать систему психологического обеспечения работы с осужденными-бесконвойниками, в том числе базирующуюся на изучении индивидуально-психологических особенностей личности осужденных молодежного возраста и прогнозе их возможного поведения в условиях бесконвойного передвижения, а также по предупреждению деструктивных проявлений с их стороны под влиянием криминали-

зованной части осужденных. Одновременно в силу установленных особенностей психодинамики переживаний и трудностей адаптации у осужденных-бесконвойников считаем необходимым оказывать социально-психологическую помощь данной категории лиц, направленную на формирование в первую очередь социально приемлемых навыков и адаптивных форм поведения, поскольку бесконвойное передвижение является связующим звеном с предстоящим освобождением осужденных.

На основе проведенного исследования представляется важным рекомендовать сотрудникам различных служб исправительного учреждения при контроле и организации мер воздействия на осужденных молодежного возраста на бесконвойном передвижении ориентироваться на следующие моменты:

- наиболее психологически сложным периодом нахождения осужденных молодежного возраста на бесконвойном передвижении является период от одного до шести месяцев;

- «выход» на бесконвойное передвижение осужденными обусловлен прежде всего их желанием освободиться условно-досрочно, но без реализации целенаправленной исправительной работы с ними их личностные изменения могут носить как деструктивный, так и конструктивный характер;

- в связи с тем что большинство осужденных-бесконвойников испытывают затруднения, связанные с повышенным контролем со стороны администрации ИУ, и на них оказывается влияние со стороны криминализованной части лиц, отбывающих наказания, требуется проводить с этой кате-

горией осужденных целенаправленную профилактико-разъяснительную работу и при необходимости оказывать им социально-психологическую помощь в просоциальном саморазвитии.

Литература

1. Деев В.Г. Социально-психологическая характеристика осужденных молодежного возраста и особенности их перевоспитания в ИТУ. — М., 1982.
2. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России. — Тверь: ФБУ НИИИИПТ ФСИН России, 2010. — 250 с.
3. Сочивко Д.В. Психодинамика. — М.: Моск. психол.-соц. ин-т, 2007.
4. Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. — М.: Прогресс, 1990.
5. Човдырова Г.С. Проблемы стресса, психической дезадаптации и повышения стрессоустойчивости личности в условиях социальной изоляции. — М., 2000.
6. <http://www.fsin.su>.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОГНИТИВНОГО И ЦЕННОСТНО СМЫСЛОВОГО МЕХАНИЗМОВ АКТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЙ ПРАВА У СТУДЕНТОВ

В. А. Столярова

Аннотация: в статье приведены результаты экспериментально-психологического исследования характера взаимосвязи когнитивного и ценностно-смыслового механизмов актуализации понятий права в ситуациях, имеющих правовой «вес». Разный уровень зрелости когнитивного и ценностно-смыслового механизмов, а также характер их взаимосвязи определяют продуктивность актуализации понятий права.

Ключевые слова: столкновение норм права и морали, простой и сложный правовой контекст, продуктивность актуализации понятий права, когнитивный и ценностно-смысловой механизмы воспроизведения понятий, уровень зрелости психологических механизмов актуализации понятий права.

The summary: in article results of experimentally-psychological research of character of interrelation cognitive and value mechanisms of actualization of law

concepts in the legal situations are described. Different level of a maturity cognitive and value mechanisms, and also character of their interrelation define efficiency of actualization of law concepts.

Keywords: collision of law norms and morals, a simple and difficult legal context, efficiency of actualization of law concepts, cognitive and value mechanisms of actualization of law concepts, level of a maturity of psychological mechanisms of actualization of law concepts.

В психологической науке повышается интерес к механизмам оценки принятия решения индивидом в ситуациях, имеющих правовой «вес». С одной стороны, гражданину следует соотносить собственные поступки с требованиями, предписаниями, нормами права; с другой — оценка ситуаций сферы действия права и выбор необходимого варианта поведения могут быть связаны с психологи-

горией осужденных целенаправленную профилактико-разъяснительную работу и при необходимости оказывать им социально-психологическую помощь в просоциальном саморазвитии.

Литература

1. Деев В.Г. Социально-психологическая характеристика осужденных молодежного возраста и особенности их перевоспитания в ИТУ. — М., 1982.
2. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России. — Тверь: ФБУ НИИИИПТ ФСИН России, 2010. — 250 с.
3. Сочивко Д.В. Психодинамика. — М.: Моск. психол.-соц. ин-т, 2007.
4. Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. — М.: Прогресс, 1990.
5. Човдырова Г.С. Проблемы стресса, психической дезадаптации и повышения стрессоустойчивости личности в условиях социальной изоляции. — М., 2000.
6. <http://www.fsin.su>.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОГНИТИВНОГО И ЦЕННОСТНО СМЫСЛОВОГО МЕХАНИЗМОВ АКТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЙ ПРАВА У СТУДЕНТОВ

В. А. Столярова

Аннотация: в статье приведены результаты экспериментально-психологического исследования характера взаимосвязи когнитивного и ценностно-смыслового механизмов актуализации понятий права в ситуациях, имеющих правовой «вес». Разный уровень зрелости когнитивного и ценностно-смыслового механизмов, а также характер их взаимосвязи определяют продуктивность актуализации понятий права.

Ключевые слова: столкновение норм права и морали, простой и сложный правовой контекст, продуктивность актуализации понятий права, когнитивный и ценностно-смысловой механизмы воспроизведения понятий, уровень зрелости психологических механизмов актуализации понятий права.

The summary: in article results of experimentally-psychological research of character of interrelation cognitive and value mechanisms of actualization of law

concepts in the legal situations are described. Different level of a maturity cognitive and value mechanisms, and also character of their interrelation define efficiency of actualization of law concepts.

Keywords: collision of law norms and morals, a simple and difficult legal context, efficiency of actualization of law concepts, cognitive and value mechanisms of actualization of law concepts, level of a maturity of psychological mechanisms of actualization of law concepts.

В психологической науке повышается интерес к механизмам оценки принятия решения индивидом в ситуациях, имеющих правовой «вес». С одной стороны, гражданину следует соотносить собственные поступки с требованиями, предписаниями, нормами права; с другой — оценка ситуаций сферы действия права и выбор необходимого варианта поведения могут быть связаны с психологи-

ческими особенностями представлений личности.

Адекватная оценка ситуаций юридической значимости требует сформированности соответствующего понятийного уровня. Понятия права, складываясь в многозначном контексте, выступают своеобразным декодером, позволяющим распознать внутренние, существенные признаки правозначной ситуации и принять решение, соответствующее нормам сферы действия права.

Понятия права формируются и начинают функционировать в структуре индивидуального правосознания, будучи его структурной единицей, они характеризуются следующими признаками.

Во-первых, определяются через совокупность существенных признаков отражаемых ими объектов и явлений правовой действительности. Понятия права функционируют в семантическом поле признаков, которое и определяет область их актуализации. Отличительной чертой признаков рассматриваемых нами понятий является то, что их специфика и количество утверждаются законодателем.

Во-вторых, отражаемая понятиями права правовая регуляция общественных отношений есть система взаимосвязанных и закономерно развивающихся правовых явлений и процессов, соответственно понятия права представлены в индивидуальном правосознании в виде систем, между элементами которых существует возможность произвольного установления разнообразных логико-семантических отношений: «род-вид», «вид-род», «часть-целое» и т. д.

В-третьих, понятиям права как структурным компонентам индивидуального сознания свойственен высокий уро-

вень абстрактности. Только став личностно значимыми для индивида, они могут выступать в качестве своеобразных инструментов, «орудий» его мыслительной деятельности, продуктом которой является адекватная оценка правовых явлений. Не будучи принятыми и осознанными личностью, они не могут стать индивидуальными конструктами, задающими ориентиры в правовом поле.

Подобное рассмотрение понятий права позволило говорить о когнитивном и ценностно-смысловом механизмах их актуализации в правозначных ситуациях.

Компонентами когнитивного механизма актуализации понятий выступают процессуальная и семантическая активности личности. Процессуальная активность связана с выделением правового содержания ситуации юридической значимости посредством основных логических операций. В ходе семантической активности индивида извлечение правового содержания ситуации достигается путем установления различных логико-семантических отношений между понятиями права, непосредственно включенными в контекст ситуации.

Компонентами ценностно-смыслового механизма актуализации понятий права являются ценностно-ориентационная и ценностно-регулятивная активности личности. Ценностно-ориентационная активность индивида в ситуациях, имеющих правовой «вес», определяется уровнем его моральной зрелости, совокупностью устойчивых интересов к явлениям сферы действия права, готовностью соблюдать правовые нормы. Ценностно-регулятивная активность осуществляется за счет осознания, принятия и генерализации личностью ба-

зовых правовых ценностей в ситуациях нарушения юридических прав и свобод гражданина.

Особую значимость данная проблема приобретает в юности, когда молодые люди начинают включаться в абсолютно новые для них правовые ситуации, такие как реализация активного избирательного права, вступление в брак, начало трудовой деятельности, служба в армии.

Испытуемыми выступили студенты 2-х курсов калужских вузов всего 209 человек. На этапе разработки и апробации диагностического инструментария приняло участие 110 человек, 99 человек — в его основной части.

Когнитивный механизм актуализации понятий права изучался с помощью Теста умственного развития взрослых (М.К. Акимова, В.Т. Козлова и др.), Цепного ассоциативного теста, методики «Пиктограмма».

С целью установления ценностно-смыслового механизма актуализации понятий права в правовых ситуациях применялись следующие методики: методика исследования уровня развития моральных суждений личности, разработанная Н.А. Чикаловым, модифицированный вариант известной методики О.Ф. Потемкиной «Потребности», разработанные автором анкеты «Устойчивость совокупности интересов сферы действия права», «Готовность к соблюдению правовых норм».

Продуктивность актуализации понятий права выявлялась при помощи разработанных автором ситуативных тестов «Нарушение норм» и «Столкновение норм». В методике «Нарушение норм» были представлены 20 ситуаций нарушения только норм морали и 20 ситуаций нарушения норм пра-

ва и морали. В них не указывались причины, условия, возможные последствия нарушения норм, не был представлен момент открытого, явного столкновения норм права и морали. Ситуативный тест «Столкновение норм» включал 15 ситуаций нарушения норм и уголовного права, и морали. В каждом случае непосредственно указывались причины, условия, возможные последствия нарушений. Каждая из представленных на рассмотрение ситуаций моделировала явление открытого, явного конфликта, «борьбы» норм права и морали.

Указанные методики позволяли определить продуктивность актуализации понятий «норма права» и «степень общественной опасности».

Показатели продуктивности актуализации понятий «норма права», «степень общественной опасности» могли располагаться в зонах низких, средних и высоких значений. Нахождение показателей в зоне низких значений соответствовало «непродуктивной» актуализации понятий, в зоне средних значений «относительной» продуктивности их актуализации, в зоне высоких — «абсолютной» продуктивности воспроизведения.

Результаты исследования были подвергнуты статистической обработке. Для выявления возможных связей между результатами разных методик были использованы: χ^2 —критерий Пирсона, критерий Φ^* —угловое преобразование Фишера, Φ —коэффициент четырехпольной корреляции, частотно-конфигуральный анализ Г.А. Линерта.

Основная гипотеза при проведении исследования заключалась в следующем: разный уровень зрелости когнитивного и ценностно-смыслового механизмов, а также характер их взаимосвя-

зи определяют продуктивность актуализации понятий права у студентов.

По результатам исследовательских методик предоставлялась возможность судить, во-первых, о том, что нарушения норм права в правозначных ситуациях распознаются успешнее, чем степень общественной опасности соответствующих уголовных преступлений (от 93 до 75 %, от 52 до 27 % испытуемых, соответственно). Тем самым продуктивная актуализация понятия права, обладающего широким семантическим полем, требует распознавания большего количества семантических признаков. В нашем случае к понятию со сложным семантическим полем относится понятие «степень общественной опасности».

Во-вторых, продуктивность применения понятия «норма права» снижается, в то время как продуктивность применения понятия «степень общественной опасности» возрастает в ситуациях, контекст которых информационно насыщен и наполнен столкновениями норм права и морали. Указанные различия значимы на уровне $p < 0,01$ для понятия «норма права» ($F_{эмп} = 3,58$ $p < 0,01$) и для понятия «степень общественной опасности» ($F_{эмп} = 3,63$ $p < 0,01$).

Применение χ^2 -критерия Пирсона позволило с полной уверенностью говорить о том, что студенты, отличающиеся уровнем умственного развития, с разной степенью продуктивности актуализируют рассматриваемые нами понятия ($\chi^2 = 6,75$ $p < 0,01$). Причем актуализация понятия «степень общественной опасности» требует от индивида большего сосредоточения умственных усилий, а именно достаточного уровня развития способности распознавать, выявлять правовое содержание (χ^2 для поня-

тия «норма права» = 6,67 $p < 0,01$; χ^2 для понятия «степень общественной опасности» = 5,58 $p < 0,05$).

Нашло свое подтверждение положение о том, что продуктивность воспроизведения понятий права в ситуациях юридической значимости связана с особенностями ориентационной и ценностно-регулятивной активностей индивида (χ^2 «направленность на правовое содержание» = 8,52 $p < 0,01$; χ^2 «готовность к соблюдению норм права» = 5,63 $p < 0,05$; χ^2 «уровень развития моральных суждений личности» = 10,2 $p < 0,01$; χ^2 «степень реализации базовых правовых ценностей» = 9,4 $p < 0,01$).

Было установлено, что системообразующим компонентом когнитивного механизма актуализации понятий права является способность выделять существенные семантические признаки понятий. На их основе формируются и складываются значения понятий ($F = 0,764$ $p < 0,01$), выстраиваются их дифференцированные семантические поля (F «широта семантического поля» = 0,51; F «глубина семантического поля» = 0,807 $p < 0,01$).

Базовыми компонентами ценностно-смыслового механизма актуализации понятий права выступают уровень развития моральных суждений личности и реализации правовых ценностей ($F = 0,28$ $p < 0,01$).

В свою очередь степень присвоения и реализации правовых ценностей определяет специфику, качественные особенности такой структурной образующей личности, как направленность на правовое содержание. Принятие ценностей права и рассмотрение их в качестве необходимого и действенного элемента регуляции социальных отношений фор-

мирует и развивает у студентов интерес к правовым вопросам ($\phi=0,44$ $p<0,01$).

Характер взаимосвязи когнитивного и ценностно-смыслового механизмов актуализации понятий права определялся при помощи интеркорреляционного анализа.

Полученные экспериментальные данные свидетельствуют, что проработка и дифференциация семантических полей понятий права не только способствуют повышению интереса к правовым явлениям, но и формируют готовность к соблюдению правовых правил и предписаний у студентов ($\phi=0,34$ $p<0,01$; $\phi=0,47$ $p<0,01$, соответственно).

Существует значимая положительная связь между уровнем умственного развития студентов и уровнем их моральной зрелости ($\phi=0,24$ $p<0,05$). Так, характер, возможные варианты разрешения ситуаций правового конфликта становится возможным рассмотреть, с одной стороны, благодаря способности распознать и выделить специфику межличностного взаимодействия в рамках социальной группы, государства в целом.

С другой стороны, разрешение правозначной ситуации требует от индивида ориентации в содержании базовых правовых ценностей, степени социальной значимости разнообразных правовых явлений и объектов ($\phi=0,70$ $p<0,01$).

Роль уровня сформированности компонентов когнитивного и ценностно-смыслового механизмов в процессе актуализации понятий права уточнялась при помощи частотно-конфигурального анализа Г.А. Линерта.

Так, испытуемые, «непродуктивно» актуализирующие понятия права в юридически значимых ситуациях, обладали

низкой способностью распознавания и выделения внутренних, существенных признаков правозначного контекста, также их отличала непроработанность семантических полей понятий. При этом они могли проявлять среднюю и высокую степени направленности на правовое содержание, готовности к соблюдению правовых запретов и предписаний, моральной зрелости, реализации базовых правовых ценностей (65 % и 35 %, соответственно). Нормы межличностного взаимодействия и системы правовой регуляции общественных отношений присваивались ими на уровне декларируемых и артикулируемых требований.

«Относительная» продуктивность актуализации понятий права была представлена следующими вариантами сформированности компонентов психологических механизмов: 1) испытуемые обладали средним уровнем умственного развития и большей степенью дифференцированности разнообразных логико-семантических отношений между понятиями права, при этом сохранялась тенденция соблюдать заданные предписания. Избирательность правового содержания определялась личностной заинтересованностью (45 %); 2) при низком уровне умственного развития и частичной проработанности семантических полей понятий права испытуемые в большей степени делали акцент на принятии норм морали и нравственности, направленность на правовое содержание также была сопряжена с личностной заинтересованностью. Подчеркнем, что в структуре умственного развития этих студентов наиболее сформированным является операционально-динамический ком-

понент (20 %); 3) в силу недостаточно развитой способности выявлять существенное в рассматриваемом содержании, прорабатывать семантические признаки понятий испытуемые проявляли слабую степень принятия, осознания, заинтересованности в морально-нравственных, правовых ориентирах (35 %).

В группу испытуемых, приближающихся к уровню «достаточной» актуализации понятий права, вошли те студенты, которые обладали средним уровнем умственного развития. Дифференцированность семантических полей понятий достигала средней и высокой степени (75 % и 25 %, соответственно), содержа-

ние норм морали, нравственности и права было присвоено на высоком уровне, избирательность правового содержания и готовность к соблюдению норм сферы действия права определялись особенностями подструктур направленности и опыта личности.

Итак, данные экспериментального исследования показали, что продуктивность актуализации понятий права изменяется не только под влиянием сложности их семантического поля, контекста правозначной ситуации, но и обусловлена характером взаимосвязи и разным уровнем зрелости когнитивного и ценностно-смыслового механизмов воспроизведения понятий.

ПРИЗНАКИ И ПРЕДИКТОРЫ ВЫСОКОЙ УВЛЕЧЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КОМПЬЮТЕРНЫМИ ИГРАМИ

А. Д. Белоусов

Аннотация: в статье описаны выявленные признаки повышенной увлеченности подростков компьютерными играми и статистически обоснованные связи между этими признаками. Рассмотрены и социально обусловленные предикторы данного вида досуга несовершеннолетних.

Ключевые слова: компьютерные игры, увлечения несовершеннолетних, статистически достоверные связи, агрессивность.

The summary: in article the revealed signs of the raised enthusiasm by teenagers computer games and statistically well-founded communications between these signs are described. Are considered and

socially caused predictors of the given kind of leisure of minors.

Key words: computer games, hobbies is imperfect-year-old, statistically authentic communications, aggression.

Динамичный прогресс информационных технологий на современном этапе развития общества требует повышенного внимания к проблеме их влияния на человеческий организм. Особое место в ряду этих разработок принадлежит компьютерным играм вследствие их высокой популярности у значительной части населения и стремительного роста рынка этой продукции. Массовое увлечение данного рода играми яв-

понтент (20 %); 3) в силу недостаточно-го развития способности выявлять существенное в рассматриваемом содержании, прорабатывать семантические признаки понятий испытуемые проявляли слабую степень принятия, осознания, заинтересованности в морально-нравственных, правовых ориентирах (35 %).

В группу испытуемых, приближающихся к уровню «достаточной» актуализации понятий права, вошли те студенты, которые обладали средним уровнем умственного развития. Дифференцированность семантических полей понятий достигала средней и высокой степени (75 % и 25 %, соответственно), содержа-

ние норм морали, нравственности и права было присвоено на высоком уровне, избирательность правового содержания и готовность к соблюдению норм сферы действия права определялись особенностями подструктур направленности и опыта личности.

Итак, данные экспериментального исследования показали, что продуктивность актуализации понятий права изменяется не только под влиянием сложности их семантического поля, контекста правозначной ситуации, но и обусловлена характером взаимосвязи и разным уровнем зрелости когнитивного и ценностно-смыслового механизмов воспроизведения понятий.

ПРИЗНАКИ И ПРЕДИКТОРЫ ВЫСОКОЙ УВЛЕЧЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КОМПЬЮТЕРНЫМИ ИГРАМИ

А. Д. Белоусов

Аннотация: в статье описаны выявленные признаки повышенной увлеченности подростков компьютерными играми и статистически обоснованные связи между этими признаками. Рассмотрены и социально обусловленные предикторы данного вида досуга несовершеннолетних.

Ключевые слова: компьютерные игры, увлечения несовершеннолетних, статистически достоверные связи, агрессивность.

The summary: in article the revealed signs of the raised enthusiasm by teenagers computer games and statistically well-founded communications between these signs are described. Are considered and

socially caused predictors of the given kind of leisure of minors.

Key words: computer games, hobbies is imperfect-year-old, statistically authentic communications, aggression.

Динамичный прогресс информационных технологий на современном этапе развития общества требует повышенного внимания к проблеме их влияния на человеческий организм. Особое место в ряду этих разработок принадлежит компьютерным играм вследствие их высокой популярности у значительной части населения и стремительного роста рынка этой продукции. Массовое увлечение данного рода играми яв-

ляется относительно новым общественным феноменом, что наряду с постоянным совершенствованием технологий и обновлением ассортимента предлагаемых пользователям образцов подобной продукции выступает причиной лишь небольшого числа научных исследований в сфере воздействия компьютерных игр на психику человека.

Особую актуальность в данном случае приобретает изучение последствий увлечения компьютерными играми несовершеннолетних, которые составляют наиболее значительную часть потребителей этой продукции. Так, по результатам отечественных исследований игровые компьютерные клубы в основном посещают подростки от 12 до 15 лет (53 % всей аудитории) [4, с. 45-49].

Проблема осложняется тем, что часто это увлечение подростков перерастает в психологическую зависимость [1, 3], способно сильно повлиять на их мотивационную и эмоционально-волевую сферы и поведение [5, с. 46-49; 6], приводит к психопатологическим симптомам [8, с. 122-133; 13, с. 425-442]. Кроме того, значительная часть предпочитаемых несовершеннолетними компьютерных игр содержит элементы агрессии и насилия [2; 4, с. 45-49].

Ряд отечественных и зарубежных авторов приходят к выводам, что увлечение компьютерными играми агрессивного содержания коррелирует с проявлениями антисоциального и агрессивного поведения подростков [7, с. 86-102; 9, с. 772-791; 12, с. 91; 15, с. 5-22].

В то же время имеются исследования, свидетельствующие о положительном влиянии компьютерных игр на интеллектуальное развитие несовершеннолетних [7, 10].

Недостаточность и противоречивость научных работ, посвященных комплексному анализу проблемы увлеченности подростков компьютерными играми агрессивного содержания [6], не позволяют обнаружить однозначные причинно-следственные связи между различными признаками и последствиями этой деятельности, а также выявить ее четкие предикторы.

Исследования в этом направлении могли бы иметь важное прикладное значение в сфере профилактики подростковой преступности, способствовать решению ряда уголовно-процессуальных задач, касающихся всестороннего изучения личности несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, установлению подлинных мотивов, совершенного ими преступления.

В связи с этим в нашем исследовании мы поставили перед собой следующие задачи:

- собрать как можно больше информации о несовершеннолетних из разных социальных групп и с разной степенью увлеченности компьютерными играми с целью выявления статистически достоверных связей между отдельными критериями;

- проанализировать эти связи на предмет определения критериев, являющихся характерными признаками или предикторами исследуемого вида досуга подростков.

Для решения поставленных задач было проведено скрининговое опрос выборки подростков по предварительно разработанной анкете и последующее углубленное интервью с теми из них, кто относился к крайним типам по степени увлеченности компьютерными играми.

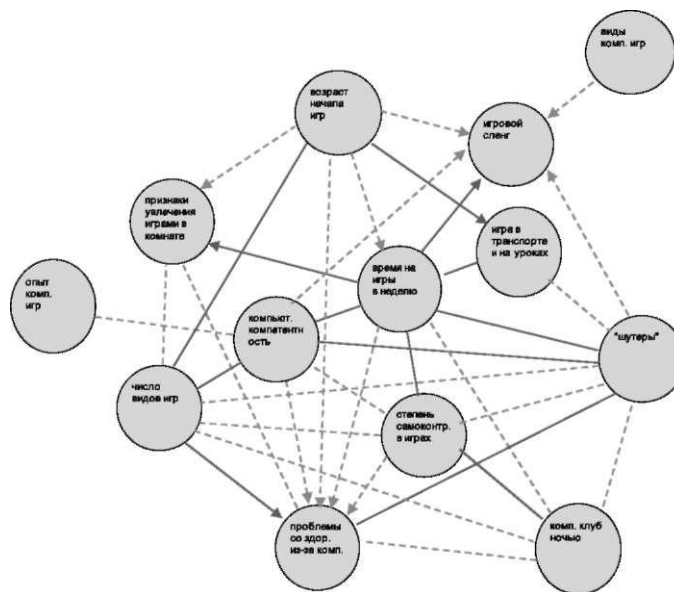

Рис. 1. Схема связей между признаками, указывающими на высокую увлеченность подростка компьютерными играми

Всего в исследовании приняли участие 145 молодых людей в возрасте от 14 до 19 лет. Эта выборка представлена абитуриентами МГТУ имени Баумана, студентами Гуманитарно-экологического института (г. Москва) и МГУПИ, подростками Центра временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей ГУВД по г. Москве (ЦВСНП), а также несовершеннолетними, совершившими преступления и по решению суда направленными на принудительное лечение в стационар общего и специализированного типа психиатрической больницы № 5 Департамента здравоохранения г. Москвы (ПБ № 5) в связи с их невменяемостью при совершении преступлений.

Кроме того, в работе использованы материалы 50 уголовных дел по престу-

плениям несовершеннолетних в г. Москве, приговор по которым вступил в силу с 2004 по 2006 год. Всего в делах фигурировало 74 подростка.

Установление силы связи между полученными из анкет номинативными переменными было осуществлено с помощью таблиц сопряженности и коэффициентов Хи-квадрат Пирсона, Фи и V Крамера. Эти расчеты были выполнены с помощью компьютерной программы для анализа данных в психологии и социальных науках — SPSS.

В результате анализа выявленных связей и их силы были выделены признаки, в разной степени свидетельствующие о высокой увлеченности молодых людей компьютерными играми. На представленной структурной схеме сплошные линии обозначают высокодостовер-

ные связи, а пунктирные — связи косвенные, подверженные влиянию других факторов (рис. 1).

Представляет определенный интерес описание ключевых признаков.

Пол. Увлечение компьютерными играми наиболее типично для мальчиков (82,6 % играющих), что подтверждает данные зарубежных авторов [11, с. 12-16; 14, с. 86-90]. Среди девочек процент играющих значительно ниже (11,1 %).

Возраст. Пик увлеченности компьютерными играми приходится на возраст мальчиков от 10 до 13 лет (45 % опрошенных указали этот возраст на момент активной фазы увлечения), когда времени на досуг относительно больше. После 15 лет эта активность резко идет на спад в связи с появляющимися у несовершеннолетнего другими интересами и обязанностями. В то же время необходимо отметить, что чрезмерная увлеченность у отдельных подростков может встречаться в любом возрасте.

Возраст начала увлечения компьютерными играми. Установлено, что этот показатель связан с вероятностью активного продолжения этого увлечения в более позднем возрасте. Так, те мальчики, которые начали играть до 10-летнего возраста, играли впоследствии в среднем более интенсивно, чем те, кто начал играть позже.

Они чаще демонстрируют и другие признаки повышенной игровой увлеченности: играют в большее число видов игр, играют не только дома, но и в менее удобных для этого местах (транспорте, перерывах между занятиями), чаще имеют проблемы со здоровьем, обусловленные значительным временем пребывания у компьютера.

Проблемы со здоровьем, вызванные пребыванием у компьютера.

Этот признак с высокой достоверностью связан с количеством видов игр, используемых геймером: большинство подростков (90,9 % наблюдений), не имеющих указанных проблем со здоровьем, играют в 1-2 игры, и все имеющие такие проблемы называют более чем одну используемую ими игру.

При этом заметно чаще эти отклонения в самочувствии встречаются у лиц, предпочитающих такой вид компьютерных игр, как «шутеры» или «стрелялки» (68,8 % играющих в них), отличающиеся примитивным сюжетом, основанным на насилии и пользующиеся у подростков высокой популярностью. Очевидно, что играя в них, мальчики проводят у компьютера больше времени.

Кроме того, проблемы со здоровьем наблюдаются лишь среди тех несовершеннолетних, которые посещают компьютерный салон ночью и вместо занятий (33,3 % наблюдений). Продолжительность непрерывной игры за счет этого заметно возрастает.

Все здоровые подростки имеют нормальный самоконтроль во время компьютерных игр, а его понижение встречается лишь среди тех, у которых выражены проблемы с глазами или руками (33,4 % наблюдений).

В то же время наличие у ребенка этих нарушений здоровья еще не является достаточно полным основанием для выводов об их именно игровой обусловленности. Они могут стать и следствием других занятий с компьютером. Так, по результатам исследования ухудшение самочувствия связано и с наличием навыков программирования у подростка. Навыков программирова-

ния нет у не имеющих проблем со здоровьем и присутствуют такие навыки у 54,5 % страдающих названными симптомами физических нарушений в работе организма.

В целом рассматриваемые отклонения в самочувствии свойственны лицам с относительно высокой компьютерной компетентностью. Не имеющие данных проблем со здоровьем обладают средней компьютерной компетентностью — 66,7 % и низкой — 33,3 % наблюдений, а имеющие эти проблемы в 50 % случаев — высокой компьютерной компетентностью, в 33,3 % — средней и в 16,7 % — низкой.

Признаки игромании в комнате подростка. Присутствие этих признаков высокодостоверно связано с временем его игры за неделю: чем продолжительнее это время, тем чаще встречаются эти признаки в комнате.

В то же время их отсутствие нельзя воспринимать как надежный повод считать, что данное увлечение отсутствует у несовершеннолетнего. В частности, это может быть вызвано низким материальным уровнем семьи геймера и недоступностью для него дорогостоящего игрового оборудования.

Степень самоконтроля подростка в компьютерных играх. Это один из самых важных признаков уровня игровой компьютерной увлеченности несовершеннолетнего. При этом следует суммировать время, проводимое несовершеннолетним как за домашним компьютером, так и в компьютерном клубе (особенно в выходные дни и ночью). Кроме того, и сам факт игры в менее удобных для этого местах (транспорте, перерывах между занятиями и т. п.) на переносном игровом оборудовании может

вызывать обоснованные подозрения о пониженном самоконтроле ребенка.

Игровой компьютерный сленг. Анализ результатов опроса «играющих» подростков показывает высокую обусловленность присутствия у них сленга временем, затрачиваемым ими на игру в неделю.

Однако не все увлеченные геймеры используют его. Статистически обоснованные данные свидетельствуют о его серьезной взаимосвязи с особенностями взаимодействия подростка со сверстниками: у всех использующих сленг прослеживаются только положительные взаимоотношения в группах ровесников. В то же время отчужденность и необщительность, даже при высоком увлечении играми, не дают сленгу развиваться. При этом он редко проявляется у несовершеннолетних с высокой степенью криминальной зараженности.

Несмотря на это сленг можно считать надежным признаком высокой степени увлеченности компьютерными играми у подростков.

Общая компьютерная компетентность. Замечено, что у всех подростков, играющих более 25 часов в неделю, эта компетентность находится на высоком уровне. «Продвинутые» в электронике мальчики играют в большее число видов компьютерных игр и почти все играют в «шутеры». У них заметно чаще присутствует специальный игровой сленг.

Время, затрачиваемое на игры в неделю. В результате обобщения и анализа всех статистических связей можно сделать вывод, что самым важным признаком степени увлечения подростком компьютерными играми является время, затрачиваемое на них. Причем имеет значение именно недельная сумма

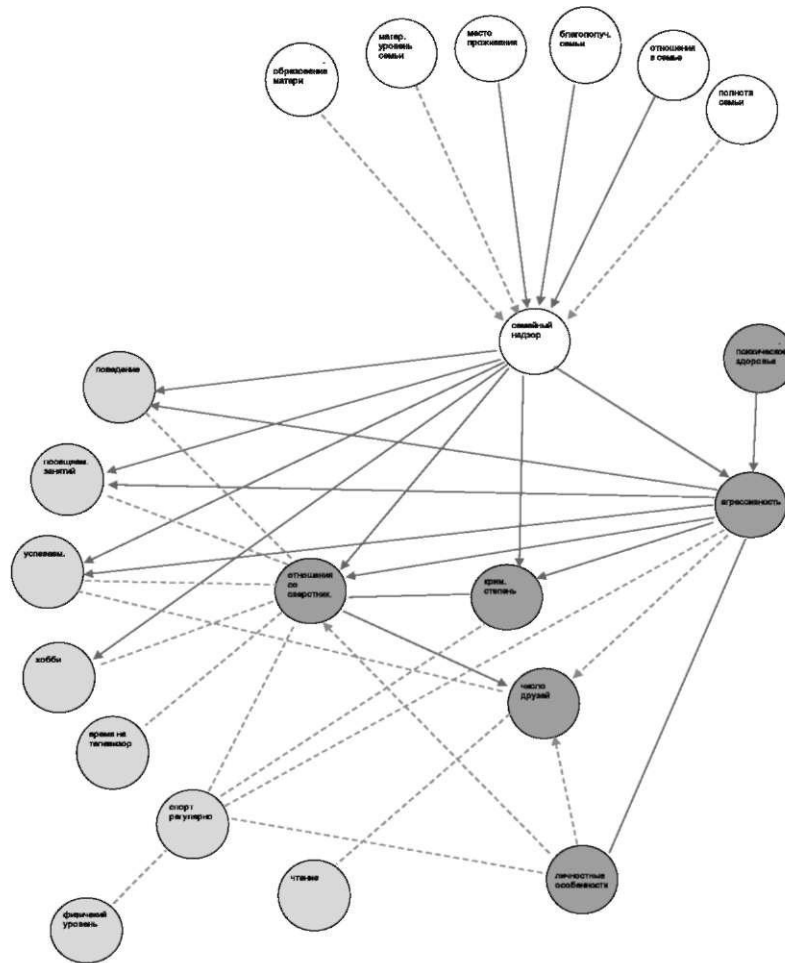

Рис. 2. Схема связей между признаками, являющимися предикторами увлечения подростков компьютерными играми

этого времени, так как значительная его доля приходится на выходные дни, свободные от учебы.

Как видно из структурной схемы связей признаков, это время четко связано со степенью самоконтроля геймера, наличием игрового сленга, игрой в транспорте, признаками увлечения играми в

комнате, общей компьютерной компетентностью, предпочтением «шутеров» и другими признаками.

Увлеченность подростков компьютерными играми нельзя рассматривать вне взаимосвязи и взаимообусловленности с другими психологическими факторами и факторами социальной сре-

ды. В ярко выраженной форме эта деятельность всегда результат сочетания некоторых средовых и наследственно-обусловленных причин. Наличие или отсутствие следующих факторов можно считать предикторами патологического увлечения молодых людей компьютерными играми (рис. 2).

Уровень и вид семейного надзора с формирующими его факторами.

Это важнейшая совокупность социальных факторов, оказывающая неопределенное влияние на формирование личности ребенка, в том числе через его досуг и увлечения.

Семейный надзор различается не только по качественным признакам, но и по степени. Целесообразно различать низкую (гипопротекция), среднюю, высокую и избыточную (гиперпротекция) степень надзора.

Низкий семейный надзор оказывает влияние на интересы и увлечения ребенка как непосредственно, так и опосредованно. Так, в неудовлетворительной форме он, наряду с психическим нездоровьем подростка, является причиной его повышенной агрессивности, которая, в свою очередь, усугубляет влияние семьи на формирование криминального типа личности подростка, установление его отношений со сверстниками, успеваемость и поведение в учебном коллективе.

Установление факта пониженного надзора за несовершеннолетним со стороны семьи должно вызвать обоснованные предположения о том, что не исключена его неконтролируемая увлеченность компьютерными играми, выражаемая в первую очередь значительным временем, проводимым за ними в течение недели. Так, при высоком и

избыточном семейном надзоре время компьютерной игры, превышающее 18 часов в неделю, встречается у 16,7 % из всех опрошенных мальчиков, а при низком достигает 60 %. На этот признак увлеченности особенно сильно влияет и материальный уровень семьи: особенно много ребенок играет в семьях с высоким уровнем. Для данного увлечения требуется дорогостоящее оборудование, которое семья с низким достатком, особенно неполная, не в состоянии обеспечить ребенку.

Отсюда очевиден и вывод о том, что уровень семейного надзора может быть низким в семьях с разным достатком, и распространена ситуация, когда родители, обеспечивая ребенка материально, лично не принимают участия в его досуге.

Кроме того, играющие подростки из семей с недостаточным уровнем родительского надзора чаще имеют и признаки пониженного самоконтроля в компьютерных играх. Так, при высоком и избыточном семейном надзоре самоконтроль нормален практически у 100 % играющих мальчиков, а при понижении надзора становится очевидна тенденция к снижению самоконтроля.

Согласно результатам проведенного исследования, все несовершеннолетние, посещающие игровые компьютерные клубы по ночам, находятся под низким семейным надзором, а не играющие в клубах — в основном под высоким и средним.

Заметна и связь неудовлетворительного надзора за ребенком с признаками ухудшения его самочувствия из-за компьютера: при высоком надзоре эти проблемы редки и учащаются по мере снижения семейного внимания.

Одновременно низкий семейный надзор, как следствие общего семейного неблагополучия, не способствует развитию высокой компьютерной компетенции подростка. Дети из таких семей имеют проблемы и с общим образованием: успеваемостью, посещаемостью занятий, поведением.

Личностные особенности подростка и формирующие их факторы. Некоторые из этих особенностей подростка в комплексе с другими факторами и характеристиками могут быть полезными индикаторами особенностей его увлеченности компьютерными играми. Например, относительно низкий кругозор и словарный запас характерны для значительной части подростков, посещающих компьютерные салоны по ночам и вместо учебы. Помимо того, у всех этих ребят согласно результатам исследования низкий уровень морального сознания и невысокая эмоциональная зрелость. Они же отличаются относительно большей агрессивностью.

Дополняет портрет несовершеннолетних, бесконтрольно играющих в компьютерных клубах, и низкий надзор за ними со стороны семьи, более высокая степень криминальной зараженности и присутствие практически во всех наблюдениях систематического употребления ими алкоголя. Очевидно, что эти дети чаще из неблагополучных семей.

Напротив, широкий кругозор и словарный запас характерны в основном для подростков, имеющих высокую компьютерную компетентность. Они же относительно более независимы, уверены в себе, отличаются низким конформизмом. Они менее агрессивны. Это дети из благополучных семей с высоким об-

разовательным уровнем родителей и в целом семейного надзора.

Такие социально обусловленные личностные характеристики, как инициативность, уверенность в себе, стрессоустойчивость, контактность и организаторские способности, не обнаруживают в исследовании однозначной привязанности к степени вовлеченности в компьютерные игры. На мальчиков, имеющих положительные отношения со сверстниками, умеренное увлечение этим видом досуга не оказывает заметного лично-но травмирующего воздействия.

Наличие проблем в общении со сверстниками характерно скорее для подростков относительно более агрессивных и имеющих отклонения в психическом развитии. Нами установлена достоверная тенденция уменьшения количества друзей с ростом агрессивности. Кроме того, все наблюдаемые подростки, имеющие проблемы со сверстниками, отставали в психическом развитии и состояли на учете у психиатра, а все дети с наследственной отягощенностью указывали на отрицательные отношения со сверстниками.

Образующаяся в результате этого социальная изоляция в ряде случаев приводит к патологическим формам игровой компьютерной увлеченности и даже усугубляется ей. Так, у подростков, играющих более 25 часов в неделю, высокая агрессивность отмечается в более 50 % случаев, средняя — в 21,4 % и низкая — в 7,7 %, а самоконтроль в играх в 75 % случаев понижен у лиц с высокой агрессивностью.

Делать вывод об обусловленности повышенной агрессивности компьютерными играми не позволяют данные о ее значительно большей связи с семей-

ными условиями. Так, высокая степень агрессивности зафиксирована только у детей из неблагополучных семей с негативными внутрисемейными отношениями, низким уровнем родительского контроля и материальной обеспеченности семьи.

Особенности взаимодействия несовершеннолетнего со сверстниками. В умеренной степени выраженности этот вид досуга даже способствует увеличению его общения с приятелями по интересам, что, как было указано ранее, приводит к развитию в этом общении специального «геймерского» сленга.

Отрицательные отношения подростка со сверстниками должны вызывать обоснованные предположения не только о его асоциальных контактах, но и, напротив, об уединенном типе досуга несовершеннолетнего, например, в виде компьютерных игр, причем в патологической форме выраженности этого увлечения. По нашим данным, степень криминальной зараженности достоверно выше у подростков, имеющих отрицательные отношения со сверстниками (75 %). Тогда как при положительных взаимоотношениях такая степень наблюдалась лишь в 6,7 % случаев. Установлено также, что при отрицательных отношениях со сверстниками пониженный самоконтроль в компьютерных играх наблюдался в 67,5 % случаев, а при положительных — он всегда был в норме.

Конкурирующие с компьютерными играми увлечения и занятия подростка. Очевидно, что повышенное увлечение компьютерными играми может происходить лишь в ущерб другим занятиям и увлечениям. Следовательно, установление в процессе изучения лич-

ности несовершеннолетнего значительного времени, уделяемого этой конкурирующей с играми деятельности и успехов в ней, может способствовать обоснованному исключению этих игр при выводах о досуге подростка.

Кроме социально позитивных интересов у несовершеннолетнего могут отмечаться и другие занятия, информация о наличии или отсутствии которых практически всегда присутствует в материалах дел об их преступлениях. Комплексная оценка этих фактов позволяет сделать вывод о степени криминализации личности несовершеннолетнего. Очевидно, что высокая криминализация не может сочетаться с патологической увлеченностью компьютерными играми. Так, согласно проведенным исследованиям, мальчики из ЦВСНП подвержены этому увлечению в значительно меньшей степени, чем благополучные подростки. Так, 66,7 % мальчиков ЦВСНП назвали компьютерные игры в числе своих прошлых увлечений, тогда как среди абитуриентов МГТУ имени Баумана этот процент составляет 81,4 %. При этом игра в компьютерных клубах по ночам и увлечение «шутерами» в большей мере характерны именно для безнадзорных подростков с относительно высокой криминальной зараженностью. По нашим данным, высокая криминальная степень отмечается у 85,7 % из играющих по ночам. Кроме того, высокая криминальная степень у 56,5 % играющих в «шутеры», а у не играющих в них она полностью отсутствует. В то же время такой признак увлеченности компьютерными играми, как наличие специального «геймерского» сленга, показывает отрицательную связь со степенью криминализации личности подростка,

что свидетельствует о различии этих молодежных субкультур.

Другим важным противовесом компьютерным играм в досуге подростков следует считать регулярные занятия спортом, что подтверждается и исследованиями ряда авторов [9, с. 772-791; 11, с. 12-16; 13, с. 425-442]. Среди мальчиков, активно играющих в компьютерные игры, процент систематически посещающих спортивные секции значительно меньше (64,9% — из числа играющих в компьютерные игры и 87,5% — среди не играющих). В связи с этим отмечается большее влияние компьютера на их здоровье и их более низкая физическая форма. Так, из не имеющих проблем со здоровьем из-за компьютера регулярно занимаются спортом 80% мальчиков, а из имеющих такие проблемы — лишь 44,4%. При этом у всех здоровых в этом смысле подростков высокий уровень физического развития, а у лиц с признаками патологического влияния компьютера такая форма встречается лишь в 12,5% случаев.

Таким образом, имея статистически обоснованное представление о связи исследуемого поведения несовершеннолетних с рядом социальных и психологических факторов, можно приблизиться к более объективному пониманию места компьютерных игр среди других влияний на развитие личности подростка.

Литература

1. Иванов М.С. Формирование зависимости от ролевых компьютерных игр // http://flogiston.ru/users/m_s_ivanov.

2. Кленова Н.В. О воспитательном аспекте современных компьютерных игр // Празднично-игровая культура современного мира детства: доклады, тезисы, материалы науч.-практ. конф. / отв. ред. С.В. Григорьев, А.С. Фролов. — М.: МГДД(Ю)Т, 2004. — 204 с.

3. Куштина А. Проблема Heroinware // Компьютерра. — № 152 (10).

4. Федоров А.В. Школьники и компьютерные игры с «экраным насилием» // Педагогика. — 2004. — № 6.

5. Фомичева Ю.В., Шмелев А.Г., Бурмистров И.В. Психологические корреляты увлеченности компьютерными играми // Вестн. Моск. гос. ун-та. — Сер. 14. Психология. — 1991. — № 3. — С. 27-39.

6. Шакирова Л.И. Исследование мотивационной, эмоционально-волевой сферы и психофизиологических особенностей подростков с позиции влияния на них компьютерных игр агрессивного содержания: дис. ... канд. психол. наук. — Казань, 2006.

7. Шапкин С.А. Компьютерная игра: новая область психологических исследований // Психол. журн. — 1999. — Т. 20. — № 1.

8. Anderson C.A. An update on the effects of violent video games // Journal of Adolescence. — 2004. — № 27.

9. Anderson C.A., Dill K.E. Video games and aggressive thoughts, feelings, and behavior in the laboratory and in life // Journal of Personality & Social Psychology. — 2000. — № 78.

10. Becker D. Games junkies-hooked on «heroinware»? // CNETnews.com published on ZDNet News. — 2002. — April 12.

11. Buchman D.D., Funk J.B. Video and computer games in the '90s. Children's time commitment and game preference // Children Today. — 1996. — № 24.

12. Cantor J. Mommy, I'm Scared: Protecting Children from Frightening Mass Media // Media Violence Alert. — 2000.

13. Dietz T.L. An examination of violence and gender role portrayals in video games: implications for gender socialization and aggressive behavior // Sex Roles. — 1998. — № 38.

14. Funk J.B. Reevaluating the impact of video games // Clinical Pediatrics. — 1993. — № 32.

15. Gentile DA, Lynch PL, Linder J.R. & Walsh D.A. The Effects of violent video games habits on adolescent hostility, aggressive behavior and school performance // Journal of Adolescence. — 2004. — № 27.

РАЗЛИЧИЯ В ПРЕОДОЛЕНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ БАРЬЕРОВ У РАБОТАЮЩИХ И НЕРАБОТАЮЩИХ СТУДЕНТОВ

К. О. Владимиров

Аннотация: в статье приведен анализ различий уровня стресса, копинг-стратегий и смысловой ориентации у работающих и неработающих студентов. Теоретическая новизна статьи заключается в выявлении психологических барьеров у работающих и неработающих студентов, практическая новизна — в предложении результатов эмпирического исследования механизмов преодоления психологических барьеров у студентов в процессе трудоустройства и совмещения успешной работы и обучения.

Ключевые слова: психологические барьеры, защитно-совладающее поведение, стресс.

The summary: the analysis of differences of the stress level, coping strategies and sense orientation of employed and unemployed students is given in the article. The theoretical novelty of the article is concluded in the exposure of the psychological barriers of employed and unemployed students, the practical novelty is concluded in offering the results of the empiric investigation of the psychological defense mechanisms of the students in the process of their job placement and holding of the successful work together with education.

Key words: the psychological barriers, stress, unemployment, coping behaviour.

В настоящее время на рынке труда складывается трудная обстановка для

молодых специалистов. Современный работодатель предъявляет очень высокие требования к специалистам, в том числе к наличию опыта работы, что не позволяет выпускникам вузов и средних специальных учебных заведений устроиться на работу по выбранной специальности. Эти факторы способствуют росту безработицы среди населения в период ранней зрелости. В связи с этим современным студентам приходится устраиваться на низко квалифицированную работу еще в процессе обучения в специальном учебном заведении, что, в свою очередь, негативно влияет на качество образования. Совмещение работы и обучения является фактором развития стресса, а именно: посещение занятий после рабочего дня приводит к сильной усталости, студенты начинают пропускать занятия, у них не хватает времени на самостоятельную работу, что впоследствии приводит к конфликтам с преподавателями и проблемам с успеваемостью.

При исследовании стратегий преодоления психологических барьеров у работающих и неработающих студентов в первую очередь необходимо дать определение дефиниции «психологический барьер» и раскрыть основные аспекты данного психологического явления.

В широком смысле термин «барьер» (от франц. *barriere* — преграда, препятствие) в психологическом значении рассматривается как своеобразная реакция человека на препятствие, сопровожда-

ющаяся возникновением напряженного психического состояния.

В свою очередь, термин «психологический барьер» считается в какой-то степени самоочевидным понятием, поэтому ему не дают строгого определения. Во-первых, это приводит к нежелательным явлениям, так как неясно, что же именно кроется за теми или иными результатами, полученными в ходе психологического исследования; во-вторых, проблема психологических барьеров, являющаяся сама по себе сложной, по мере накопления все новых и новых результатов не становится яснее, а, наоборот, усложняется; в-третьих, многозначность понятия «психологический барьер» состоит в том, что оно обычно включается в разноплановые психологические исследования. При этом исследователи различных направлений часто подразумевают под этим понятием достаточно разные психологические образования, что отражено и в имеющихся определениях:

Барьер психологический — внутреннее препятствие психологической природы (нежелание, боязнь, неуверенность и т. п.), мешающее человеку успешно выполнять некоторое действие. Часто возникает в деловых и личных взаимоотношениях людей и препятствует установлению между ними открытых и доверительных отношений [9].

Психологический барьер — это отрицательное влияние прошлого опыта, препятствующее пониманию и правильной оценке ситуации, фактов, закономерностей, выбору способов действия, стратегии решения проблемы, инновациям [7].

В зарубежных психологических концепциях развития личности достаточ-

но полно представлены теоретические основы сущности психологических барьеров. К исследованию этой проблемы обращались З. Фрейд, К.Г. Юнг, А. Адлер, К. Роджерс, Э. Берн. В данных работах психологический барьер рассматривается в контексте основных направлений различных школ (психоаналитической теории развития личности, когнитивной, гуманистической психологии и др.).

Отечественная психология разрабатывает эту проблему в контексте деятельностного подхода, обоснованного Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, Б.Ф. Ломовым, Б.Д. Парыгиным, Р.Х. Шакуровым. Особое внимание уделяется различным видам психологических барьеров: смысловым (Л.И. Божович, М.С. Неймарк), барьерам в общении (В.А. Кан-Калик, Н.Н. Образов, Б.Д. Парыгин), барьерам в педагогической деятельности (Л.К. Маркова, Н.А. Подымов), инновационным барьерам (А.М. Хон, А.И. Пригожий, Л.С. Подымова). При этом психологический барьер рассматривается с разных позиций в зависимости от понимания его природы, сущности и способов анализа.

Тем не менее все исследователи отмечают, что процесс преодоления психологических барьеров сопровождается глубокой внутренней работой по преодолению сложившихся стереотипов деятельности, смысловому преобразованию ситуации, требующей повышенной активности и напряженности действий.

Таким образом, в решении проблемы преодоления психологических барьеров встает вопрос, какие именно стратегии поведения используют работающие студенты и что оказывает влияние на вы-

бор механизма психологической защиты в стрессовой ситуации.

В настоящем исследовании для проведения диагностического эксперимента по изучению различий в преодолении психологических барьеров у работающих и неработающих студентов была разработана схема экспериментального исследования с дальнейшим анализом и интерпретацией полученных данных.

Теоретический анализ проблемы исследования позволил выдвинуть исходную гипотезу: напряженное функционирование системы механизмов психологической защиты у студентов обусловлено совмещением работы и учебы. В рамках частных гипотез мы исходили из следующего предположения: отличительным критерием защитно-совладающего поведения, уровня стресса и экзистенциальной наполненности у студентов является обучение без профессиональной занятости или совмещение обучения с трудовой деятельностью.

Испытуемыми в исследовании выступили 40 студентов Московского колледжа дневной формы обучения. Они были разделены на 2 группы по 20 человек: работающие и неработающие студенты.

Диагностика проводилась индивидуально с каждым испытуемым по

одной и той же программе. Каждому испытуемому предлагалось пройти тестирование по методикам: шкала психологического стресса PSM-25, тест-опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций», тест-опросник «Диагностика копинг-стратегий», тест «Смыслжизненные ориентации» Д.А. Леонтьева. Данные, полученные по методикам, были усреднены и сведены в таблицы.

В ходе статистической обработки результатов тестирования выборочных средних величин нами применялся математический метод обработки данных: t-критерий Стьюдента. Гипотеза H_0 отвергается при $p < 0,5$; при $0,5 < p < 1$ мы говорим о наличии тенденции.

Анализ методики PSM-25 показал, что общий уровень психологического стресса у неработающих студентов составляет ППН=90,17 баллов, что соответствует низкому уровню стресса и свидетельствует о состоянии психологической адаптивности, в свою очередь, уровень стресса у работающих студентов составляет ППН=103,85 баллов, что соответствует среднему уровню стресса. Однако при математической обработке данных наблюдается тенденция преобладания стресса у работающих студентов ($\hat{z}=1,99$; $t_{кр}=1,68$).

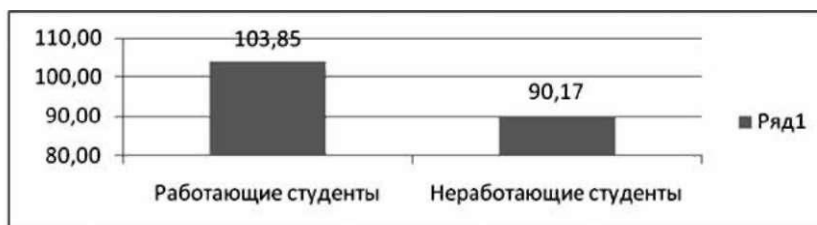

Рис. 1. Данные по методике «Шкала психологического стресса PSM-25»

Таблица 1

**Данные по методике теста-опросника
«Стратегии преодоления стрессовых ситуаций»**

Критерий	Работающие студенты	Неработающие студенты
Ассертивные действия	17,83	18,11
Вступление в социальный контакт	22,17	21,89
Поиск социальной поддержки	24,00	22,44
Осторожные действия	20,33	20,78
Импульсивные действия	18,50	19,11
Избегание	18,50	18,72
Непрямое действие	21,33	20,56
Асоциальные действия	19,83	16,89
Агрессивные действия	22,00	18,94

Это свидетельствует о том, что уровень стресса у работающих студентов выше, чем у неработающих, и вызван он отсутствием свободного времени для отдыха и возможными конфликтами с преподавателями.

Анализ данных по методике «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» показал, что преобладающими стратегиями у обеих групп являются *поиск социальной поддержки и вступление в социальный контакт*. Причиной тому может служить некоторая доля инфантилизма, так как у них еще не сформировалась полноценная ответственность за свою жизнь, и они ждут помощи со стороны родителей, других взрослых и друзей.

Установлены достоверные различия в преобладании выбора стратегий *асоциальное действие* ($\hat{\alpha}=2,03$; $t_{кр}=2,02$) и *агрессивное действие* ($\hat{\alpha}=2,13$; $t_{кр}=2,02$) у работающих студентов над неработающими, что указывает на незрелую позицию и использование малоэффективных способов совладания со стрессами.

При обработке данных по методике теста-опросника «Диагностика копинг-стратегий» было установлено, что преобладающими копинг-стратегиями у обеих групп являются такие, как *положительное истолкование, поиск активной и эмоциональной общественной поддержки*, что подтверждает данные по предыдущей методике. Анализ критериев показал статистически значимые различия в наиболее частом выборе работающими студентами, по сравнению с неработающими, следующих копинг-стратегий: *положительное истолкование* ($\hat{\alpha}=2,86$; $\hat{p}=2,02$), *поиск активной общественной поддержки* ($\hat{\alpha}=2,68$; $\hat{p}=2,02$), *юмор* ($\hat{\alpha}=2,57$; $\hat{p}=2,02$), *поиск эмоциональной общественной поддержки* ($\hat{\alpha}=2,12$; $\hat{p}=2,02$). Это может свидетельствовать о более активной жизненной позиции у работающих студентов, они сталкиваются с проблемами и находят пути их решения. Наблюдается тенденция в преобладании стратегии *поведенческое отстранение* ($\hat{\alpha}=1,963$; $t_{кр}=1,68$) у безработных студентов, что указы-

Таблица 2
Данные по методике теста-опросника «Диагностика копинг-стратегий»

Критерий	Работающие студенты	Неработающие студенты
Положительное истолкование	14,50	12,29
Ментальное отстранение	12,17	10,76
Фокус на эмоциях и их выражение	12,83	11,41
Поиск активной общественной поддержки	13,83	11,53
Активный копинг	11,83	11,47
Отрицание	9,50	9,82
Обращение к религии	8,83	8,53
Юмор	11,33	9,24
Поведенческое отстранение	8,17	9,65
Сдерживание	12,11	10,76
Поиск эмоциональной общественной поддержки	13,50	11,94
Употребление психоактивных веществ	5,83	5,88
Принятие	12,50	11,06
Подавление конкурирующей деятельности	11,00	11,12
Планирование	11,67	10,82

Таблица 3
Данные по методике теста «Смыслжизненные ориентации»

Критерий	Работающие студенты	Неработающие студенты
Цели в жизни	29,83	27,82
Процесс жизни, или интерес и эмоциональная насыщенность жизни	28,50	26,76
Результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией	22,67	23,88
Локус контроля — Я	18,67	18,00
Локус контроля — жизнь или управляемость жизнью	28,00	27,29

вает на их пассивность и инфантильность.

При анализе результатов теста «Смыслжизненные ориентации» статистически было выявлено, что у работающих студентов преобладает показа-

ние по шкалам *цели в жизни* ($\hat{z}=2,17$; $t_{кр}=2,02$) и *процесс жизни* ($\hat{z}=2,04$; $\hat{p}=2,02$). Данные показатели свидетельствуют о том, что у работающих студентов лучше сформированы цели на будущее, при этом их жизнь интересна,

эмоционально насыщена и наполнена смыслом. Они занимают более активную позицию в жизни и, как правило, добиваются больших результатов.

Таким образом, выдвинутая гипотеза о том, что отличительным критерием защитно-совладающего поведения, уровня стресса и экзистенциальной наполненности у студентов является обучение без профессиональной занятости или совмещение обучения с трудовой деятельностью, подтвердилась.

Исследование также показало, что общий уровень стресса у работающих студентов выше, чем у неработающих, но они успешно справляются с ним и вырабатывают более эффективные модели поведения, у них формируется активная жизненная позиция и наличие четких целей в жизни; неработающие студенты занимают более пассивную и инфантильную позицию, что при отсутствии у них опыта работы может негативно повлиять на их трудовую деятельность в дальнейшем.

Литература

1. Адлер А. Стиль жизни // Психология индивидуальных различий / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтера, В.Я. Романова. — М.: ЧеРо, 2000.

2. Берн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных. — СПб., 1994.

3. Божович Л.И. Избранные психологические труды / под ред. Д.И. Фельдштейна. — М., 1995.

4. Васелюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

5. Кан-Калик В.А. Грамматика общения. — М.: Роспедагенство, 1995.

6. Маркова А.К. Психология профессионализма. — М.: Знание, 1996.

7. Мухортов В.В. Психологические барьеры в изобретательстве: дис. ... канд. психол. наук. — М., 1989.

8. Неймарк М.С. Некоторые проблемы личности школьника. — М.: Знание, 1975.

9. Немов Р.С. Психология: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: в 2 кн. Кн. 2. Психология образования. — М.: Просвещение; Владос, 1994.

10. Обозов Н.Н. Психология межличностных отношений. — Киев: Лыбидь, 1990.

11. Парыгин Б.Д. Психологический барьер и его природа // Социальная психология и философия. — Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та имени Герцена, 1975. — Вып. 3.

12. Подымов Н.А. Психологические барьеры в педагогической деятельности: монография. — М.: Прометей, 1998.

13. Подымова Л.С. Подготовка учителя к инновационной деятельности: в 2 ч. — М., 1995.

14. Пригожий А.И. Нововведения: стимул и препятствия (Социальные проблемы инноватики). — М.: Политиздат, 1989.

15. Фрейд З. О психоанализе. Пять лекций // Хрестоматия по истории психологии / под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. — М., 1980.

16. Хон А.М. Психологические барьеры при внедрении нововведений в школьную практику и некоторые пути их преодоления. — Алма-Ата, 1986.

ПЕРСОНАЛ УИС В ПЕРИОД РАЗВИТИЯ НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДО 2020 ГОДА

В. И. Огородников, В. Н. Летунов

Аннотация: в статье содержатся предложения по совершенствованию продвижения руководителей различного уровня управления в структурных подразделениях УИС. Рассматриваются виды карьеры, в том числе виды, присущие деятельности уголовно-исполнительной системы. Выделены направления развития служб в период развития на основе Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года.

Ключевые слова: персонал, кафедре, служебная карьера руководителя, определение служебной карьеры руководителя УИС, преобразование исправительных учреждений в структуре подразделения открытого и закрытого типа, отдел режима и надзора, перемещение сотрудника, руководителя по горизонтали и вертикали, организация работы в государственном управлении.

The summary: this article contains suggestions for improving the promotion of managers at different levels of management in subdivisions UIS. Considered types of careers, including species specific to the activities of the correctional system. Identified areas of service development during the period of development based on the Concept of development of the penal system of the Russian Federation until 2020.

Keywords: staff, faculty, career service director, the definition of service career leader UIS transformation of correctional

institutions in the structure of units open and closed, the department and oversight regime, the movement of staff, the head of the horizontal and vertical organization of work in public administration.

Процесс преобразования уголовно-исполнительной системы в России на новом качественном уровне, отвечающий целям и задачам развития российской государственности, должен учитывать положительный зарубежный опыт, адаптировать его к отечественным условиям и формировать кадровое ядро с учетом обоих рассмотренных подходов.

Учитывая значительную активизацию исследований в сфере кадровой работы, следует отметить, что они качественно меняются по своей направленности. Прежде всего речь идет о формировании достаточно самостоятельного направления, связанного с управлением персоналом в период проведения оргштатных мероприятий в исправительных учреждениях (тюрьмах), колониях-поселениях, воспитательных колониях и других структурных подразделениях ФСИН России.

В связи с этим нельзя не согласиться с утверждением, что управление персоналом как осознанное, организованное воздействие на сотрудников с целью достижения определенных результатов — явление весьма многогранное и слож-

ное по содержанию и организационно-структурным формам.

Составной частью такого воздействия выступает управление карьерой, которая требует особого подхода в связи с увеличением роли одних должностей и уменьшением роли других.

Особый акцент необходимо сделать на анализе состояния и причин снижения профессионализма значительной части служащих. При этом следует обосновать необходимость и обозначить пути обеспечения высокого уровня профессиональной компетентности персонала, повышения качества труда как основы профессионально-должностной карьеры; определить теоретические, образовательные и организационные государственно-управленческие процессы.

При разработке проблемы управления профессиональным ростом (служебной карьерой) сотрудников УИС в период преобразования системы целесообразно использовать имеющиеся наработки в деятельности государственных служащих. Прежде всего управление профессиональным ростом руководителей УИС должно не просто рассматриваться как административно-правовой акт назначения на должность, а охватывать весь процесс, этапы прохождения службы. Требуется пересмотреть порядок назначения на должность в соответствии с ранее полученной специальностью и образованием, необходимо внести изменения и в квалификационный справочник.

Служебная карьера руководителя предполагает продвижение по службе в соответствии с принятой номенклатурой должностей согласно штатному расписанию. В этом проявляется динамизм карьеры, что имеет существенное зна-

чение для организации процесса управления карьерой. Следует также определить, что продвижение по службе руководителя является не только его личным актом выбора, но и актом выбора со стороны того структурного подразделения ФСИН России, которое он представляет. Такое понимание карьеры свидетельствует о сложности и противоречивости управления данным процессом.

Служебная карьера руководителя УИС предполагает существенное изменение его правового статуса в системе социального управления, что может выражаться в повышении ответственности, более высокой заработной плате. Немаловажное значение имеют и социальные последствия таких изменений, как престиж, власть, высокое положение, звание и т. д.

Служебная карьера руководителя характеризуется также и тем, что она предполагает изменение содержания его деятельности, существенные изменения в технологии труда. Общая закономерность проявляется в том, что чем выше уровень должностного положения, тем больше времени у руководителя занимают вопросы организации работы подчиненных, взаимодействие с другими государственными органами, представительские функции и т. п. Все это повышает требования к развитию личности руководителя в целом.

С учетом изложенного можно предложить следующее определение анализируемого понятия. Служебная карьера руководителя УИС — это его реализованный профессиональный потенциал, основанный на предыдущем обучении, самообразовании, творческом развитии, высоких морально-нравственных качествах, сопровождающийся измене-

нием административно-правового статуса за счет назначения на другую работу с большим объемом.

Приведенное определение не может охватить в полной мере все аспекты этого сложного понятия. Однако в отличие от ранее предлагаемых в литературе определений карьеры сотрудников, оно характеризуется как минимум двумя новыми подходами: 1) служебная карьера руководителя УИС — это не просто административно-правовой акт, связанный с занятием определенной должности, а система отношений, в которые вступает руководитель по мере его продвижения по службе; 2) продвижение по службе, как сущностный признак карьеры, предполагает всегда путь, результат его трудовой и профессиональной деятельности.

Следующий важный вопрос, который возникает при исследовании теоретических основ карьеры руководителей в период преобразования УИС, связан с тем, какая ее классификация остается, ибо с преобразованием структурных подразделений УИС из исправительных колоний (общего, строгого и особого режимов) в тюрьмы тех же видов будет меняться их организационная структура. Естественно, одним службам будет отдаваться большее предпочтение, а другим меньшее.

Самыми многочисленными службами станут: отделы режима и надзора, охраны и конвоирования, кадровой и воспитательной, психологической и социальной работы, которые будут являться основными для выдвижения их сотрудников в резерв кадров и на вышестоящие руководящие должности, так как они основные и напрямую связаны с работой с осужденными.

Сотрудники, проработавшие здесь 3-5 лет, будут обязательно выдвигаться в дальнейшем на работу с большим объемом, так как эти службы выполняют специальные (основные) функции УИС.

Если в структуре тюрем сохранится оперативный отдел, то он также будет являться службой, из которой сотрудников будут выдвигать на вышестоящие должности.

Систематизация видов служебной карьеры руководителей УИС не является самоцелью, она позволяет более обоснованно решить прикладные проблемы, связанные с разработкой механизма управления карьерой.

Обоснование видов карьеры определяется теми классификационными критериями, которые при этом используются. Поскольку карьера всегда персонализирована, связана с личностью и ролью руководителя в системе управления УИС, то ее целесообразно классифицировать прежде всего по такому основанию, как уровни должностного роста, в рамках которых происходит продвижение по службе руководителей УИС. В связи с этим сотрудник, получивший специальность «бакалавр», может занимать должность инспектора, психолога, инженера, а на должность старшего инспектора, старшего психолога, старшего инженера должны приниматься сотрудники с образованием «специалист» или до старших включительно — «бакалавр», а выше заместителя начальника службы и т. д. — «специалист», «магистр». Это продвижение может быть как в рамках одного уровня, так и применительно к различным уровням управления УИС. В первом случае речь идет о горизонтальной, во втором — о вертикальной карьере руководителя (в нашем случае УИС).

Так, говоря о карьере, подчеркивают, что сотрудник перемещается по службе в рамках занимаемой должности путем расширения и усложнения полномочий, то есть увеличения объема функциональных обязанностей, которое, как правило, сопровождается соответствующими изменениями материального вознаграждения, например, инспектор — старший инспектор. В отличие от этого, вертикальная карьера предполагает движение его вверх по иерархической служебной лестнице. Этот вид карьеры наглядно связан со служебным продвижением руководителей. Однако и горизонтальная карьера также имеет отношение не только к специалистам узкой специализации, но и к руководителям [1].

Отметим особенности, а также положительные и отрицательные стороны указанных видов карьеры.

Можно ли говорить о горизонтальной карьере руководителей УИС, когда речь идет о том, что руководитель изменяет свое должностное положение в рамках одного уровня управления?

На наш взгляд, можно, поскольку статус отделов, служб УИС различен, например, обеспечивающие (кадры), отраслевые (отдел режима и надзора, отдел охраны и т. д.). В связи с этим перемещение руководителя даже на одном уровне управления приводит к изменению его официального и неофициального статуса, расширению и усложнению круга его должностных полномочий. Особенностью данного вида карьеры является то, что акцент делается на приобретении профессионального опыта руководства различными направлениями деятельности УИС. Это позволяет посмотреть на функционирование УИС как бы с раз-

личных сторон, что важно для руководства УИС с позиции первого руководителя. О целесообразности такого подхода к горизонтальной карьере руководителя (когда он последовательно работает в различных ведущих структурах организации) специально подчеркивается в литературе, касающейся вопросов управления карьерой. Так, А. М. Омаров указывает, что «последовательное и целенаправленное перемещение перспективного руководителя по специально выбранной группе должностей, в каждой из которых на него возлагаются функции, заметно отличающиеся от ранее исполнявшихся, позволяет приобрести разносторонний опыт для будущей деятельности на посту с более общими функциями» [2, с. 238].

Особенности вертикальной служебной карьеры руководителей УИС связаны с тем, что руководитель растет по службе посредством перемещения его на более высокую должность в иерархической лестнице управления: начальник отделения, начальник службы, начальник отдела, заместитель начальника органа и учреждения и т. д. Это приводит к расширению полномочий, а следовательно, к реальной власти, возможности распоряжаться ресурсами системы, принимать управленческие решения. Последнее является для многих руководителей основным побудительным мотивом для движения по служебной иерархической лестнице.

Вертикальная служебная карьера руководителя УИС имеет и другие особенности. В отличие от горизонтальной, в данном случае наибольшее значение приобретают профессиональные знания по управлению, опыт организаторской работы. Следует отметить, что

чем выше уровень управления УИС, тем больше места в работе руководителя занимают вопросы так называемого общего управления. При этом данная деятельность как бы удаляется от предметной, профессиональной. На первое место выдвигаются вопросы планирования, регулирования, прогнозирования, организации, взаимодействия, контроля и других общих функций управления [3].

Пребывание работника на каждой должностной ступени имеет свои оптимальные сроки с точки зрения роста квалификации и реализации личностных интересов. Вступление в должность после непродолжительного периода адаптации, как правило, приводит к постепенному наращиванию квалификационного потенциала, росту мотивации и интереса к данной службе. Однако по прошествии ряда лет определенная ограниченность функциональных обязанностей по каждой должности начинает играть роль сдерживающего фактора для квалификационного и личностного роста, вследствие чего возникают субъективные причины его желания перевода на другую должность (в горизонтальном или вертикальном ряду).

Таким образом, сроки пребывания на каждой должностной ступени, а значит и скорость должностного передвижения должны определяться с учетом уровня квалификации и мотивации к службе.

Служебная карьера руководителей ФСИН России (как и любой иной вид деятельности) ограничена временными рамками. При этом целесообразно выделить два аспекта указанной проблемы: во-первых, время, которое занимает карьера в целом, с момента поступления на службу и до ее завершения; во-вторых, время, которое руководитель со-

стоит в той или иной должности. Последнее имеет важное значение для рассматриваемого нами вопроса — классификации служебной карьеры руководителей УИС. С учетом временного критерия можно выделить три типа карьеры: скоростной, средний, медленный. В структурных подразделениях тип скоростной карьеры наблюдается редко, чаще имеют место средний и медленный.

Главное при отнесении той или иной карьеры руководителя к указанным группам — это определение времени, которое является оптимальным для нахождения руководителя на одной должности. Данный вопрос не просто технический, от его решения зависят динамичность карьеры, устранение так называемых карьерных тупиков, стабильность кадрового потенциала. В связи с этим «определение периодичности, исходя из времени наиболее эффективной деятельности руководителя, имеет существенное значение для регулирования его карьеры» [2, с. 245].

В литературе имеются различные рекомендации по организации работы в государственном управлении относительно того, сколько лет руководитель, поднимаясь по служебной лестнице, должен находиться на одной должности. Как правило, называются цифры от 3 до 7 лет, что применительно и к сотрудникам УИС [4, с. 301].

Литература

1. Охотский Е. В. Служебная карьера. — М., 1998.
2. Омаров А. М. Руководитель: Размышления о стиле управления. — 2-е изд. — М., 1997.
3. Теория управления в сфере правоохранительной деятельности / под ред. В. Д. Малкова. — М., 1990.
4. Шекшня С. Как это сказать по-русски? (современные методы управления персоналом в современной России). — М., 2003.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ МОТИВАЦИИ СОТРУДНИКОВ И ОСУЖДЕННЫХ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

А. В. Наприс

Аннотация: в статье отражены психологические проблемы мотивации сотрудников и осужденных, возникающие в связи с развитием уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: развитие уголовно-исполнительной системы, профессиональная мотивация сотрудников, мотивационные теории личности преступника, психологическое консультирование.

The summary: This article reflects the psychological problems of motivation of staff and inmates, arising from the development of the criminal but the correctional system.

Key words: development of the correctional system, professional staff motivation, motivational theory of personality offender counseling.

Исходными положениями современного развития уголовно-исполнительной системы (УИС) с учетом человеческого (психологического) фактора являются:

- максимальная дифференциация исполнения наказания в виде лишения свободы в зависимости от личности осужденного и степени общественной опасности совершенного преступления;
- расширение возможности применения к осужденным стимулирующих механизмов;
- психологическое изучение личности осужденных с точки зрения выявле-

ния особенных признаков, выработка на этой основе методики работы с ними;

- преодоление непрофессионализма, некомпетентности, нелояльности сотрудников и связанных с ними злоупотреблений служебным положением и превышением служебных полномочий, коррупции [9, с. 6, 9, 21, 54].

Дифференциация осужденных по степени общественной опасности совершенного преступления должна, на наш взгляд, содержать в себе не только индивидуальные уголовно-правовые признаки, но и признаки групповой дифференциации преступников, существующие сегодня в криминологии.

Обычные преступники — это граждане, которые, как правило, совершают единичные преступления и не склонны к преступной деятельности.

Преступники-профессионалы — характеризуются рецидивом поведения, указывающим на криминальную специализацию («окраску»). Для многих из них преступления становятся средством к существованию или образом жизни.

Члены организованных преступных групп — представляют опасность не только для общества, но и для государства. Во-первых, они пытаются повторить структуру государственного устройства с разветвленными органами управления, разведкой, контрразведкой, информационной системой, коммерческой и банковской деятельно-

стью. Для работы вербуются высокооплачиваемые лица, сотрудники правоохранительных органов, а теперь уже и ученые. Во-вторых, некоторые организованные преступные группы (так называемая мафия, террористические организации) давно носят транснациональный характер и противостоят государственности в целом.

Подобная дифференциация с учетом назначения вида исправительного учреждения и степени изоляции осужденных может являться адекватной мерой реагирования на современные тенденции развития преступности.

Анализируя проблемы исполнения уголовных наказаний с позиции гуманизации, необходимо особое внимание уделять профессиональной мотивации сотрудников. В данном случае важны три составляющие мотивационной структуры:

- интерес сотрудников к профессии—работе с людьми (гуманистическая или душеведческая по Е.А. Климову, антропологическая по В.М. Шепелю, направленность личности; характеризуя профессиональную направленность сотрудников правоохранительных органов, в систему которых входят и разведывательные органы, премьер-министр В.В. Путин на вопрос о своей предыдущей работе в разведке ответил: «Я был специалистом по работе с людьми» [4, с. 26]);
- стремление к профессиональной, в том числе психолого-педагогической компетентности;
- лояльность к службе.

Реформа УИС, следуя общим направлениям реформирования государственной системы России, должна быть направлена на формирование «думающих» сотрудников и разработку компакт-

ных, действенных путей и методов достижения профессиональных целей. В нашем случае — исправления осужденных. Лозунг прошлых лет: «Полностью изменить сознание осужденных» носит глобальный, общий характер, а следовательно, не может являться установкой к действию для специалиста. При воздействии на человека, коррекции его психики необходима тонкая работа, точечное воздействие, направленное на стержневые особенности его личности. Такой стержневой характеристикой личности выступает мотивация. Она отражает цели, роли, состояния, к которым стремится индивид. Неслучайно Н.Д. Левитов назвал стремление «стержневой характеристикой личности», без которого невозможна успешная организация воспитательного процесса [2, с. 242, 249-258].

Мотивация — это сложное психологическое явление, указывающее на то, что поведенческая активность человека вызывается множеством различных факторов: внутренними факторами — психическим состоянием, знаниями, умениями, опытом человека, внешними или средовыми — сложившейся ситуацией, системой отношений и т. д.

Проблема мотивации поведения человека интересовала ученых издревле. Причем уже философы древнего мира — Аристотель, Демокрит, Сократ, Платон и другие пытались связывать исследования мотивации с государством, правом и общественной моралью. Так, по мнению Демокрита, закон направлен против тех, кто в силу нравственных и умственных пороков добровольно не побуждается к добродетели внутренним влечением. «... Тот, кто воздерживается от несправедливости, только подчиняясь закону, бу-

дет, вероятно, грешить в тайне; тот же, кого побуждают поступать должным образом его убеждения, вряд ли станет делать что-нибудь неподобающее, все равно тайно или явно» [3, с. 361].

В настоящее время насчитываются десятки теорий мотивации и каждая из них способна внести свой вклад в исследование проблемы мотивации преступников.

Возникает самый главный вопрос: «Для каких целей исследовать психологию осужденных?».

По мнению С.В. Познышева, тюрьма должна стать «социальной клиникой» [8, с. 42]. Иногда это выражение понимается тривиально. Клиника привычно воспринимается как учреждение, деятельность которого связана с лечением больных. Это правильно. При этом если понимать болезнь как отклонение, то преступность — это социальная болезнь. Однако важная составляющая понятия «клиника» — это учреждение, которое занимается проведением научных исследований [6, с. 277; 11, с. 312]. Если уж речь идет о преступниках, а в основе преступного поведения лежат прежде всего криминальные мотивы, то логично будет предположить, что исследования осужденных должны строиться вокруг стержневой характеристики их личности — мотивации. Исследователи должны понять, почему человек поступил определенным образом, почему он совершил преступление. В результате должен сформироваться банк данных психологических характеристик на осужденного преступника, включая мотивационные особенности.

Взгляды на сущность и происхождение мотивации человека неоднократно менялись, но неизменными оставались

два основных философских течения: *иррационализм* и *рационализм*.

Иррационализм как учение развилось из представлений о поведении животных. Утверждалось, что поведение управляется темными, неосознаваемыми силами биологического порядка, имеющими свои истоки в органических потребностях. Наличие сознания не предполагалось. Идеи иррационализма в большей степени послужили источником развития глубинной и поведенческой видов психологии.

Согласно *рационалистической позиции* считалось, что человек наделен разумом, мышлением, сознанием, обладает волей и свободой выбора, которые лежат в основе мотивации поведения. В большей степени подобные подходы к пониманию психики человека получили реализацию в когнитивных и гуманистических теориях.

Если психоаналитический и бихевиористический подходы рассматривают человека как пассивное начало, поведение которого зависит всецело от внутренних и внешних факторов, и основные усилия сводятся к анализу скрытых мотивационных сил и стимулированию поведения, то когнитивная и гуманистическая концепции наделяют индивиду активностью, стремлением к инициированию целей и самоактуализации.

Необходимо отметить, что отечественная психология избежала подобных крайностей. Внутренние и внешние условия, сознание и окружающая действительность рассматривались как не связанные воедино в процессе осмысления поведения человека. Первые экспериментальные исследования по психологии в России, проведенные И.М. Сеченовым, И.П. Павловым, А.А. Ухтом-

ским и другими, свидетельствуют об этом.

В научном мире существует предположение, что источником для экспериментов бихевиористов послужили исследования рефлексов в России. Начал эти исследования И.М. Сеченов. Пытаясь приложить свое учение к объяснению поведения, он с позиции физиологии и психологии обосновал возможность исправления преступников через определение внутренних закономерностей развития личности. Он указывал, что в «рефлексах головного мозга окружающие условия сами воздействуют на человека, желает он того или нет» [10, с. 117]. Этот процесс «столкновения человека с жизнью» играет самую важную роль в его воспитании, понимаемом в широком смысле слова [10, с. 114]. В дальнейшем И.П. Павлов, окрыленный открытиями И.М. Сеченова, проводит исследования условных рефлексов животных, развивая *теорию высшей нервной деятельности*. Именно эта теория вызвала непосредственный интерес у бихевиористов. Однако, в отличие от бихевиористов, И.П. Павлов в работе «Рефлекс цели» заявил, что человеком движет не рефлекс, а цель.

С начала **20-х годов XX** в. свои публичные выступления с обоснованием принципа доминанты начинает А.А. Ухтомский. Согласно его точке зрения, доминанта — «продукт суммирования возбуждений», «место» в нервной системе, к которому «прирастает все нужное и ненужное». Вырастая из следов прошлого, доминанты побуждают к определенному поведению, предопределяя будущее человека. Возможность формирования направленности поведения он видел в ежедневном неусыпном культивировании

требуемых доминант [13, с. 283-287], то есть постоянное воздействие способно изменить человека в определенном направлении.

Одной из наиболее завершенных концепций мотивации можно назвать *теорию деятельностного подхода*, созданную А.Н. Леонтьевым и продолженную в работах его учеников и последователей. Согласно данной концепции мотивационная сфера человека имеет свои источники в практической деятельности. Центральным понятием является «сдвиг мотива на цель», смысл которого кратко можно выразить в том, что освоение и развитие деятельности приводит к изменениям в мотивационной сфере, приобретению человеком новых потребностей, мотивов и целей. В дальнейшем принцип включения осужденных в активную общественно полезную деятельность стал одним из основных принципов исправления осужденных [1, с. 44].

Все многообразие причин и условий, которые вплетаются в мотивацию человека, в том числе криминальную, и становятся ее структурными компонентами, можно представить следующими теориями.

1. *Биопсихические теории*. Ведущая роль в них отводится конкретным индивидуальным особенностям (конституционным, эндокринным, генетическим и др.). Одно из основных учений — френология Ф. Галля, который полагал, что лицо человека позволяет судить об особенностях его характера, наклонностях, умственных способностях и пр. [14].

В XVIII столетии в рамках данного подхода первую попытку связать психические особенности заключенных с преступным поведением осуществил итальянский психиатр Ч. Ломброзо.

Основываясь на антропологических, анатомических обследованиях заключенных, он определил прирожденного преступника как скрытого эпилептика (позже психопата), который отличается от правопослушного человека не только анатомофизическими признаками, роднящими с предками-дикарями, но и психологическими личностными особенностями: отсутствием раскаяния и угрызений совести, цинизмом, склонностью к предательству, мстительностью, жестокостью, леностью, тщеславию, любовью к оргиям и азартным играм.

В XX в. американский психолог У. Шелдон и немецкий врач-психиатр Э. Кречмер попытались объяснить причины преступного поведения на основе конституционально-морфологической теории темперамента.

2. Психоаналитические теории. З. Фрейд, К. Юнг и А. Адлер в качестве основных причин преступности рассматривали феномены, связанные с бессознательными проявлениями индивидуальной и общественной психики — механизмами психологической защиты, внутриличностными конфликтами, кризисами и др.

3. Теории черт личности. Определенные черты или их сочетание (например, по Х.Д. Айзенку—*экстраверсия* и *нейротизм*) рассматриваются в качестве факторов, склоняющих личность к совершению определенных типов преступлений.

4. Теории эмоциональных проблем. Представители этого направления считают, что основной причиной преступности являются неуспешность реализации личностью поведения в социальной среде и возникновение на этой почве состояний фрустрации и деперсонализации.

5. Теории «душевных расстройств».

Доказывается, что конкретные типы психиатрических заболеваний — неврозы, психозы, фобии, импульсивные расстройства и пр. могут обуславливать совершение определенных типов преступлений.

6. Бихевиористические теории научения. Преступное поведение рассматривается как асоциальные реакции, выработанные человеком в процессе онтогенеза — освоения криминогенной субкультуры конкретных общностей и социальных слоев.

7. Теории социопатической личности. Утверждается, что негативные реакции окружающих людей в отношении лиц, впервые нарушивших социальные правила поведения, их дальнейшее осуждение, влекут за собой стигматизацию (клеймение) и запускают социопатогенез, которые формируют особое самовосприятие и укрепляют веру человека в неизбежность преступного жизненного пути.

8. Теории мыслительных моделей. Считается, что лица, склонные к преступлениям, имеют внутренние условия в виде особенностей познавательной сферы (интеллекта, стиля мышления и пр.), которые развиваются в процессе онтогенеза и являются причиной асоциального поведения личности. Одним из представителей данных теорий можно считать швейцарского психолога и психиатра К. Юнга, выделявшего типы интровертов и экстравертов [7].

Отечественные юридические психологи в качестве мотивационных факторов, детерминирующих преступное поведение, выделяют следующие.

А.Р. Ратинов (1973, 1981) особое внимание уделяет проблемам *социально-ценностной деградации* и

дефектов психической регуляции. Преступники отличаются особой жизненной философией, в основе которой лежат искаженные представления в отношении таких ценностей, как общественно полезная деятельность, нравственность, эстетическое удовольствие, брак, семья, дети. Они проявляют фатализм и пессимизм (то есть крайне отрицательно оценивают прожитую жизнь, повседневные дела и жизненные перспективы), имеют заниженную потребность в социально-приемлемой регуляции.

В исследованиях Ю.А. Антоняна, М.И. Еникеева и В.Е. Эминова (1998) установлено, что в качестве психологических предпосылок преступного поведения могут выступать феномены *отчуждения и тревожности*.

Экспериментальные исследования психологии различных категорий преступников: расхитителей, корыстно-насильственных преступников, воров, насильников, серийных сексуальных убийц, проведенные в 80-е годы XX в. позволили выявить особенности мотивационной сферы исследуемых. Наивысший уровень саморегуляции поведения наблюдался у корыстно-насильственных преступников, наименьший у серийных сексуальных убийц. Уровень саморегуляции указывает на степень осознанности мотивов преступных деяний.

На наш взгляд, особого внимания в русле объяснения криминального поведения и развития института уголовных наказаний заслуживают следующие психологические теории и концепции.

Теория социальная научения Б. Скиннера. Суть ее в том, что человек научается поведению, наблюдая за поведением других людей. Если определенное (например, агрессивное) поведение приво-

дит к желаемым результатам, то очень велика возможность того, что наблюдатель начнет имитировать поведение. Наибольшее влияние имеет информация, которая фиксируется человеком пассивно. В связи с этим применительно к исправительным учреждениям существует необходимость создавать такие социальные условия-отношения, которые бы «научали» осужденных вести себя правопослушным образом.

В современных психологических концепциях мотивации преобладает *когнитивный подход*, в рамках которого А. Бандура обнаружил влияние представления человека о личностной «самоэффективности» на выбор определенных целей. Исправление в идеальном варианте предполагает формирование «самоэффективной» личности. В данном аналитическом контексте представляет интерес теория «*инструментального действия*» В. Вроома. Инструментальность понимается как возможность определенных действий служить средством достижения целей. Набор инструментальных возможностей у каждого человека ограничен. Это позволяет прогнозировать поведение человека, связывая его с целями и потребностями, которые он желал бы удовлетворить. Характерно, что осужденные часто отбывают наказание за преступления, в основе которых лежат их привычные инструментальные действия: владеющие силой, навыками борьбы, драки — за телесные повреждения; общительные, коммуникативные — за мошенничество, кражи в общественных местах; агрессивные — за убийства и т. д.

Исследуя мотивацию, Ю. Роттер ввел понятие «*локус контроля*», которое характеризует представления человека о

том, в какой степени результаты его деятельности зависят от него самого (внутренний локус контроля) или от обстоятельств (внешний локус контроля). Установлено, что человек, обладающий внутренним локусом контроля, проявляет больше ответственности. Около 70-80 % осужденных обладают внешним локусом контроля.

Теория когнитивного диссонанса. Одним из наиболее действенных мотивов поведения, по мнению Л. Фестингера, является стремление индивида снять или уменьшить возникшее рассогласование в системе знаний о мире и себе. Наиболее выраженное мотивационное влияние на человека когнитивный диссонанс оказывает в противоречивых ситуациях принятия жизненно важных решений. Индивид активно избегает ситуаций, способных породить когнитивный диссонанс. Когнитивный диссонанс во многом объясняет, почему осужденных бывает трудно изменить. Исправление связано с утратой устойчивой жизненной позиции, постоянства, повседневных привычных стереотипов отношений и поведения. Изменение — это всегда шаг в неизвестность, что само по себе вызывает тревожность.

Более глубокому пониманию психологических механизмов исполнения наказаний может служить *модель поведенческого торможения* Дж. Грея. В соответствии с этой моделью наказание или отсутствие вознаграждения активируют систему торможения. По мнению Дж. Грея, человек формируется с повышенной тревожностью. Согласно же исследованиям Д. Барлоу (1988), тревожность вызывает у человека все большую дисфункциональность и негативное восприятие окружающей дей-

ствительности. Чем жестче проводится тормозящая функция наказания, тем в большей степени выше риск возникновения у осужденных деструктивных — то есть неадаптивных, асоциальных, криминальных форм поведения.

Источниками правонарушений, с точки зрения Р. Фрэнкина, выступают желания человека и то, что он считает правильным для себя. Одним из основных источников правонарушений, по мнению Дж. Микула, Б. Петри, Н. Танзер (1989), являются попытки восстановить социальную справедливость. Они выделяют такие понятия, как «*дистрибутивная справедливость*», отражающая честность распределения ресурсов; «*процедурная справедливость*», относящаяся к правилам разрешения конфликтов; «*справедливость во взаимодействии*», указывающая нормы, демонстрирующие уважение, лояльность.

Зарубежные психологи — М. Готтфредсон и Т. Хирч (1990), которые пытаются создать обобщенную теорию преступлений, убеждены, что главная причина совершения людьми преступлений кроется в *плохо развитой способности контролировать свою импульсивность*. При этом называются следующие личностные характеристики:

1) потребность в непосредственном удовлетворении желаний;

2) желание избегать больших вложений денег или тратить энергию (деньги без работы, секс без ухаживаний);

3) предпочтение занятий, которые возбуждают, захватывают дух или являются рискованными;

4) отсутствие долгосрочных обязательств в межличностном или экономическом плане (например, речь может идти об отсутствии инвестиций);

5) отсутствие планирования;

6) невосприимчивость к боли или дискомфорту других людей.

При рассмотрении проблем исправления осужденных оптимизм вселяют *гуманистические теории* А. Маслоу и К. Роджерса, в которых психология людей рассматривается как источник добра, врожденного стремления к росту и совершенствованию. На самом деле единственная возможность изменить человека кроется в его развитии. Сопровождение личностного роста — основа педагогики. Педагогика (от греч. «пейда» — ребенок, «гогос» — вести) — дословно переводится как «детовожделение» или современным психологическим языком — сопровождение. Развитие личности является основной целью педагогических усилий, а развивающий и воспитывающий характер обучения определяет один из основных принципов педагогики.

Современная модель правоохранительной деятельности, включая исправление осужденных, рассматривается как социальное сопровождение, обеспечивающая деятельность.

В зарубежной психологической практике одной из главных моделей обслуживания выступает консультация [12, с. 32].

Идеи, заложенные в различных техниках консультирования [5], способны значительно обогатить представления о возможностях исправления осужденных. Рассмотрим основные из них.

Гуманистический подход. Предлагается создание условий, которые бы стимулировали человека к самопознанию и самоизменению, позволяя реализовать лучшие позитивные качества (К. Роджерс), гармония отношений при

этом достигается в результате обучения человека преодолению экзистенциальных кризисов и взятию на себя ответственности за собственную жизнь (Ф. Перлс); контроль жизни связывается с навыками эффективного поведения (У. Глассер); развитие роли Взрослого и преодоление ролей Родителя и Ребенка (Э. Берн).

Экзистенциальный подход. В основе лежат идеи преодоления тревоги, препятствующей переживанию реальности (И. Ял, Р. Мэй), и формирования ответственности в процессе нахождения смысла жизни (В. Франкл).

Психоаналитический подход. Считается, что умение принимать реалистичные решения достигается устранением неврозов и подавленности, идущих из прошлого (З. Фрейд).

Бихевиоральный подход — предусматривает эффективные социальные навыки, устранение дефицита в поведенческих репертуарах, усиление адаптивных форм поведения, устранение реакции тревоги и развитие способности расслабиться (И.П. Павлов, Дж. Уотсон, Б. Скиннер, Г. Айзенк и др.).

Когнитивно-поведенческий подход. Направлен на формирование навыков саморегуляции, мотивации к достижению успеха, привычки к здоровому образу жизни (А. Бандура); обсуждение иррациональных идей и формирование новой эффективной философии ведет к адекватному поведению (А. Эллис); навыки обработки информации, позволяют исправить вредные укоренившиеся стереотипы мышления (А. Бек).

Эклектический и интегральный подход. Осуществляется попытка определить сенсорные, образные, когнитивные и межличностные факторы, пре-

пятствующим удовлетворению насущных потребностей человека (А. Лазарус), сформировать способности, позволяющие справляться с жизненными проблемами (Р. Нельсон-Джоунс).

Таким образом, различные отечественные и зарубежные психологические теории позволяют представить объемную картину криминальной мотивации поведения и более адекватно подойти к определению путей, средств, методов и приемов психолого-педагогического воздействия на осужденных.

Литература

1. Исправительная (пенитенциарная) педагогика / под ред. А.И. Зубкова, М.П. Стуровой. — Рязань: Ряз. высш. шк. МВД РФ, 1993.
2. Левитов Н.Д. Вопросы психологии характера. — М.: АПН РСФСР, 1952.
3. Лурье С.Я. Демокрит. — Л., 1970.

4. Медведев Р.А. Владимир Путин. — М.: Молодая гвардия, 2008.

5. Нельсон-Джоунс Р. Теория и практика консультирования. — СПб.: Питер, 2000.

6. Ожегов СИ, Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: Азбуковник, 1999.

7. Поздняков В.М. Очерк по истории пенитенциарной психологии. — М., 1998.

8. Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. — М., 1925.

9. Реформирование уголовно-исполнительной системы: теоретическая модель (авторский вариант) / под общ. ред. А.А. Реймера. — М.; Рязань: Академия ФСИН России, 2009.

10. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга // Избр. философ. и психол. произв. — М., 1947.

11. Словарь иностранных слов. — М.: Рус. яз. Медиа, 2005.

12. Уоллес В, Холл Д. Психологическая консультация. — СПб.: Питер, 2003.

13. Ухтомский А.А. Собр. соч. Т. 1. — Л., 1950.

14. Школьник Х.М. Верное средство познать себя и других. — Минск, 1993.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СЛУЖБ, ИХ РОЛЬ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

М. Б. Юсова

Аннотация: в данной статье рассматривается история создания психологических служб в правоохранительных органах, в том числе уголовно-исполнительной системе. Раскрываются факторы, тормозящие развитие психологической службы.

Ключевые слова: психологическая служба, работа с персоналом, оперативно-служебные задачи, факторы, тормозящие развитие психологической службы.

The summary: This article reviews

the history of the creation of psychological services in law enforcement, including the penal system. Reveals the factors hindering the development of psychological services.

Key words: psychiatric services, human resources, operational performance objectives, factors hindering the development of psychological services.

До определенного времени юридическая психология проводила в жизнь разрабатываемые ею практические

пятствующим удовлетворению насущных потребностей человека (А. Лазарус), сформировать способности, позволяющие справляться с жизненными проблемами (Р. Нельсон-Джоунс).

Таким образом, различные отечественные и зарубежные психологические теории позволяют представить объемную картину криминальной мотивации поведения и более адекватно подойти к определению путей, средств, методов и приемов психолого-педагогического воздействия на осужденных.

Литература

1. Исправительная (пенитенциарная) педагогика / под ред. А.И. Зубкова, М.П. Стуровой. — Рязань: Ряз. высш. шк. МВД РФ, 1993.
2. Левитов Н.Д. Вопросы психологии характера. — М.: АПН РСФСР, 1952.
3. Лурье С.Я. Демокрит. — Л., 1970.

4. Медведев Р.А. Владимир Путин. — М.: Молодая гвардия, 2008.

5. Нельсон-Джоунс Р. Теория и практика консультирования. — СПб.: Питер, 2000.

6. Ожегов СИ, Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: Азбуковник, 1999.

7. Поздняков В.М. Очерк по истории пенитенциарной психологии. — М., 1998.

8. Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. — М., 1925.

9. Реформирование уголовно-исполнительной системы: теоретическая модель (авторский вариант) / под общ. ред. А.А. Реймера. — М.; Рязань: Академия ФСИН России, 2009.

10. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга // Избр. философ. и психол. произв. — М., 1947.

11. Словарь иностранных слов. — М.: Рус. яз. Медиа, 2005.

12. Уоллес В, Холл Д. Психологическая консультация. — СПб.: Питер, 2003.

13. Ухтомский А.А. Собр. соч. Т. 1. — Л., 1950.

14. Школьник Х.М. Верное средство познать себя и других. — Минск, 1993.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СЛУЖБ, ИХ РОЛЬ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

М. Б. Юсова

Аннотация: в данной статье рассматривается история создания психологических служб в правоохранительных органах, в том числе уголовно-исполнительной системе. Раскрываются факторы, тормозящие развитие психологической службы.

Ключевые слова: психологическая служба, работа с персоналом, оперативно-служебные задачи, факторы, тормозящие развитие психологической службы.

The summary: This article reviews

the history of the creation of psychological services in law enforcement, including the penal system. Reveals the factors hindering the development of psychological services.

Key words: psychiatric services, human resources, operational performance objectives, factors hindering the development of psychological services.

До определенного времени юридическая психология проводила в жизнь разрабатываемые ею практические

рекомендации через систему образования. Эффективность их внедрения в правоохранительную практику целиком зависела от сохранения знаний в памяти практиков и их желаний. В итоге многое практически значимое не воплощалось в жизнь и имеющиеся возможности для повышения эффективности правоохранительной деятельности не использовались. Юристы осознавали, что конструктивные возможности психологии гораздо шире, и неоднократно предлагали привлекать психологов к непосредственному решению правоохранительных, судебных задач. Так, известный российский юрист Л.Е. Владимиров в работе «Психологические исследования в уголовном суде» (1902 г.) обосновывает важность участия в судопроизводстве психологов-экспертов. По его мнению, этот специалист должен быть вторым судьей («судьей в белом») в уголовном процессе. Предложения Л.Е. Владимировича в полной мере не были реализованы, но идея привлечения психологов в качестве экспертов получила дальнейшее развитие [1].

Периодическое привлечение специалистов-психологов к решению конкретных задач, возложенных на правоохранительные органы, — это качественно новый этап союза юридической психологии и правоохранительной практики. Сегодня правоохранительные органы поднялись на ступеньку выше в вопросах внедрения психологических знаний в практику. В министерствах и ведомствах правоохранительной системы вводятся должности практических психологов и даже создаются структурные подразделения, осуществляющие психологическое обеспечение решения

кадровых и оперативно-служебных вопросов.

Первые должности практических психологов в правоохранительных органах были введены в 1974 г. в уголовно-исполнительной системе в воспитательных трудовых колониях для несовершеннолетних. В 1989-1991 гг. на базе исправительных колоний Пермской и Саратовской областей проводился эксперимент по созданию базовых психологических лабораторий со штатной численностью до пяти психологов. С учетом положительных результатов эксперимента с 1992 г. психологические лаборатории начинают создаваться и в других регионах России. По данным статистического отчета Минюста России, на 1 января 1999 г. в штаты уголовно-исполнительной системы было введено около 1 тыс. должностей практических психологов. При этом указанные специалисты были укомплектованы на всех уровнях управленческой иерархии: на уровне Главного управления исполнения наказаний (ГУИН) имелось психологическое отделение; на региональном уровне была предусмотрена должность главного психолога и группа психологического обеспечения; на уровне пенитенциарных учреждений проводилась целенаправленная работа по укомплектованию психологических лабораторий из расчета один психолог на 300 осужденных.

Активное создание психологической службы в уголовно-исполнительной системе обусловлено историческим опытом использования психологических знаний в данном ведомстве, осознанной необходимостью реформирования пенитенциарных учреждений в соответствии с международными стандартами [2].

В 1990-е годы в правоохранительных органах России начала создаваться новая служба — психологическая.

Несмотря на имеющиеся недостатки в функционировании уголовно-исполнительной системы, можно констатировать, что на сегодняшний день это ведомство с наиболее развитой психологической службой, которая также успешно совершенствуется и в ведомствах правоохранительной системы [3].

В настоящее время проанализирован опыт работы практических психологов в судопроизводстве. Создаются психологические службы в новых для современной России правоохранительных органах — таможенном комитете, налоговой полиции. Успешно работают практические психологи, особенно по вопросам социально-психологического воздействия на граждан, в Федеральной службе безопасности. Наиболее многочисленной является психологическая служба в системе МВД России. Она начала создаваться в 1993 г. Как и в уголовно-исполнительной системе, ее структура носит иерархический характер: на уровне министерства, в составе Главного управления кадров и кадровой политики, имеется отдел социально-психологической работы с личным составом; на уровне самостоятельных субъектов Федерации МВД, ГУВД, УВД предусмотрена должность старшего психолога и (или) отделение (группа) психологического обеспечения, на районном территориальном уровне «на земле» — в городских и районных отделах внутренних дел предусмотрена должность психолога или старшего психолога. В составе Министерства внутренних дел введены должности психологов, также и в других структурных под-

разделениях. Еще с 1974 г. при медицинском управлении МВД СССР и в соответствующих отделах МВД УВД союзных республик и областей начали создаваться психофизиологические центры (в настоящее время — центры психодиагностики). На уровне МВД России, МВД, УВД субъектов Федерации должности психологов вводятся в отдельных службах и подразделениях. Например, в оперативно-техническом управлении создана психологическая группа, обеспечивающая применение на практике полиграфов; мощные психологические службы созданы в таких управлениях, как муниципальная милиция, ГИБДД, вневедомственная охрана. Введены должности психологов в спецподразделениях ОМОН, СОБР. События в Чечне подтолкнули к созданию психологической службы во внутренних войсках МВД России.

Психологическая служба представляет собой централизованно управляемую систему специальных структурных подразделений и должностей специалистов (практических психологов), осуществляющих целенаправленную работу по психологическому обеспечению деятельности конкретных ведомств. Несмотря на достигнутые общие успехи, во многих регионах России психологическая служба создается медленно, текучесть специалистов высокая, круг решаемых проблем ограничен. Так, в уголовно-исполнительной системе слабо поставлена работа по психологическому обеспечению работы с персоналом, а в органах внутренних дел — по психологическому обеспечению решения оперативно-служебных задач. Наблюдается нехватка квалифицированных кадров психологов, система

их подготовки и переподготовки не отвечает потребностям практики; руководители некоторых подразделений не удовлетворены деятельностью психологической службы, должности психологов начинают сокращать. Иными словами, в некоторых ведомствах и регионах новая служба, не успев сформироваться, оказывается в кризисном состоянии.

Факторы, которые тормозят развитие психологической службы:

- экономические — недофинансирование;
- психологические — непонимание роли психологической службы в совершенствовании деятельности правоохранительных органов;
- концептуальные — отсутствие четких теоретических представлений о принципах, содержании и методах деятельности.

Что касается первой причины, то ее устранение мало зависит от возможностей сотрудников правоохранительных органов. Вторая и третья причины взаимосвязаны. Раскрыв концептуальные основы деятельности психологической службы, можно изменить и отношение к ней окружающих.

Разработка научно обоснованной концепции деятельности психологической службы — сложная задача. Косвенным подтверждением этого является ее отсутствие даже у школьной психологической службы [4]. Хотя последняя получает постоянную подпитку со стороны академической науки.

Вместе с тем учеными правоохранительных органов Н.В. Андреевым, М.Г. Дебольским, И.О. Котеневым и другими предпринимаются целенаправлен-

ные попытки теоретически обосновать те или иные аспекты деятельности психологической службы. Основываясь на работах указанных авторов, а также на изучении опыта деятельности психологов, можно выделить основные элементы, обеспечивающие успешность ее функционирования:

- цели психологической службы;
- профессиональные ценности (ценностные ориентации);
- основные задачи и направления деятельности;
- психологические функции и инструментарий их реализации;
- организационная структура психологической службы;
- качественный состав сотрудников психологической службы;
- организация труда практических психологов;
- материально-техническое оснащение.

Литература

1. Кочнев М.М. Судебно-психологическая экспертиза. — М., 1977.
2. Кудрявцев И.Л. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. — М., 1988.
3. Ситковская О.Д. Судебно-психологическая экспертиза аффекта. — М., 1983.
4. Глоточкин А.Д., Пирожков В.Ф. Психологические состояния человека лишенного свободы. — М., 1968.
5. Дебольский М.Г. Становление и развитие психологической службы в уголовно-исполнительной системе // Человек: преступление и наказание. — 1994. — № 3-4.
6. Ковтун В.П. Психологическая служба УИС: проблемы становления // Преступление и наказание. — 1996. — № 3.
7. Рабочая книга пенитенциарного психолога. — М., 1997.
8. Битянова Н.Р. Организация психологической работы в школе. — М., 1997.

НОВЫЕ КНИГИ ПО ПСИХОЛОГИИ

А. И. Фролов

Змановская Е.В. Современный психоанализ. Теория и практика. — СПб.: Питер, 2011. — 288 с.

Современный психоанализ, выросший на ниве идей Зигмунда Фрейда, представляет собой непрерывно развивающуюся систему теорий и методов, призванных раскрыть самые сокровенные стороны человеческой природы. Перед вами одно из первых российских изданий, интегрирующих базовые концепции психоанализа и постклассические аналитические подходы в систему современного научно-практического знания. Наряду с метапсихологией Фрейда и его последователей, в книге представлен анализ современных школ психоанализа, описаны основные положения клинического психоанализа и семейной психотерапии. Раскрыты глубинные аспекты группового взаимодействия, харизматического лидерства, деструктивных культов, а также психологических эффектов СМИ. Особое внимание уделено бессознательным фантазиям и скрытым мотивам поведения людей. Книга адресована психологам, врачам, педагогам, социологам, представителям смежных специальностей, а также студентам профильных факультетов высших учебных заведений.

Ильин Е.П. Пол и гендер. — СПб.: Питер, 2011. — 688 с.

Данная книга представляет собой наиболее полное в отечественной психологии рассмотрение вопроса о физиологических, психологических и социальных различиях мужчины и женщины. Ав-

тором систематизированы отечественные и зарубежные исследования, в том числе новейшие, по половым и гендерным особенностям людей. Показана необходимость совместного рассмотрения этих особенностей. Помимо обсуждения теоретических и методологических вопросов в книге представлены методики выявления гендерных различий (психологического пола). Издание представляет несомненный интерес для психологов, медиков, педагогов и студентов вузовских факультетов соответствующих профилей.

Ковпак Д.В. 111 баек для психотерапевтов. — СПб.: Питер, 2011. — 176 с.

В изящной занимательной форме изложены ключевые вопросы психотерапии. Описаны сто одиннадцать ситуаций (мифы, притчи, были и т. д.), имеющих отношение к психотерапевтической практике. К каждой ситуации дан соответствующий комментарий в виде краткого психологического анализа, указана область применения. Издание предназначено для специалистов психотерапевтического, психологического, педагогического и медицинского профилей, а также для студентов профильных вузовских факультетов.

Захаревич А.С. Биоэнергетические дыхательные психотехнологии. — СПб.: Питер, 2011. — 176 с.

Андрей Станиславович Захаревич — доктор психологических наук, профессор, психотерапевт Европейского и Ми-

рового реестров, академик Российской и Европейской академии естественных наук, автор двух патентов на изобретения в области регуляции дыхательных и психических процессов. Дыхание, вдохновение, одухотворенность... Недаром эти слова имеют единый корень! Дыхание — это дух жизни, ее энергия и сила. С помощью дыхания мы можем исцелиться, накопить личную силу, открыть доступ к подсознательным ресурсам, развить сверхспособности. Дыхательные психотехнологии — это очень тонкий инструмент настройки организма. Дыхательные практики могут производить мощный целительский и развивающий эффект, но некорректное их применение вызывает самые серьезные побочные эффекты! Хотите безопасно восстановить свое здоровье, раскрыть внутренние резервы организма и психики, сделать свою жизнь более осознанной, активной и творческой? Дыхательные психотехнологии, представленные в книге, помогут вам в этом!

Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы: учеб. пособие. — СПб.: Питер, 2011. — 352 с.

В учебном пособии систематизированы современные научные данные по проблеме девиантного поведения личности и группы. Предложен единый теоретико-методологический аппарат, проведено комплексное описание основных форм девиаций, разработаны психологические основы коррекционно-профилактической работы. Наряду с общепринятыми подходами описаны оригинальные методы диагностики и коррекции девиантного поведения. Особое внимание уделено девиациям в

правоохранительной среде. Материалы, представленные в настоящем издании, могут быть использованы для учебной, самостоятельной и научно-исследовательской работы студентов (бакалавров, магистров, специалистов), обучающихся по направлениям «Психология», «Социальная работа», «Педагогика». Учебное пособие соответствует Государственному образовательному стандарту третьего поколения и предназначено для приобретения учащимися ряда общекультурных и профессиональных компетенций. Пособие может быть также использовано для повышения эффективности профессиональной деятельности преподавателей высшей школы, психологов, педагогов, врачей, социальных работников, юристов.

Шепелева Л.Н. Программы социально-психологических тренингов. — СПб.: Питер, 2011. — 160 с.

В книге дается подробное описание тренингов для разных категорий людей (педагогов, родителей, детей, специалистов) с различной проблематикой (тренинги общения, личностного роста, уверенности в себе, креативности, формирования командного взаимодействия, умений и навыков). Упражнения и игры, которые содержатся в настоящем издании, можно применять в практической деятельности без дополнительной отработки и включать на разных этапах тренинговой работы и других методов обучения. Кроме того, предлагаемый материал можно использовать как «конструктор» для моделирования новых тренингов. Все программы успешно адаптируются для различных категорий участников.

Поляков С.Э. Феноменология психических репрезентаций. — СПб.: Питер, 2011. — 688 с.

Поляков Сергей Эрнестович — известный психолог и психиатр, автор многочисленных научных работ, в том числе монографии по общей психологии. В издании представлен совершенно новый взгляд на основные проблемы психологии: феноменологию психических явлений, психические механизмы формирования понятий, закономерности и ошибки психического моделирования реальности. В книге обсуждаются и предстают перед читателем в неожиданном свете наиболее важные и интересные проблемы не только психологии, но и теории познания, психолингвистики и философии: Чем представлен объект в сознании человека? Как влияют на психологию некоторые философские теории? Подчиняется ли мышление человека законам логики? Связаны ли понятия с образами и ощущениями? Для этого издания автор отобрал самое ценное из собственного опыта, накопленного на протяжении многолетней практики, а также дополнил материал оригинальными разработками. Книга адресована психологам, философам, студентам профильных факультетов высших учебных заведений. Кроме того, издание будет полезно социологам, лингвистам, медикам, а также читателям, интересующимся проблемами общей психологии.

Шац И.К. Психологическое сопровождение тяжелобольного ребенка: монография. — СПб.: Речь, 2010. — 192 с.

Тяжелое, порой угрожающее жизни ребенка заболевание ввергает ма-

ленького пациента и его семью в пучину боли и скорби. Часто семья остается в эмоциональной изоляции, один на один с болезнью, что требует серьезной профессиональной психологической помощи и поддержки. В монографии приводится анализ психологических переживаний тяжелобольных детей, их личностные и эмоциональные реакции на заболевание, а также психические расстройства, вызванные тяжелыми недугами. Приведены авторские клинико-психологические методики выявления психологических и психопатологических нарушений. Все описания иллюстрированы клиническими случаями из практики. Автор определяет наиболее важные направления профилактики, описывает психотерапевтические техники коррекции психологических нарушений у детей. Подробно описаны реакции родителей на болезнь ребенка, формы и методы психотерапевтической работы с семьями. Данная монография является практическим руководством для психологов, психотерапевтов, детских психиатров и может быть использована для работы с тяжелобольными детьми и их окружением. Представляет интерес для врачей различных специальностей, занимающихся лечением тяжелых патологий в детском возрасте. Будет полезна педагогам, социальным работникам и родителям.

Кляйн М. Детский психоанализ. — М.: ИОИ, 2010. — 160 с.

Большинство психоаналитиков в двадцатые годы прошлого века придерживались мнения, что маленькие дети не подлежат аналитическому методу лечения. У Мелани Кляйн такое положение дел явно вызывало сомнение — она

считала, что вместо того, чтобы отказываться этим пациентам, следовало изменить метод. На этом пути она совершила три гениальных открытия.

Первое состояло в изобретении психоаналитической техники игры: она видела в этой спонтанной активности любого ребенка эквивалент снам, а значит, торную дорогу и доступ к бессознательному своих маленьких пациентов.

Второе: она сумела показать, что Эдипов комплекс и Супер-Эго возникают с первых этапов развития психической жизни, то есть задолго до того возраста, к которому относил их появление Фрейд.

Третье: она открыла, что ребенок в три года и четыре месяца от роду способен к переносу, который может быть интерпретирован, что позволяет провести психоаналитическое лечение.

Несколько подлинно революционных статей, которые составляют книгу «Детский психоанализ», заложили фундамент детского психоанализа.

Каган В. Искусство жить: Человек в зеркале психотерапии. — М.: Смысл, 2010. — 420 с.

Книга «Искусство жить: Человек в зеркале психотерапии» о помогающей психологии. Занимаются ею не врачи, а психологи, и обращена она не к симптомам и болезням, а к каждому человеку

с его душевными проблемами. Ведь они есть у всех. Вы не найдете здесь универсальных рецептов — обычно они не помогают никому. Автор приглашает читателя поразмышлять, как сделать свою жизнь эффективнее, как быть хозяином жизни, а не игрушкой в руках судьбы или ее жертвой. Цель книги — не только просветить читателя и показать, как можно помогать самому себе, но и побудить стремление к самопознанию.

Файн С., Глассер П. Первичная консультация. Установление контакта и завоевание доверия. — М.: Когито-центр. — 238 с.

В руководстве, написанном известными специалистами, психологом Сарой Файн и социальным работником Полом Глассером, рассматриваются закономерности и особенности начального этапа взаимодействия консультанта и клиента. Детально описаны динамика психотерапевтического процесса и приемы установления контакта и завоевания доверия во время первичной консультации различных групп клиентов как добровольных, так и недобровольных. Книга предназначена и для начинающих, и для опытных специалистов, в задачи которых входит оказание помощи другим людям: психологам, социальным работникам, юристами, педагогами и т. д.

НАУЧНО ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ПРИКЛАДНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

И. В. Блинникова, Т. Н. Савченко, Д. В. Сочивко

20 мая 2010 г. состоялся первый научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология». Организаторами данного семинара являются Академия ФСИН России, Институт психологии РАН, редакция журнала «Прикладная юридическая психология», Высшая школа психологии. Число участников — 30, среди них представители Академии ФСИН России, Института психологии РАН, МГППУ, СПбГУ, МГУ им. М.В. Ломоносова, Академии МВД России, МГГУ, МПСИ.

Актуальность организации семинара обусловлена важностью учета фактора правового поля в психическом развитии человека, междисциплинарным характером решаемых в рамках юридической психологии вопросов.

Организация подобного семинара в дальнейшем будет способствовать интеграции психологической науки и практики. Специфика объекта юридической психологии состоит в том, что мы рассматриваем человека в жестком правовом поле. Нужно ввести научные критерии для объяснения объекта юридической психологии, обоснования методов. На семинаре был представлен журнал «Прикладная юридическая психология». В качестве задач, которые перед ним ставятся, можно выделить: представление новейших научных разработок в области фундаментальной и прикладной психологии; объединение во круг журнала профессиональных психологов и других специалистов; работа-

ющих в сфере юриспруденции и близких с ней областях общественной практики; формирование практической воспитываемости психологического знания. На семинаре были приняты следующие решения: проводить в дальнейшем тематические семинары не реже двух раз в год; организовать взаимодействие с учреждениями, занимающимися проблемами прикладной юридической психологии, сопряженными областями общей, социальной, педагогической психологии, методологией юридической психологии; отображать в журнале информацию о научных собраниях и др.

Второй семинар, который в соответствии с решением первого был посвящен «Проблемам методологии и методического инструментария юридической психологии», проходил 9 декабря 2010 г. В нем приняли участие ведущие ученые России, юристы, психологи, сотрудники силовых ведомств — всего 45-50 человек (представители Академии ФСИН России, ИП РАН, МГППУ, СПбГУ, МГУ, Академии МВД России, МГГУ, МПСИ, ФСБ, ГНЦССП имени В.П. Сербского, Псковского юридического института ФСИН России, Вологодского института права и экономики ФСИН России, межрегиональной психологической лаборатории УФСИН по Ярославской области, ЯрГУ, исправительных учреждений УФСИН по Московской области, РязГМУ, МГЛУ и др.).

Обсуждались проблемы методологии юридической психологии, совместимо-

сти методов диагностики и коррекции личности в практике юридической психологии, экзистенциальная миссия юридической психологии. Методы математического моделирования в юридической психологии, информационные технологии исследований в юридической психологии, проблемы и пути развития методического обеспечения работы психолога в правоохранительных органах.

На обсуждение были вынесены вопросы предмета, объекта юридической психологии, специфичность методологии, метода юридической психологии, соотношение общей методологии, которая характеризует психологическую науку в целом и методологии метода, характерной для конкретной отрасли психологии, именно для юридической психологии. Большинство участников указывали, что в юридической психологии, по крайней мере в исследовательской деятельности, используются те же методы, что и в общей, клинической, социальной и других видах психологии. Однако выделялась специфика этих методов. Методы диагностики и коррекции приобретают иной характер в юридической психологии. Замкнутость систем — объектов юридической психологии может способствовать развитию экспериментального метода в естественной среде и ставит новые задачи перед общей и социальной психологией. Отмечалось, что возможно юридическая психология будет способствовать проверке сложившейся методологии, в том числе методологии метода, и также формированию новых элементов, которые будут усваиваться общей методологией психологического исследования. Поднимался также вопрос о том, что рационализация всех сфер жизни является фактором, оказывающим

психологическое воздействие на механизмы регуляции поведения человека, который приводит к возникновению серьезных проблем, связанных с элиминированием подчинения нормативно-правовой базе. Иными словами, субъект в настоящее время выступает предметом ширококомасштабной атаки. Вторая часть семинара была посвящена обсуждению *психологических последствий принятия Закона о полиции*.

**Стенограмма круглого стола
«Социально-психологические
эффекты и последствия принятия
Закона о полиции — новейшая
проблематика юридической
психологии»**

9 декабря 2010 г. в Институте психологии РАН состоялось заседание круглого стола, посвященного психологическим аспектам принятия закона о полиции. В нем приняли участие ведущие специалисты в области юридической, социальной, педагогической психологии. Открыл работу круглого стола заместитель директора Института психологии РАН член-корреспондент РАН, доктор психологических наук **Андрей Владиславович Юревич**. Обсуждение было продолжительным, эмоциональным, очевидно, что проблема никого не оставила равнодушным. Порой дискуссия выходила за рамки собственно психологической проблематики, однако в основном она затрагивала четыре проблемы, связанные с введением нового Закона о полиции и теми задачами, которые этот процесс ставит перед психологами: отношение граждан к проводимой реформе, психологическое посредничество в отношениях между органами правопорядка и обществом (различ-

ные слои населения), психологическое обеспечение работы органов внутренних дел и взаимодействие органов правопорядка и психологов в решении важных проблем обеспечения безопасности гражданского общества.

1. Отношение граждан к проводимой реформе.

В начале обсуждения слово было предоставлено заведующей кафедрой общей психологии Высшей школы психологии, старшему научному сотруднику факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова кандидату психологических наук **Ирине Владимировне Блинниковой**, которая рассказала о результатах небольшого исследования, проведенного студентами Высшей школы психологии. Были проанализированы высказывания пользователей на трех интернет-сайтах: <http://web-share.com>; <http://www.dailyj.ru>; <http://deita.ru>. Пользователи в основном обсуждали необходимость этой реформы и ее последствия. Также всех волновало переименование милиции в полицию. Категоризация высказываний позволила сделать следующие выводы: 72,5 % пользователей Интернет считали, что принятие нового закона ничего не изменит в деятельности органов правопорядка, 13,5 % — полагали, что их деятельность улучшится, закон приведет к позитивным преобразованиям, 9,0 % — колебались, не могли точно определиться с оценкой последствий закона, 5,0 % — утверждали, что станет хуже. В целом результаты контент-анализа интернет-сайтов согласуются с ранее опубликованными данными опроса 2212 человек, проведенного агентством Ромир в августе 2010 г. На вопрос «Изменится ли что-то в работе милиции после

утверждения Закона о полиции?» ответы распределились следующим образом: 63 % — ничего не измениться, 22 % — изменится в лучшую сторону, 13 % — изменится в худшую сторону, 2 % — затрудняюсь ответить.

На интернет-сайтах было выделено большое количество высказываний, касающихся изменения названия органов правопорядка. Анализ ассоциативного ряда слов «полиция» и «полицейский» позволило сделать следующие выводы. В 30 % случаев ассоциации, связанные с «полицией» и «полицейскими», имели позитивную коннотацию: у 23 % пользователей эти понятия ассоциируются с защищенностью, порядком, надежностью, а у 7 % — с исторической традицией, дореволюционной Россией. В 29 % случаев эти слова были окрашены отрицательной коннотацией: у 13 % пользователей полиция и полицейский ассоциируются с беспределом, бесконтрольностью, у 12 % — с западной культурой, западным влиянием, у 4 % — с оккупацией в период Великой Отечественной войны. У 30 % пользователей обсуждаемые слова связаны с «милицией» и «милиционерами». Это свидетельствует о семантической эквивалентности наименований. По мнению 11 % пользователей, наименование органов правопорядка не имеет большого значения.

А. В. Юревич посчитал, что результаты контент-анализа сайтов не вызывают удивления. В 72 случаях из 100 люди вообще не ожидают никаких изменений, им понятно, что будут переименование, повышение заработной платы, а также сокращения.

Ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России кандидат психологических наук **Борис Георгиевич Бовин**

подчеркнул, что важно рассматривать отношение к реформе не только простых граждан, но и сотрудников правоохранительных органов. Он коротко описал, какие реорганизации переживали структуры МВД после 1982 г. Приходили новые руководители, предлагали новые программы повышения эффективности деятельности, но не всегда становилось лучше. Возможно, открытость органов перед обществом будет лучшим регулятором деятельности МВД, создаст новые механизмы развития.

2. Психологическое посредничество в отношениях между органами правопорядка и обществом.

Профессор Академии ФСИН России доктор психологических наук **Дмитрий Владиславович Сочивко** отметил, что основная направленность нового закона предполагает формирование партнерских отношений между обществом и полицией, которой надлежит занять место прежней милиции, разумеется, в существенно измененном виде. В конечном счете это является смыслом проводимой реформы.

С анализом культурно-исторического контекста отношения полиции и общества выступил заместитель начальника Всероссийского института повышения квалификации работников МВД России, вице-президент Международной юридической академии доктор педагогических наук, профессор **Александр Валерьевич Пищелко**. Он напомнил собравшимся, что полиция появилась в России при Петре I в процессе создания Российской империи. Она просуществовала до 1917 г., и была ликвидирована одним из первых декретов Временного правительства. Тем же декретом была образована милиция, которая представляла

собой вооруженные добровольческие отряды. После Октябрьской революции была образована рабоче-крестьянская милиция и, поскольку новое государство было государством рабочих и крестьян, впервые в истории перед ней была поставлена задача защиты большей части населения. Назначением же полиции всегда была не защита прав граждан, а защита интересов государства. В 60-70-е годы XX в. в Советском Союзе была сделана попытка сформировать партнерские отношения общества и власти: стали возникать общественные советы при опорных пунктах охраны общественного порядка, комсомольские отряды на предприятиях, в вузах, народные дружины.

Однако эти начинания не имели продолжения после 1991 г. (если не считать попытки организации народных дружин после взрывов домов на улице Гурьянова). За последние 20 лет сложился весьма негативный образ милиции. Коррупционность в органах МВД России достигла апогея. Гражданам России трудно поверить в то, что в милиции служат порядочные люди. Милиция сейчас нуждается в смене имиджа. Необходимо, чтобы поменялось отношение к органам правопорядка. Именно поэтому руководство страны приняло решение о реформе структуры МВД России. В связи с этим все силы должны быть направлены на установление сотрудничества между обществом и органами внутренних дел. Возможно, пришло время отказаться от присущей России исторической традиции противостояния власти и общества. Какова роль психологов в этом процессе? Основная задача заключается в том, чтобы помочь сотрудникам полиции и населению *осознать*

необходимость позитивного взаимодействия. Для этого психологи должны работать и с личным составом ОВД и населением.

А. В. Юревич подчеркнул, что органы правопорядка (как бы они ни назывались) являются частью общества. Трудно представить будущую полицию в виде некоего оазиса: везде берут взятки, а в полиции не берут, везде есть аморальные личности, а в полиции одни ангелы. Это выглядит как утопия. Когда мы ставим задачу взаимодействия полиции и общества, не расширяем ли мы существующую пропасть, еще больше, отдаляя их друг от друга? Кроме того, в новом законе много говорится о партнерстве между органами внутренних дел и гражданским населением, однако складывается впечатление, что речь идет о партнерстве со СМИ, а граждане остаются где-то за рамками постулируемого сотрудничества.

Д. В. Сочивко обратил внимание собравшихся на то, что партнерство всегда включает в себя две заинтересованные стороны, причем их интересы в большей степени должны совпадать, чем расходиться. Каковы же интересы общества в отношении полиции, в чем их совпадение с государственными и ведомственными интересами, в чем видятся проблемные области несовпадения интересов? Например, насколько понимание безопасности является одинаковым у обычного гражданина и полицейского? Чисто интуитивно возникают опасения, что эти представления разнятся, и разрешение этой проблемы явно требует системного участия научно-психологической общественности.

Общая цель заключается в том, чтобы на заявленных основаниях реального

партнерства граждан и полиции создать общее (партнерское) пространство социальной безопасности, в котором каждый полицейский и правопослушный гражданин будет ясно понимать свои права и обязанности при максимальной уверенности в своей защищенности и выраженности чувства личной безопасности. Следует отметить, что эта общая формулировка с психологической точки зрения предполагает ряд существенных дополнений, таких как: на каком эмоциональном фоне будет развиваться указанное партнерство, прекратиться ли откровенное хамство со стороны представителей полиции в адрес граждан, соответственно повысится ли оценка полицейского как достойного члена общества и просто человека как рядового гражданина.

А. В. Юревич поднял острый вопрос о доносительстве. Это явление в западных странах называется «выполнение гражданского долга», в то время как у нас это считается чем-то постыдным. Причины понятны, инерция мрачных сталинских времен, когда доносы граждан друг на друга были повседневным делом. Странно, что за 60 лет мы так и не научились различать идеологические доносы от вполне нормальных сообщений о нарушении правопорядка. Возможно, здесь кроется основная проблема, задается некий тон во взаимоотношениях населения и органов правопорядка.

Проректор Московского государственного лингвистического университета академик Российской академии образования доктор психологических наук, профессор **Николай Николаевич Нечаев** в продолжение анализа этой проблемы привел факт, который он услышал в Швейцарии, где за каждый сиг-

нал в полицию любой человек получает 5 франков, и это иногда является неплохим приработком для некоторых категорий граждан, например для пенсионеров. В данном случае речь идет об экономическом стимулировании активности населения. Намного важнее подумать о психологическом стимулировании этой активности. Механизмы для этого стимулирования не обязательно должны быть зафиксированы в тексте закона. Они могут быть прописаны в подзаконных актах. Необходимо подчеркнуть, что опытные юристы говорят: закон — это только норма, но как он будет исполняться, определяется пониманием, которое раскрывается в подзаконных актах.

Д. В. Сочивко указал, что в новом законе существует ст. 9, где в самом первом пункте указано «Полиция при осуществлении своей деятельности должна обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан». Далее следует ряд пунктов, раскрывающих это положение с неизменным указанием на то, что доверие и понимание граждан должны стать заботой самой полиции и ее сотрудников. При этом в п. 8 отмечается, что «мнение граждан о деятельности полиции является одним из основных критериев официальной оценки ее работы». Для такого учета мнения граждан предполагается создавать общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, которые обеспечат и взаимодействие с другими общественными и государственными организациями с целью защиты прав и свобод граждан. По существу п. 2 «Полиция должна стремиться к тому, чтобы действия ее сотрудников при всей своей строгости и решительности,

были обоснованными и понятными для граждан» остается психологически не раскрытым, а подмененным переложением этой функции на общественные советы, так как совершенно не понятно, как полиция будет стремиться к обоснованности и понятности своих действий.

Никаких специальных указаний на этот счет в законе нет, тем не менее в этом кроется существенная психологическая проблема, что понятно и что непонятно гражданам в действиях полиции, способен ли средний полицейский ответить на вопросы граждан и избежать создания напряженной и опасной ситуации, какова роль общественных советов, кроме надзорной. Как, например, понять, что лицу неславянской внешности и шагу не ступить по улице без паспорта и прописки, а террорист славянской внешности может свободно пройти все заградительные кордоны в международном аэропорту. И как объяснить человеку, которого остановили, отняли время, хотя у него с собой нет опасных или запрещенных предметов и его документы в порядке, а мимо проходят граждане с подозрительными сумками, не подвергаясь никакому контролю. Примеров здесь может быть много.

И. В. Блиникова отметила, что в настоящий момент действительно существует явное отчуждение между населением и представителями органов правопорядка. Причем это отчуждение не приносит пользы ни одной из сторон, и тяжело переживается всеми. Часто проявление доверия к сотрудникам милиции со стороны простых граждан встречает исключительно позитивный отклик, который свидетельствует о том, что им труд-

но находится по разные стороны баррикад. Психологи могли бы помочь выстроить мосты, наладить связи.

Н. Н. Нечаев внес ряд конкретных предложений. В частности, в качестве одной из важнейших задач, которые могли бы решить психологи, он назвал разработку и реализацию программы психологической переподготовки личного состава всей системы МВД России. Также психологи могли бы выступить инициаторами обучения населения основам юридической науки. Такой юридический всеобуч создал бы базу для взаимодействия простых граждан и представителей правопорядка. При организации такого всеобуча психологи и представители юридической науки могли бы наладить сотрудничество.

3. Психологическое обеспечение работы органов внутренних дел.

Декан факультета клинической психологии Рязанского государственного медицинского университета имени И.П. Павлова кандидат психологических наук **Наталья Валентиновна Яковлева** подчеркнула, что организация психологического обучения в органах внутренних дел как на этапе подготовки профессиональных кадров, так и на этапе их переподготовки, чрезвычайно важна. Коллеги из Украины рассказали интересный факт. Когда решался вопрос о том, будет ли в Украине чемпионат по футболу, европейские кураторы попросили провести психологические тренинги с сотрудниками правопорядка для того, чтобы научить их улыбаться и доброжелательно общаться с окружающими. Они мотивировали это тем, что на чемпионат мира приедут люди со всего мира, которые боятся подходить к мрачным милиционерам.

А. В. Юревич в ответ на это высказывание обратил внимание собравшихся, что сейчас складывается парадоксальная ситуация: законопослушные граждане боятся представителей правопорядка, но зато их не боятся преступники.

Д. В. Сочивко отметил, что в связи с этим встает вопрос о престиже и защищенности сотрудников МВД России. При этом защищенность во многом определяется юридическими документами и юридической практикой, а престиж профессии может поддерживаться средствами массовой информации. Могут ли психологи сыграть в этом хоть какую-нибудь роль? По всей видимости, могут, разработав систему психологической подготовки личного состава, которая должна включать в себя формирование психологической готовности к выполнению своих обязанностей и моральной ответственности за своих коллег.

Н. Н. Нечаев предложил включить психологов в разработку нового стандарта профессиональной подготовки личного состава органов внутренних дел. В процессе перехода к двухуровневой системе подготовки в высшей школе становится все более очевидно, что даже люди, профессионально занимающиеся образованием, не совсем понимают, что такое образование. В этом плане требуется серьезный теоретический и научно-исследовательский подход. Н.Н. Нечаев напомнил собравшимся комедийный сериал «Полицейская академия» и отметил, что, несмотря на юмористический сюжет, из фильма явно прослеживается хорошо продуманная и четко реализованная система формирования профессионалов, опирающаяся на определенную культуру. Необходи-

димо создать нечто похожее, но на других культурных основаниях.

Ведущий научный сотрудник Института психологии РАН доктор психологических наук **Александр Владимирович Сухарев** отметил, что для эффективной подготовки сотрудника МВД России сначала должна быть разработана идеальная модель этого сотрудника, некая концептуальная схема.

Б. Г. Бовин напомнил участникам круглого стола о такой структуре в органах МВД России, как психологическая служба, и о таких ее задачах, как отбор сотрудников и обеспечение их психологической поддержки. Он подчеркнул, что когда была создана психологическая служба в МВД России, ее деятельность поддерживалась серьезной работой, проводившейся в психофизиологической лаборатории. Однако в конце 90-х годов XX в. научные исследования были свернуты.

Д. В. Сочивко указал, что роль психологических служб, а также всей фундаментальной и прикладной психологии в переходе органов правопорядка на новые принципы работы очень велика. Это и разработка общей концепции психологического пространства безопасности на концептуальных основах, заявленных в законе, это и практика психологической помощи (ее организация и реализация) конкретным гражданам и представителям органов внутренних дел. Однако оказание психологической помощи в самом широком ее понимании — от организационных мер до конкретных консультаций, требует определенной готовности тех, кому эта помощь предназначена. Способность принимать помощь является таким же необходимым условием ее подачи, как и способность ее да-

вать. Последнее ставит в новых аспектах ранее известную проблему подготовки кадров для психологических служб.

Б. Г. Бовин вернул внимание к проблемам профессионального отбора. Он подчеркнул, что хотя психологические методы уже давно используются при отборе кадров в органы внутренних дел, к психологическим заключениям не всегда прислушиваются. В большинстве случаев, когда принимают решение о приеме на работу, опираются на другие основания — укомплектованность личного состава, состояние здоровья, наличие судимостей и т. д. Этот тезис был активно поддержан другими участниками круглого стола — заместителем начальника психологического факультета Академии ФСИН России кандидатом психологических наук Н.А. Поляниным, начальником аналитического отдела по налоговым преступлениям УВД по Псковской области А.Ю. Филлиповым, начальником отдела Федерального агентства по управлению государственным имуществом В.Г. Аминичкиным. Они отметили, что такой подход к отбору сотрудников приводит к ситуации, когда в органы внутренних дел попадают неграмотные люди, стремящиеся к власти и наживе. Именно они оказывались лицом милиции и станут лицом полиции, если не произойдет существенных изменений.

Заместитель директора по науке научно-производственного центра ДИП кандидат технических наук **Константин Владимирович Суганьев** высказал предположение, что недоверие руководящего состава МВД России к практике психологического отбора возможно имеет под собой основание. Он обрисовал трехуровневую систему отбора кандидатов и сопровождения персона-

ла, включающую в себя Центр психофизиологической диагностики (ЦПД), подразделения психологического обеспечения и операциональные подразделения, и указал на недостаточную методическую оснащенность психологов, работающих в органах внутренних дел. Психодиагностический арсенал психологов подразделений в настоящее время ограничен, в качестве основных при отборе на службу используются такие методики, как Краткий отборочный тест — КОТ, СМЛ (ММИЛ), 8-ми цветовой тест Люшера и несколько дополнительных. Эти же методики используются для работы с сотрудниками. Однако можно заметить, что большую часть этих тестов составляют нелицензионные переводы западных методик. Кроме того, они слишком давно используются, были неоднократно опубликованы в различных практикумах и сборниках тестов, доступны в Интернете. Их анализ свидетельствует о доминировании клинического подхода над нормативным.

Ведущий научный сотрудник ИП РАН, ректор Высшей школы психологии кандидат психологических наук **Татьяна Николаевна Савченко** в связи с этим заметила, что в настоящее время все же используются, хотя и не повсеместно, современные методы психодиагностики и моделирования. Она рассказала о результатах исследования, проводимых ИП РАН совместно с психологической лабораторией Академии ФСИН России, одной из задач которого был анализ подготовки курсантов в данном вузе. Профессиональное обучение в Академии ФСИН России строится на модели компетентности, которая включает в себя не только необходимые знания и умения, но и личностные характеристики, обе-

спечивающие успешную работу с осужденными. Основным методом указанного исследования был метод моделирования. Закрытость и частичная закрытость исследуемых систем позволила построить исследование «живых» естественных систем по истинно экспериментальному плану, что является важным для построения достаточно строгих исследований в естественной среде. Сравнение моделей компетентностей на разных уровнях подготовки курсантов с итоговой моделью специалиста позволило установить, что формирование взвешенной системы компетентностей позволяет компенсировать изначально достаточно слабую подготовку абитуриентов, готовить грамотных профессионалов и способствует их профессиональной адаптации.

А. В. Сухарев согласился, что не все проблемы решаются отбором. Для повышения престижа профессии необходимо менять самосознание сотрудников МВД России. Самосознание основывается на истории, осознании своих культурных основ. Как минимум 300 лет некоторые традиции сохраняются в нашей ментальности. Нужно возвращаться к традиционной форме, необходимо учитывать традиции страны, рассматривать культурный, исторический аспект, а значит, на первый план выступает образование. Психологи могут обеспечить создание новых культурных пластов в стране.

4. Взаимодействие органов правопорядка и психологов в решении важных проблем обеспечения безопасности гражданского общества.

А. В. Юевич предложил собравшимся обсудить подробно проблему возможного сотрудничества психологов и

юристов в контексте принятия нового закона о полиции. Он отметил, что такое взаимодействие в настоящий момент успешно осуществляется в области судебно-медицинской экспертизы. Однако сотрудничество могло быть расширено в области выдачи лицензии на различные виды оружия самообороны. В новом законе не предусмотрена психологическая экспертиза при получении лицензии на оружие.

И. В. Блинникова заметила, что поскольку на круглом столе присутствует много представителей правоохранительных органов и системы специального образования Академии ФСИН России, Академии управления МВД России, возможно, поэтому все забыли о важном взаимодействии психологов и представителей органов правопорядка в работе с осужденными.

А. В. Юревич подчеркнул, что тюремное заключение, по мнению М. Фуко, это психологическое наказание. Тюреммы появились как замена физических наказаний (страданий) на психологические. Предполагается, что человек мучается, когда отбывает лишение свободы. Однако сейчас существует социальный пласт профессиональных преступников, для которых это престижно, они чувствуют себя в заключении как рыба в воде. По идее человек в тюрьме должен быть перевоспитан. Интересно кто-то из присутствующих верит в это? Ясно, что какой-то процент перевоспитывается, но известна и обратная тенденция, если он попал туда случайно, то и выйдет он оттуда не закоренелым преступником.

На что **Д. В. Сочивко**, как имевший опыт работы психолога в местах лишения свободы, возразил, что «лично он верит и большинство представителей

психологических служб исправительных учреждений тоже верят, но, к сожалению, это процент действительно мог бы быть выше».

Т. Н. Савченко рассказала о том, что исследования, проводимые ИП РАН и Академией ФСИН России в частично закрытых системах (исправительных учреждениях), показали, что закрытая система у адаптировавшихся представителей, находящихся в местах лишения свободы, формирует парадоксальное отношение к жизни, когда ее качество по всем ценностям различного уровня воспринимается как «хуже некуда», но при этом все устраивает и менять ничего не хочется. Можно было предположить, что лишение свободы могло бы породить гипертрофированное желание жизненных благ, однако закрытость системы в среде осужденных отразилась в «свертывании» желания более высокого качества жизни. Зная индивидуальные особенности и особенности ценностной структуры осужденных, психологии в какой-то степени смогут формировать более адаптивную структуру личности к выходу из заключения в открытую систему.

Д. В. Сочивко обратил внимание участников круглого стола на то, что важным пространством взаимодействия психологов и правоохранительных органов может быть работа по профилактике правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. В данном случае вероятно потребуется и какая-то дополнительная работа законодателей, так как на сегодняшний момент в законе отдельно не проговорены формы работы полиции с молодежью. Необходима разработка социально-психологической концепции отношения полиции к асоциальному и квазиасоциальному поведе-

нию как отдельных представителей молодежи, так и различных молодежных группировок и субкультур. В настоящее время эта проблема стоит даже острее, чем проблема отношения полиции и неформальных (в частности оппозиционных политических или же, напротив, сектантских) организаций, которые имеют свои более или менее ясно заявленные цели. Молодежные субкультуры в своих асоциальных проявлениях гораздо менее предсказуемы. Анализ социально-психологических механизмов группового поведения молодежи и профилактика преступности в этой среде должна происходить на базе полицейских структур по типу инспекций по делам несовершеннолетних, но на новой теоретической и научно-практической основе совместно с представителями исследовательских психологических центров.

Профессор РГСУ доктор психологических наук **Лев Борисович Филон** высказал мнение о том, что нужно более жестко поставить вопрос о взаимодействии психологов и представителей органов правопорядка. Сейчас в отношениях юристов и психологов существует некоторое неравноправие, психологи прислушиваются к юристам, а вот юристы к психологам нет. Более того, со стороны юристов возникает раздражение по отношению к психологическому вмешательству в юридические процессы. Некоторое время назад среди юристов распространялась брошюра, которая называлась «Развал правосудия». Там были приведены выдержки из доклада, опубликованного в США, который назывался «О разрушающем влиянии психиатров и психологов», где говорилось о том, что очень часто выступления психиатров и психологов в суде способ-

ствовали освобождению преступников, сеяли разногласия, вели к преодолению негласных правил, прецедентов, которые устоялись за очень много лет. Психологи в этом докладе были представлены как разрушители традиционного права. Действительно в большинстве случаев психологи выступают в качестве защитников прав отдельных граждан на собственное видение ситуаций, на существование индивидуальности.

Однако психологический анализ мог бы помочь прогнозировать принятие обществом нового закона и, что более важно, его выполнение. Психологи могли бы также моделировать изменения в деятельности правоохранительных органов в целом и отдельных его сотрудников. Конечно, за этими прогнозами и оценками должны стоять серьезные исследования. Однако в настоящий момент актуально поставить вопрос о психологической экспертизе принимаемых важных законодательных актов.

А. В. Юревич, подводя итоги, отметил, что в обсуждении прозвучали значимые идеи. Можно добавить, что в российском обществе существует странный стереотип, согласно которому законы должны разрабатывать, вводить и применять юристы, тот факт, что в Государственной Думе представлены также спортсмены, шоумены и т. д., ситуацию серьезным образом не меняет. Не учитывается одна простая истина: законы — это наиболее общие правила организации социальной жизни, их профессионально изучают и знают представители социогуманитарных наук (психологи, социологи и пр.), поэтому в нормальном, разумном обществе именно эти специалисты должны создавать основу для разработки новых законов. А.В. Юревич

предложил ввести обязательную психологическую экспертизу законопроектов. Необходимо отметить, что это должна быть экспертиза со стороны ведущих психологических учреждений, чтобы не получилось так, что дадут закон поспорить двум психологам, один друг депутата, а второй — знакомый какого-нибудь телеведущего. Если бы удалось добиться положения о такой экспертизе, это было бы замечательно.

Т. Н. Савченко подчеркнула, что целесообразно привлекать психологов для проведения психологической экспертизы, однако необходимо, чтобы это были не только представители ведущих психологических учреждений, но и профессиональные психологи в данной сфере. Психологам следует заслужить доверие, признание должного уровня квалификации со стороны и правоохранительных органов, и общества. Т.Н. Савченко предложила коротко сформулировать основные итоги работы круглого стола.

В результате был сформирован следующий список:

1. Психологический смысл переименования милиции в полицию требует дополнительного анализа и серьезной работы по разъяснению среди широких слоев населения. Такая деятельность в связи с принятием нового закона поможет изменить отношение к новому наименованию и представителей органов правопорядка, и граждан.

2. Рекомендовать провести цикл исследований по изучению проблемы готовности граждан к сотрудничеству с органами правопорядка, которые смогут послужить основой разработки психологических программ для поддержки осознания нравственных различий меж-

ду «доносительством» и «сообщением о правонарушениях».

3. Разработать новые психологические стандарты психодиагностики при поступлении на службу и карьерном продвижении в органах правопорядка. Разработать программы и реализовать психологическое обучение в ходе подготовки и переподготовки сотрудников правопорядка. Рекомендовать Министерству внутренних дел РФ включить психологов в разработку стандартов профессиональной переподготовки состава полиции (милиции).

4. Осуществить психологическое формирование образа полицейского как «доброжелательного», «защитника» и научить доброжелательному поведению сотрудников правоохранительных органов (проведение соответствующих тренингов).

5. Организовать психолого-юридический всеобщий курс населения. Повышение юридической грамотности. Разработка программы всеобщего курса. Показать, что закон не чужд населению.

6. Обеспечить мониторинг психологического принятия нового закона населением. Психологическое обеспечение обратной связи органов полиции и населения (в том числе через Интернет).

7. Провести углубленный историко-психологический анализ традиций и работы полиции России с момента ее основания. Психологические проблемы осознания полицейским своего высокого статуса. Провести психологический анализ качества жизни полицейского, в том числе его экономической составляющей.

8. Придать в комментариях большую педагогичность и психологичность закону. Провести психологические иссле-

дования с обоснованием практических рекомендаций по изменению законодательства в направлении усиления ответственности за тяжкие преступления. Необходимо ужесточить психологическую экспертизу при выдаче лицензии на травматическое оружие.

9. Провести системные исследования психологии межнациональных взаимоотношений среди сотрудников полиции в многонациональном государстве России.

10. Важным пространством взаимодействия психологов и правоохранительных органов может также стать работа по профилактике правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. В связи с этим следует разработать психологическое обеспечение работы полиции с молодежью.

Психологи готовы включиться в работу с полицией и населением на различных этапах и уровнях, по разным вопросам. Для обеспечения эффективной работы необходимо организационное решение на правительственном уровне. Ходатайствовать перед законодателями, правительством о принятии этих предложений в процессе подготовки комментариев и положений к закону.

Теперь немного о планах на будущее в работе семинара.

Общая тема ближайших двух заседаний постоянно действующего научно-практического семинара «Прикладная юридическая психология»: **«Фундаментальная психология и психолого-юридическая практика».**

Семинар будет проходить в Институте психологии РАН **2 июня и 8 декабря.**

Откроет заседания семинара доклад директора ИПРАН член-корреспондента РАН А.Л. Журавлева.

Ждем от наших читателей и авторов предложений по обсуждению новых актуальных тем прикладных направлений, а также заявок на участие в тех, что уже обозначены в ходе семинара.

Возможные прикладные направления:

1. Криминальная деструктивность личности.
2. Криминогенный фактор в межличностных отношениях.
3. Профилактика преступлений.
4. Работа с молодежью и молодежными субкультурами: профилактика асоциального поведения и криминогенности.
5. Судебная психология.
6. Судебно-психологическая экспертиза.
7. Психология оперативно-розыскной деятельности.
8. Психологическая служба в МВД России.
9. Психологическая работа в местах лишения свободы.
10. Психология терроризма.
11. Профотбор в связи с появлением нового правоохранительного органа — «Полиция».
12. Взаимодействие общества и правоохранительных органов.
13. Коррупция: юридические и психологические аспекты неэффективности ее снижения.

ПРОФЕССОРУ ПСИХОЛОГИИ В.Г. ДЕЕВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

А. В. Наприс, М. М. Калашникова

26 апреля 2011 г. в Академии ФСИН России на кафедре юридической психологии и педагогики состоится ежегодная научно-практическая конференция «Деевские чтения — 2011», посвященная памяти профессора психологии В.Г. Деева, на тему: **«Мотивация и направленность личности сотрудников УИС»**. Конференция проводится в рамках научной школы заслуженного работника высшей школы РФ доктора психологических наук, профессора полковника внутренней службы в отставке Виталия Григорьевича Деева (1930-2000).

Основное направление научной школы В.Г. Деева — мотивация и направленность личности. В 1985 г. В.Г. Деев защитил диссертацию на соискание доктора психологических наук по специальности 19.00.06 — юридическая психология на тему: «Психология направленности личности осужденных молодежного возраста». Проблема направленности личности не ограничила сферу научных изысканий, представленных школой В.Г. Деева. Психологическое сопровождение оперативно-розыскной деятельности, становление и развитие судебно-психологической экспертизы — научные направления, которые успешно разрабатывались профессором В.Г. Де-

евым и его учениками-последователями (В.А. Родионовым, О.Г. Ковалевым, И.В. Михалевой и др.). Научные интересы В.Г. Деева были достаточно широкими, он также исследовал вопросы психодиагностики [1]. С целью психодиагностики направленности личности осужденного им был разработан и внедрен в деятельность исправительных учреждений Тамбовской, Рязанской и Пермской областей, Башкирской АССР тест «Самооценка направленности» [2]. Важное место в работе с личностью осужденных он отводил психологической коррекции. В 90-е годы XX в. В.Г. Деев активно включился в научную разработку, тогда еще сравнительно нового для России, а тем более для уголовно-исполнительной системы, направления практической психологии — психологического консультирования. Научные труды профессора В.Г. Деева содержат результаты исследования действия психологических механизмов и закономерностей развития отношений в различных сферах исполнения уголовных наказаний — обеспечения режима, воспитательной, трудовой, общего и профессионального образования осужденных, проявления психологии коллектива и личности взрослых и несовершеннолетних

осужденных в условиях изоляции от общества. Научно-исследовательская работа, проводимая профессором В.Г. Деевым, носила не только теоретический, но и эмпирический характер. Виталий Григорьевич провел не одну сотню исследований осужденных, применяя такие методы, как беседа, наблюдение, тестирование, обобщение независимых характеристик, анкетный опрос, формирующий психолого-педагогический эксперимент.

Научные идеи, предложенные профессором В.Г. Деевым, продолжали рабатывать его ученики — кандидат психологических наук, доктор юридических наук, профессор О.Г. Ковалев, кандидат психологических наук Г.А. Андрушин, кандидат психологических наук, доцент Е.Н. Казакова, кандидат психологических наук, доцент Т.В. Калашникова, кандидат педагогических наук, доцент С.А. Лузгин, кандидат психологических наук, доцент И.В. Михалева, кандидат психологических наук, доцент А.В. Наприс, кандидат психологических наук В.А. Родионов, кандидат психологических наук, доцент В.А. Семенов. Обладая высоким научным потенциалом, способностью к саморазвитию, научно-исследовательской деятельности, его преемники занимают ведущие позиции в отечественной пенитенциарной психологической науке, являются талантливыми организаторами, руководителями структурных подразделений различных уровней.

Научная пенитенциарная психологическая школа, основоположником которой являлся В.Г. Деев, отвечает требованиям, предъявляемым к данной форме

организации научно-исследовательской деятельности группы ученых.

Научно-исследовательскую деятельность в области психологии Виталий Григорьевич начал в 1954 г. в процессе обучения в Тамбовском государственном педагогическом институте, и продолжал ее осуществлять в профессионально-техническом училище, директором которого он стал в 1958 г. Кандидатскую диссертацию, подготовленную под руководством профессора Игнатъева, посвященную проблеме развития творческих способностей учащихся ПТУ, В.Г. Деев защищает в институте имени В.И. Ленина (г. Москва).

Служебная деятельность в РВШ МВД СССР, которая началась в 1971 г. с должности старшего научного сотрудника лаборатории по исследованию проблем исправления и перевоспитания осужденных, затем начальника лаборатории и начальника психологического факультета академии, позволила реализовать В.Г. Дееву исследовательские стремления на более высоком научном уровне и в большем объеме. За время работы было издано более 24 учебных пособий и монографий, включая подготовленное в соста-

ве авторского коллектива учебное пособие для слушателей вузов МВД СССР «Исправительно-трудовая психология». В целом в практическую деятельность исправительных учреждений внедрено 18 авторских предложений, опубликовано 110 научных работ, среди которых «Наблюдение как метод изучения личности осужденного» (1976), «Психология направленности личности осужденных молодежного возраста» (1978), «Экспериментальные методы изучения направленности личности осужденных» (1979), «Психологическая характеристика осужденных молодежного возраста» (1981), «Криминальная психология» (в соавторстве, 1997), «Психодиагностика осужденных» (в соавторстве, 2000). Он планировал написать учебник по пенитенциарной психологии, много работая в этом направлении, но не успел реализовать свою мечту. Научные материалы, подготовленные В.Г. Деевым, вошли в учебное пособие «Основы психологии исполнения уголовных наказаний» (2001), которое было опубликовано благодаря его ученикам А.В. Напрису, Е.Н. Казаковой и И.В. Михалевой.

Созданные профессором В.Г. Деевым психологическая теория направленности личности осужденных и научная школа являются заметным вкладом в отечественную пенитенциарную психологическую науку.

В.Г. Деев подготовил в качестве научного руководителя 9 кандидатов наук и оказывал помощь многим молодым ученым в их научном, профессиональном становлении и самосовершенствовании.

До последних дней жизни В.Г. Деев оставался ученым и педагогом, предлагая все новые идеи и вовлекая в творческий процесс исследования психологических явлений все новых людей — сотрудников, учащихся.

Жизни ученого, сотрудника правоохранительных органов, преданного своему делу, убежденного гуманиста, неутомимого труженика и новатора, являющегося образцом служения Отечеству и преданности науке, посвящается предстоящая конференция.

Литература

1. Психодиагностика осужденных: учеб. пособие / авт.-сост. В.Г. Деев, А.И. Ушатиков, О.Г. Ковалев, Е.Н. Казакова. — Вологда, 1997.
2. Деев В.Г. Изучение психологических особенностей осужденных, содержащихся в ИТУ: учеб. пособие. — Рязань, 1975.

СОЗДАНИЕ БАЗОВЫХ [ТИПОВЫХ] ПСИХОКОРРЕКЦИОННЫХ ПРОГРАММ ДЛЯ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ

А. В. Датий, П. Н. Казберов

2 февраля 2011 года в Научно-исследовательском институте ФСИН России проходил круглый стол, посвя-

щенный вопросам реализации положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской

ве авторского коллектива учебное пособие для слушателей вузов МВД СССР «Исправительно-трудовая психология». В целом в практическую деятельность исправительных учреждений внедрено 18 авторских предложений, опубликовано 110 научных работ, среди которых «Наблюдение как метод изучения личности осужденного» (1976), «Психология направленности личности осужденных молодежного возраста» (1978), «Экспериментальные методы изучения направленности личности осужденных» (1979), «Психологическая характеристика осужденных молодежного возраста» (1981), «Криминальная психология» (в соавторстве, 1997), «Психодиагностика осужденных» (в соавторстве, 2000). Он планировал написать учебник по пенитенциарной психологии, много работая в этом направлении, но не успел реализовать свою мечту. Научные материалы, подготовленные В.Г. Деевым, вошли в учебное пособие «Основы психологии исполнения уголовных наказаний» (2001), которое было опубликовано благодаря его ученикам А.В. Напрису, Е.Н. Казаковой и И.В. Михалевой.

Созданные профессором В.Г. Деевым психологическая теория направленности личности осужденных и научная школа являются заметным вкладом в отечественную пенитенциарную психологическую науку.

В.Г. Деев подготовил в качестве научного руководителя 9 кандидатов наук и оказывал помощь многим молодым ученым в их научном, профессиональном становлении и самосовершенствовании.

До последних дней жизни В.Г. Деев оставался ученым и педагогом, предлагая все новые идеи и вовлекая в творческий процесс исследования психологических явлений все новых людей — сотрудников, учащихся.

Жизни ученого, сотрудника правоохранительных органов, преданного своему делу, убежденного гуманиста, неутомимого труженика и новатора, являющегося образцом служения Отечеству и преданности науке, посвящается предстоящая конференция.

Литература

1. Психодиагностика осужденных: учеб. пособие / авт.-сост. В.Г. Деев, А.И. Ушатиков, О.Г. Ковалев, Е.Н. Казакова. — Вологда, 1997.
2. Деев В.Г. Изучение психологических особенностей осужденных, содержащихся в ИТУ: учеб. пособие. — Рязань, 1975.

СОЗДАНИЕ БАЗОВЫХ [ТИПОВЫХ] ПСИХОКОРРЕКЦИОННЫХ ПРОГРАММ ДЛЯ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ

А. В. Датий, П. Н. Казберов

2 февраля 2011 года в Научно-исследовательском институте ФСИН России проходил круглый стол, посвя-

щенный вопросам реализации положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской

Федерации до 2020 года, а в частности повышению эффективности психологической работы в местах лишения свободы посредством создания базовых (типовых) психокоррекционных программ для работы с осужденными.

Рассматриваемая проблема уже давно обсуждается ведомственными специалистами-психологами и необходимость разработки базовых (типовых) психокоррекционных программ для осужденных, таким образом, своевременно была определена в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года.

Новый этап реформирования УИС одним из основных стратегических направлений определяет «изменение организационных форм деятельности российских учреждений в направлении их приближения к аналогичным заведениям европейского типа»¹.

Типовая (базовая) психокоррекционная программа для работы с осужденными определяется на основе ряда принципов уголовно-исполнительного законодательства, теоретических положений пенитенциарной психологии и педагогики.

Во-первых, это *принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний* (ст. 8 УИК РФ).

Во-вторых, базовая типовая программа (БТП) работы с осужденным должна учитывать *принцип последовательности и динамичности*.

В-третьих, БТП работы с осужденным важно рассматривать как *ком-*

плексный документ. В нем должны быть представлены все направления работы с осужденным (социальная, психологическая, воспитательная), и найти отражение все средства исправительного воздействия.

В-четвертых, БТП работы с осужденным должна основываться на *принципе законности и стимулирования участия осужденных в составлении своих программ*.

В настоящее время типовые программы индивидуальной воспитательной работы с осужденными различных категорий широко используются в пенитенциарной практике многих государств Европы и в США. В научной литературе достаточно детально описан опыт такой работы в тюрьмах земли Северный Рейн-Фестфалия ФРГ. Там создаются специализированные тюрьмы: психодиагностические, психотерапевтические, специализирующиеся на общеобразовательном и профессиональном обучении. Именно в психодиагностических тюрьмах осуществляется углубленное изучение осужденных, выявляются причины и условия, способствовавшие совершению преступления, разрабатывается программа исправительного воздействия на личность осужденного, дается рекомендация в какую тюрьму его целесообразнее направить для отбывания наказания. В психотерапевтических тюрьмах ФРГ широко используются психотерапевтические программы когнитивно-поведенческой направленности для работы с осужденными за насильственные преступления сексуального характера.

Основные тенденции развития международного и отечественного опыта ресоциализации осужденных учтены при

¹ Реймер А.А. Содержание и основные этапы реформирования уголовно-исполнительной системы. — М.: Ведомости уголовно-исполнительной системы, 2009. № 12 — С. 3.

разработке индивидуальной программы их исправления.

В качестве примерной структуры Типовой Программы по организации индивидуальной психологической, социальной и воспитательной работы с осужденными предлагается:

- раздел 1. Характеристика личности осужденного и основные задачи его ресоциализации;

- раздел 2. Психологическая работа с осужденным;

- раздел 3. Социальная работа с осужденным;

- раздел 4. Воспитательная работа с осужденным.

По результатам работы утверждены восемь базовых (типовых) программ по работе с осужденными в соответствии с различными составами совершенных ими преступлений.

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО ЗАСЕДАНИЯ, СОСТОЯВШЕГОСЯ В КУЛЬТУРНОМ ЦЕНТРЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 19 НОЯБРЯ 2010 г.

На заседании присутствовали представители:

- Академии ФСИН России;
- Московского пограничного института ФСБ России;
- Академии Пограничной службы ФСБ России;
- Голицинского пограничного института ФСБ России;
- Российской академии наук (РАН);
- Минздравсоцразвития России;
- производителя оборудования «Московский завод торгового оборудования»;
- руководства действующих профильных реабилитационных центров (ПРЦ) из г. Таганрог;
- администрации Фонда.

На встрече обсуждались следующие вопросы:

1. Общие вопросы. Социальная напряженность в РФ.

2. Определение наиболее острых психологических зависимостей соглас-

но Постановлению Правительства Российской Федерации от 10 мая 2007 г. № 280 «О федеральной целевой программе «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями на 2007-2011 годы»» и от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении Перечня социально значимых заболеваний и Перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих».

3. Принципы организации ПРЦ БФ ПСП «Держава». Указом Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 г. № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года».

4. Основание для осуществления научной деятельности. Выработка малозатратных технологий.

5. Обеспечение необходимым оборудованием деятельности ПРЦ. Разработка новых технологий на основе планируемой научно-исследовательской де-

разработке индивидуальной программы их исправления.

В качестве примерной структуры Типовой Программы по организации индивидуальной психологической, социальной и воспитательной работы с осужденными предлагается:

- раздел 1. Характеристика личности осужденного и основные задачи его ресоциализации;

- раздел 2. Психологическая работа с осужденным;

- раздел 3. Социальная работа с осужденным;

- раздел 4. Воспитательная работа с осужденным.

По результатам работы утверждены восемь базовых (типовых) программ по работе с осужденными в соответствии с различными составами совершенных ими преступлений.

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО ЗАСЕДАНИЯ, СОСТОЯВШЕГОСЯ В КУЛЬТУРНОМ ЦЕНТРЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 19 НОЯБРЯ 2010 г.

На заседании присутствовали представители:

- Академии ФСИН России;
- Московского пограничного института ФСБ России;
- Академии Пограничной службы ФСБ России;
- Голицинского пограничного института ФСБ России;
- Российской академии наук (РАН);
- Минздравсоцразвития России;
- производителя оборудования «Московский завод торгового оборудования»;
- руководства действующих профильных реабилитационных центров (ПРЦ) из г. Таганрог;
- администрации Фонда.

На встрече обсуждались следующие вопросы:

1. Общие вопросы. Социальная напряженность в РФ.

2. Определение наиболее острых психологических зависимостей соглас-

но Постановлению Правительства Российской Федерации от 10 мая 2007 г. № 280 «О федеральной целевой программе «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями на 2007-2011 годы» и от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении Перечня социально значимых заболеваний и Перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих».

3. Принципы организации ПРЦ БФ ПСП «Держава». Указом Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 г. № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года».

4. Основание для осуществления научной деятельности. Выработка малозатратных технологий.

5. Обеспечение необходимым оборудованием деятельности ПРЦ. Разработка новых технологий на основе планируемой научно-исследовательской де-

тельности. Повышение эффективности работы ПРЦ.

6. Организационно-юридические вопросы по научному сотрудничеству участников заседания.

7. Определение финансирования совместной научной деятельности.

8. Вхождение представителей участников заседания в Попечительский совет БФ ПСП «Держава».

При обсуждении указанных вопросов участники пришли к единому мнению о целесообразности деятельности Фонда в области реализации социальных услуг, основанных на психокоррекции по снижению психологической игровой зависимости — код заболевания F63.0 по МКБ — 10, психологических зависимостей от алкоголя — код заболевания F10.2 по МКБ — 10, никотина — код заболевания F17.2 по МКБ — 10 и наркомании — коды заболевания F11.2, F12.2, F14.2, F19.2 по МКБ — 10. В ходе обсуждения было отмечено, что для повышения эффективности оказываемых социальных услуг в соответствии с Сертификатом ГОСТ Р ИСО 9001 -2008 № РОСС RU.3456.04НВ00.1801 .K01036 от 18

октября 2010 г. необходимо в применяемое в настоящее время психокоррекционное оборудование — УСППИЗ ввести модуль дистанционной диагностики, который осуществлял бы индивидуальный подход при оказании психокоррекционных услуг, что несомненно повысило бы эффективность снижения психологических зависимостей. Также в целях повышения эффективности установлена потребность в разработке и внедрении новых «фабул» субсенсорного воздействия с учетом возрастной категории, регионального менталитета и других факторов.

Для достижения поставленных задач участники круглого стола посчитали целесообразной формализацию отношений для осуществления комплексного научного исследования в области снижения психологических зависимостей путем включения их в состав Попечительского совета Фонда с последующим заключением коллективного договора «О проведении научно-исследовательских работ, связанных со снижением психологических зависимостей».

ДРУГ МОЕГО СЫНА...

И. В. Блинникова

Студент Московского государственного лингвистического университета.

Нужно было помочь, поучаствовать в эксперименте. Пришел, «какие проблемы, с удовольствием и интересом...». Чистая душа, хороший парень. Сидели в лаборатории, разговаривали. Удивилась, новое поколение, их ругают, а тут—

высокие идеи, нравственный стержень. Почему погибают лучшие? Он и еще одна девушка с их курса. Спешили на занятия.

Оставалось два месяца до окончания университета. Буквально еще два дня походить на пары и все. Потом сессия, государственные экзамены, диплом. Позади пять лет учебы. Надежды, сомнения, поиски. Что могло случиться? Вместо пятерки получить на экзамене четверку? Не сразу найти интересную работу? Поссорится с девушкой? Но случилось страшное. Страшное для всех нас. Зашел не в тот вагон. Оказался рядом с живой бомбой и все...

Кто в ответе? И мы (родители, ученые, психологи...) ничего не сделали для того, чтобы защитить нас и наших детей. И сейчас. Что мы делаем? Стыдливо по-малкиваем, делаем вид, что ничего не случилось... Если так, то ребята погибли напрасно. Ничего еще не успев совершить, никак не заявив о себе, не родив детей, не написав книг. Мне кажется, их смерть требует от нас каких-то действий. От каждого, понемногу, даже просто на своем рабочем месте.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СВЕТЕ ГУМАНИТАРНОЙ ПСИХОЛОГИИ (ПРАВОСЛАВНАЯ ПАРАДИГМА)

О. В. Кондратьева

Аннотация: в статье рассматривается философия мировоззренческих, а в нас уже методологических оснований. Однако ее понятие активно внедряется в русский язык в понятийный аппарат различных гуманитарных наук и философии. Оно используется при построении обучающих программ, проектов, тренингов, в том числе по психологии. В настоящее время говорят о толерантности учителя, социального работника, психолога, формируют толерантность как личностное качество у учащихся общеобразовательной и профессиональной школы. В то же время возникают противоречия между пониманием толерантности как нравственно ориентированного личностного качества и принятием толерантности как моральной нормы поведения человека в обыденной жизни. Разрешение этого противоречия отчасти может быть достигнуто в результате разработки научной психологической концепции толерантности.

Ключевые слова: толерантность, терпимость, нравственность, любовь.

The summary: the tolerance is considered from a position of psychologies of humanist and humanitarian. The tolerance is compared with tolerability. The bottom line: analysis of psychophysiological and dispositional aspects. The tolerance is characterized in system of moral directivity of person.

Key words: tolerance, morality, love.

Социальные и политические изменения в обществе иногда приводят к тому, что какое-либо явление приобретает форму модной проблемы. На нее обращают внимание политики, ученые, практические работники. Вокруг нее образуется своеобразный «бум» разного рода исследований. Затем мода проходит, а проблема остается. Примером такой проблемы на сегодня выступает толерантность.

Толерантность, являясь сложным и неоднозначно понимаемым феноменом, не имеет в современной отечественной

уже методологических оснований. Однако ее понятие активно внедряется в русский язык в понятийный аппарат различных гуманитарных наук и философии. Оно используется при построении обучающих программ, проектов, тренингов, в том числе по психологии. В настоящее время говорят о толерантности учителя, социального работника, психолога, формируют толерантность как личностное качество у учащихся общеобразовательной и профессиональной школы. В то же время возникают противоречия между пониманием толерантности как нравственно ориентированного личностного качества и принятием толерантности как моральной нормы поведения человека в обыденной жизни. Разрешение этого противоречия отчасти может быть достигнуто в результате разработки научной психологической концепции толерантности.

На сегодняшний день с определенной долей условности можно выделить два взаимоисключающих друг друга подхода к пониманию толерантности: 1) это величайшее благо, абсолютная общечеловеческая ценность, реализуемая в нравственно ориентированном поведении; 2) она носит относительный характер по своей направленности и имеет привязанность к национальным культурным традициям.

В первом подходе имеет место либерально-гуманистический взгляд на человека и его жизненные ориентиры. То-

лерантность в данном случае означает уважение, принятие богатого многообразия мировых культур, форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Она мыслится неотъемлемо от личностной свободы человека. Такое понимание толерантности уходит своими корнями в гуманизм эпохи классицизма (Ж.Ж. Руссо, Вольтер, Р. Декарт и др.), свое развитие оно получило в атеистической экзистенциальной философии XX в. (Ж.П. Сартр, А. Камю, М. Хайдеггер и др.) и гуманистической психологии (А. Маслоу, К. Роджерс и др.). Человек возводится к «абсолюту», заменяет собой Бога, поэтому возникает необходимость уважать чужую свободу, принимать личность как таковую в целостности эггодоминантности и т. д.

Во втором подходе понимание толерантности согласуют с пониманием нравственных норм поведения человека в обществе. Возникают ограничения, связанные с нарушением нравственных принципов. В этом случае толерантность рассматривается как проявление терпимости к самобытности личности, но лишь в той мере, в которой это не выходит за рамки национальной культуры, морали, традиций и обычаев. Для второго подхода также характерно выделение в качестве смыслообразующей жизненной ориентации стремления человека к Богу. В связи с этим толерантность трактуется и как «терпимость к греху», а это нарушает смыслообразующую систему человеческой жизни и толерантность несет в себе глубокую безнравственность.

Как бы это не выглядело парадоксально, но оба подхода к пониманию толерантности схожи между собой в недифференцированности отношений к

человеку и его поведению (к объекту и его функциям). Такая дифференциация прослеживается в принципе христианской морали: «любите грешника и ненавидьте грех». Действительно возникает вопрос: насколько Господь Иисус Христос был толерантен, изгоняя торговцев из храма? [1, п. 21, 13; 2, п. 11, 15; 3, п. 19, 45; 4, п. 2, 15]. Очевидно, что по отношению к торгующим людям Иисус Христос испытывал чувство любви, а к тому, что они из «Храма Господня» организовали «вертеп разбойников», «дом торговли», эмоцию гнева («...ревность по доме Твоем снедает меня» [4, п. 2, 17]). Иными словами, имеют место различия в отношении к человеку и его поступкам, то есть по отношению к торгующим людям Иисус Христос был толерантен, а по отношению к их деятельности интолерантен. Этот факт может выступить одним из методологических оснований в построении психологической концепции толерантности с позиций гуманитарной православной парадигмы.

Говоря об отечественной психологической концепции толерантности, выстроенной с позиций гуманитарной православной парадигмы, следует выделить такое наиболее близкое к понятию «толерантность» определение, как терпимость.

При этом необходимо отметить, что в современной отечественной психологии соотношение понятий толерантность и терпимость не всегда однозначное. Так, толерантность рассматривается в иерархии с терпимостью: либо как общая категория по отношению к терпимости (А.Г. Асмолов, Г.У. Солдатов, А.В. Петрицкий и др.), либо как составляющая терпимости (А.А. Реан, В.Ю. Клепцова и др.), либо они рассма-

триваются как одноуровневые понятия почти синонимы (Д.В. Колесов, С.К. Бондырева и др.). Наиболее приемлемым с точки зрения гуманитарной парадигмы является последний подход к пониманию толерантности и терпимости. Однако не следует забывать о многоаспектности толерантности. Так, можно говорить об организмическом и диспозиционном в толерантности. Организмическое в толерантности проявляется в ослаблении реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию. Таким образом, имеет место психофизиологическая выраженность толерантности. Она характеризуется устойчивостью к какому-то неблагоприятному фактору. Диспозициональность в толерантности проявляется в совокупности отношений личности к действительности. Основу диспозициональной толерантности составляют социальные установки и attitudes, определяющие индивидуальную мораль личности. Диспозициональная толерантность определяет нравственное развитие личности. И та и другая разновидности толерантности входят в ценностнообразующую систему воспитания человека на основе христианских добродетелей.

Рассматривая вопрос о толерантности в отношении к человеку с позиции гуманитарной православной парадигмы, следует отметить ее содержательную взаимосвязь со всеми христианскими добродетелями (воздержанием, кротостью, отзывчивостью, заботливостью, бескорыстием, любовью к людям и Богу, ответственностью, смирением, благодарностью и благоговением к Богу, состраданием и т. д.). Особенно следует от-

метить взаимосвязь терпимости и великодушия.

Великодушие представляет собой интегративное качество личности, характеризующееся способностью и готовностью человека бескорыстно жертвовать своими интересами во благо людей. Оно основывается на глубоком понимании другого человека, знании его особенностей, «сильных» и «слабых» сторон, способности к сочувствию и сопереживанию, умении прощать. В этом качестве проявляется сила духа человека, его доброта. Таким образом, оно неотделимо от доброжелательности, миролюбия, дружелюбия, отзывчивости, незлопамятности, добросердечности и др. В данном случае присутствует внимательность к нуждам другого человека, готовность прийти на помощь, стремление не обидеть и т. д. Терпимость и великодушие предполагают понимание слабостей и затруднений окружающих людей, умение прощать. Они исключают злопамятность и зависть. Все это есть проявление силы человеческого духа, вершинным уровнем чего является *ЛЮБОВЬ*.

Таким образом, толерантность в отношении к человеку не возможна вне вершинного духовного чувства любви. Причем любви в том понимании, содержании и форме, как это было сказано Господом Иисусом Христом в Нагорной проповеди: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего небесного; ибо Он повелевает солнцу восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» [1, п. 5, 44-45]. В этой заповеди скрыта тайна бытия чело-

века в Боге. Она скрыта в Крестной казни Иисуса Христа. Эта тайна мучительного сострадания Бога к людям, ради любви ко всем людям. Эта тайна несет в себе Царство Божье, которое проникло в суетный человеческий мир. Оно не просто «приблизилось» после Крестной казни и Воскресения Иисуса Христа, оно проникло внутрь самих людей, вверивших свои сердца Благой Вести об их реальном, а не только желаемом спасении. Через таинство Крещения в Христианской Церкви Царство Божье становится доступным человеку и делает его своим гражданином. По словам Апостола Павла, христианин является одновременно гражданином «государства в небесах» и гражданином земного государства. Человек принимает «гражданство» в Царстве Божьем через веру, покаяние и крещение. В этом Царстве любовь и свобода. Однако одновременно с этим любовью христианин является гражданином земного царства, в котором властвует «князь мира сего» (или как его еще там называют?). В этом царстве - суета, государственные законы и т. д. В каждом из этих «царств» своя мораль, свои нормы которые человек должен соблюдать, но нельзя служить одновременно «двум господам» и человек вынужден выбирать одно из этих «царств». В том случае, если человек является «настоящим» христианином он выбирает Божье Царство и соблюдает заповеди Бога, которые и являются основой морали бытия человека в Боге. В последнем случае толерантность в отношении к людям выступает одной из таких моральных норм.

Толерантность относительно поведения (деятельности, общения и т. д.) человека раскрывает функциональную сто-

рону терпимости и находит свое отображение в христианском нравоведении. Об этом говорится в Священном Благовествовании: «претерпевший же до конца спасется» [1, п. 24, 13], «терпением вашим спасаете души ваши» [3, п. 21, 19]. На формирование терпимости в христианском воспитании обращают внимание святые отцы Православной Церкви. Например, Святитель Феофан Затворник (Вышенский) пишет: «Господь ведет Вас к очищению, а враг встречает в Вас сильную соперницу. Стойте же крепко на своем. Несправедливостями и напраслинами нечего смущаться. Кто их причиняет, тому судит Бог, а кому их причиняют, тому должно терпеть их благодушно и Бога благодарить» [5]. Или, характеризуя жизнь «христианских мучеников», отмечает «Уж как их не тиранили? А Господь что? Он тут же был, видимо являлся им, утешал их, облегчал страдания, но все же оставлял их в муках терпеть до конца, чтобы увенчаться полным венцом. Так и всякая неправда, и всякая напраслина венец готовит. Но тому, на кого они падают, перетерпеть их надо» [5]. Блаженный памяти старец Никодим Святогорец, рассматривая путь приобретения добродетели на примере терпения, говорит о том, что нельзя вдруг пожелать себе напраслин, обид и других неприятностей, и радоваться им это высшая степень терпения. Для этого надлежит пройти низшие: смиренное самоуничижение, считающее себя заслуживающим всякие оскорбления, неприятие всякой мысли об отмщении [6].

Рассматривая толерантность относительно поведения человека, задаешь вопросы: где границы такой толерантности, что является критерием толерантного отношения к действиям и по-

ступкам человека? Со времен Дж. Локка толерантность увязывалась с терпимостью к чужому вероисповеданию. Как призывал Ф. Шиллер в оде «К радости»: «Обнимитесь, миллионы! Этот поцелуй всему миру!» [7, с. 612-615]. Но до каких границ можно быть толерантным к «чужой» вере и не потерять свою? Когда женщина язычница (сирофиникиянка) обратилась к Иисусу Христу с тем, чтобы он изгнал беса из ее дочери, Господь сказал ей: «Дай прежде насытиться детям, ибо нехорошо взять хлеб у детей и бросить их псам» [2, п. 7, 25-27]. Однако он помог этой женщине, вылечил ее дочь. Почему? Да потому, что она верила в Господа. Ответ на вопрос толерантности к поведению особенно ярко прослеживается на примере встречи Савла (будущего Апостола Павла) с Господом в пустыне, когда Савл приближался к Дамаску [8]. Следовательно, только искренняя и глубокая любовь к Богу может быть обоснованием толерантности к поведению человека.

Особенно актуальным понимание толерантности к чужому вероисповеданию становится в настоящее время в условиях постиндустриального общества. Не только в развитых странах Западной Европы и Америки, но и в нашей стране часто люди пытаются скрывать свое мировоззрение, Христианскую веру, чтобы не обидеть иноверцев. Примером является широкое празднование Рождества Христова разными людьми, и чтобы не обидеть иноверцев начинают широко использовать термин «зимний праздник». Но не обижают ли этим христиан? Это прежде всего праздник всех христиан всего мира. Если его хотят праздновать представители другого вероисповедания, пожалуйста, но при этом они

должны уважать религиозные чувства христиан.

Говоря о толерантности к поведению человека, следует выделять четкие критерия оценки принятия или отчуждения тех или иных действий и поступков. Это достаточно сложно, поскольку каждый человек, являясь носителем определенного мировоззрения, реализует его в моральных и нравственных нормах поведения, применительно к своему жизненному опыту. Иными словами, имеет место репрезентирование мировоззрения, морали и нравственности в индивидуальном ментальном опыте. Это касается и христиан. Осуществляя свой духовный путь, человек не застрахован от иллюзии принятия своего опыта как нечто абсолютного, как критерий «правды и неправды». В этом случае он нередко перестает видеть различия между своей «относительной тварностью» и «абсолютностью Бога», он начинает видеть себя как постигшего истину. Это заблуждение приводит к тому, что человек начинает судить других, относительно себя как «абсолютного истинного критерия». Однако такого заблуждения можно избежать, если рефлексировать свой опыт, осуществляя духовное восхождение переходить на трансцендентный уровень. В последнем случае критерий оценивания окружающих людей человек выносит за границы собственного «Я». Он не только принимает свою «греховную отягощенность», но и понимает свою ограниченность как представителя относительного тварного мира в сравнении с абсолютностью своего творца Бога.

В соответствии с этим понимание толерантного отношения к поведению человека с позиции гуманитарной православной парадигмы может осуществ-

влять исключительно христоцентрично. Только принимая в качестве нравственного критерия личность Иисуса Христа можно принимать и отвергать те или иные поступки и действия человека, проявлять толерантность или интолерантность.

Представленный нами анализ проблемы толерантности никоим образом не претендует на разработанность психологической концепции толерантности с позиций гуманитарной православной парадигмы. Мы можем говорить лишь о постановке вопроса. Сама же пробле-

ма является очень сложной и требует обширного и глубоко научного исследования.

Литература

1. Евангелие от Матфея.
2. Евангелие от Марка.
3. Евангелие от Луки.
4. Евангелие от Иоанна.
5. *Феофан Затворник, св.* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. М.: Отчий дом, 2006. С. 286.
6. *Никодим Святогорец.* Невидимая брань. — М., 1912.
7. *Шиллер Ф.* Коварство и любовь. — М.: Эксмо, 2005. С. 612-615.
8. Деяния Апостолов, 9, 1-9.

СУБЪЕКТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

С. В. Кондратьев

Аннотация: в статье с позиции гуманитарной парадигмы рассматривается субъектность как системообразующее качество души. При этом имеет место интеграция христианской антропологии и научно-психологических подходов к пониманию психических феноменов, а также обоснование души как объекта научно-психологического исследования. Исходя из идеи христианской метафизики о тварности мира, характеризуются заданные сущностные субстанциональные основы человека (духовная и природная) и дается научно-психологическое определение души как человеческой целостности, возникающее в результате отражения духовного в телесном. Охарактеризованы рефлексивное, рефлексивное и трансцендентнорефлексивное прояв-

ления психического.

Ключевые слова: душа, субъектность, арефлексивная, рефлексивная и трансцендентнорефлексивное проявления психического, христианская метафизика, научно-психологический подход, сущностные субстанциональные основы человека.

Abstract: in the article there is made an attempt to study the human soul as the scientific subject of psychology basing on Christian anthropology, the patristic theory, scientific and psychological approaches to understanding psychic phenomena. There are characterized certain substantial basics of man (spiritual and natural) from the position of Christian metaphysics. There is also defined the soul (scientifically and psychologically) as a human entity, formed as a result of the reflec-

влять исключительно христоцентрично. Только принимая в качестве нравственного критерия личность Иисуса Христа можно принимать и отвергать те или иные поступки и действия человека, проявлять толерантность или интолерантность.

Представленный нами анализ проблемы толерантности никоим образом не претендует на разработанность психологической концепции толерантности с позиций гуманитарной православной парадигмы. Мы можем говорить лишь о постановке вопроса. Сама же пробле-

ма является очень сложной и требует обширного и глубоко научного исследования.

Литература

1. Евангелие от Матфея.
2. Евангелие от Марка.
3. Евангелие от Луки.
4. Евангелие от Иоанна.
5. *Феофан Затворник, св.* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. М.: Отчий дом, 2006. С. 286.
6. *Никодим Святогорец.* Невидимая брань. — М., 1912.
7. *Шиллер Ф.* Коварство и любовь. — М.: Эксмо, 2005. С. 612-615.
8. Деяния Апостолов, 9, 1-9.

СУБЪЕКТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

С. В. Кондратьев

Аннотация: в статье с позиции гуманитарной парадигмы рассматривается субъектность как системообразующее качество души. При этом имеет место интеграция христианской антропологии и научно-психологических подходов к пониманию психических феноменов, а также обоснование души как объекта научно-психологического исследования. Исходя из идеи христианской метафизики о тварности мира, характеризуются заданные сущностные субстанциональные основы человека (духовная и природная) и дается научно-психологическое определение души как человеческой целостности, возникающее в результате отражения духовного в телесном. Охарактеризованы рефлексивное, рефлексивное и трансцендентнорефлексивное проя-

вления психического.

Ключевые слова: душа, субъектность, арефлексивная, рефлексивная и трансцендентнорефлексивное проявления психического, христианская метафизика, научно-психологический подход, сущностные субстанциональные основы человека.

Abstract: in the article there is made an attempt to study the human soul as the scientific subject of psychology basing on Christian anthropology, the patristic theory, scientific and psychological approaches to understanding psychic phenomena. There are characterized certain substantial basics of man (spiritual and natural) from the position of Christian metaphysics. There is also defined the soul (scientifically and psychologically) as a human entity, formed as a result of the reflec-

tion of the spiritual in the bodily. There are specified the conscious, unconscious and superconscious aspects of psychology in which the thinking, wishful and sensory aspects of the soul are reflected.

Key words: *scientific and psychological approach, psychic phenomena, soul, person, Christian metaphysics.*

Одной из методологических проблем психологии является ее научный предмет. При этом наблюдается закономерная для психологической науки в целом тенденция к переходу от частных описаний отдельных психических процессов, явлений и др. к определению системообразующей человеческой целостности, отличающей психологию от других антропологических дисциплин. В качестве такой целостности выступает душа.

Душа рассматривается как предметная область в психологии, построенной в рамках гуманитарной парадигмы. Однако понимание сущности и содержательного состава в данном направлении психологии является проблематичным; существует несколько подходов к определению знания о душе. Так, например, в христианской психологии как разновидности гуманитарной психологии, рассматривая возникновение, сущность и существования человека как продукт Божественного творчества, ряд ученых психологов и богословов противопоставляют научную психологию Учению Церкви и Святоотеческому учению. В этом случае говорят о «мертвой психологии» представленной в научно-психологических исследованиях и основывающейся на материалистическом мировоззрении, и «живой психологии» выстраивающейся на Учении Церкви и Святоотеческом учении. Другие го-

ворят о психологии как прикладной области христианской антропологии, сотериологии, аскетике и др. Третьи определяют психологию как самостоятельную научную область знания, базирующуюся на религиозной и идеалистической философии. Понятие души и психики в этом случае тождественны и трактуются как «вневременная идеальная субстанция».

Поскольку душа является категорией междисциплинарной, требуется уточнения понимания ее содержательного состава с точки зрения психологии. В этом отношении представляет интерес психологическое наследие В.В. Зеньковского, касающегося сущности понимания человеческой души. При этом следует иметь в виду, что в качестве методологической основы следует иметь в виду наряду с Учением Православной Церкви и Святоотеческим Учением христианскую философию и христианскую космологию. Также следует иметь в виду, что, несмотря на содержательную взаимосвязь психологии с христианской антропологией, сотериологией и аскетикой, ее категориальный состав, способы и процедуры построения исследования, выбор доказательной базы существенно отличается от указанных наук. Задачи, которые решает в этом случае психология, связаны с психологической интерпретацией фактов представленных в Священном Писании, ведущим доктрин и понятий, имеющим место в учении Святых Отцов Православной Церкви, категорий и основных положений христианской антропологии, сотериологии, аскетике, философии. Например, объяснить с психологической точки зрения сущностные изменения, происшедшие в человеке в результате его грехопадения, определить психологические содержания личности,

сопоставив их с понятием личности в Святоотеческом учении, Учении Православной Церкви, христианской антропологии, сотериологии, аскетики, раскрыть антропологические категории через психологические понятия и др. Решение этих задач невозможно без опоры на достижения психологической науки на основе естественнонаучной парадигмы. Однако все теоретические позиции, концептуальные положения, понятия и т.д., приводимые в этих разработках, должны быть соотнесены со Святоотеческим Учением, Учением Православной Церкви, понятийным аппаратом христианской антропологии и т. д.

В традициях Святоотеческого Учения душа трактуется многоаспектно, и мыслится как «субстанция самоцельная и бестелесная», «одинаковая с духом по существу» и т. д. При этом ее определение идет либо через ее отношения к телу, либо через отношения к духу. Человеческая душа мыслится как идеальная, метафизическая субстанция, интегрирующая в себе духовное и природное в человеке. Будучи невидимой, она проявляет себя через видимое тело [1]. В этой связи понимание ее сущности не возможно вне рассмотрения Божественного творчества мира.

Идея Божественного творения мира наиболее целостно отражена в христианской метафизике. Согласно ей в человеке имеет место две субстанциональные основы: духовная и природная, при этом первая отражается во втором. Результатом такого отражения является возникновение некоего сущностного интеграта, образующего относительно автономную человеческую субстанцию душу. Другими словами, *душа есть сущностная человеческая целостность, воз-*

никающая в результате отражения духовного в телесном, и представляющая собой оживляющую энергетическую систему.

Говоря о душе необходимо выделить сущностные различия между человеком и животными. Как жизненное начало душа есть и у животных. Однако, по совершенно справедливому утверждению Св. Григория Паламы душа животного есть жизнь тела, ее одушевленного и имеющего эту жизнь не по существу, а по действию. Эта душа ничего другого не может кроме действия тела и при разложении тела распадается вместе с ним. Душа человека и душа животного качественно различные феномены и потому не сопоставимы. Человеческая душа одухотворена, в ней проявляется образ Божий, в то время как душа животного есть лишь энергетический потенциал, заложенный Творцом в животного для оживления тела животного.

Исходя из идеи Божественного творения мира, можно предположить, что духовное и природное в человеке задано изначально. Эти субстанции по большей части не имеют качественного различия, они лишь количественно изменяются (объем, содержание и др.) в онтогенезе. Возникновение же качественных новообразований имеет место в душе человека. При этом духовное и природные содержания детерминируют душевное развитие в виде развития задатков и предрасположенностей человека. Таким образом, имеет смысл говорить об онтогенетическом развитии духовного и природного применительно к развитию души человека. Именно в душе человека духовные и природные задатки и предрасположенности становятся способностями, различными психическими

свойствами, процессами, качествами и др. При этом если духовное и природное выступают заданными базисными субстанциями и реализуются в объективном бытии человека, то душевные образования, возникающие в его онтогенетическом развитии, характеризуют субъективное бытие человека. В этих душевных образованиях проявляется субъектность человека. Следовательно исследование души как научно-психологической проблемы предполагает рассмотрение субъектности человека.

Сопоставляя между собой уровни существования субъектности, рассматриваемые в современной психологии и области существования души, представленные в христианской антропологии, сотериологии и Святоотеческом Учении в качестве основных уровней душевного бытия можно выделить сознательный, сверхсознательный и бессознательный, или более точно арефлексивный, рефлексивный, трансрефлексивный уровень.

Бессознательное (арефлексивный уровень психического) есть природно детерминированная область психики. В нем имеет место душевная ориентированность на телесное бытие человека или связано с существованием группы как целостного социального организма. Бессознательное имеет два уровня: глубинное бессознательное и подсознательное. В первом случае речь идет о психическом содержании, открытом соматическому, вбирая оттуда в себя инстинктивные потребности, которые находят в нем свое психическое выражение. Во втором случае имеются в виду психические свойства, предписывающие человеку определенные нормы поведения, невзирая на трудности со сто-

роны «инстинктов» и внешнего мира.

Сознание (рефлексивный уровень психики) по своей сути является исключительно душевным образованием, связанным с возникновением рефлексии. Рефлексия, прежде всего, реализуется через способность человека обнаруживать разной степени и глубины осознания собственной самости. В ней выражается функциональность сознания следовать некоторым символам, смыслы которых могут быть раскрыты в «терминах» человеческой жизни.

Сверхсознание есть духовно детерминированная область психики. Здесь наблюдается душевная ориентация человека на духовное самобытие. Сверхсознание связано, прежде всего, с реализацией духовной свободы человека. В этом случае проявляется «способность ума «разбираться» в положении и обдумывать планы, способность души зажигаться теми или иными чувствами и, наконец, способность принимать решения и осуществлять их. Согласно этому в сверхсознании реализуется духовная направленность человека к Богу или в «противоположную сторону». В первом случае человек переживает вершинные чувства — сострадание, терпимость, самопожертвование, добродетельность (воздержание, целомудрие, нестяжание, кротость, смирение и др.). Все это обеспечивает достижение вершины духовного бытия — состояния *любви* Бога и людей. Во втором случае человек переживает глубинные чувства — страх, зависть, неприязнь, гордыню, враждебность и др. В результате имеет место *ненависть* как состояние отвержения, богоборения, эгоизма и др., что свойственно духовному упадку, греховному самобытию человека.

При этом арефлективный и транс-
фрефлективный уровень в человеческой
субъектности заданы по факту творения
в виде задатков и интенций. Задатки яв-
ляют собой предстраположенности при-
роднодетерминированного характера, а
интенции предрасположенности духов-
нодетерминированного характера. По-
следнее позволяет говорить о двух за-
данных человеческих душевных целост-
ностях: индивидуиде и индивидуальности.

Индивид в психологии обычно трак-
туется как единичный представитель че-
ловеческого рода, отдельно взятый че-
ловек безотносительно к его социаль-
ности. Он представляется в природных,
биологических особенностях как чело-
веческий организм. Опираясь на хри-
стианскую метафизику в качестве пер-
вопричины индивидуальности следует
рассматривать духовные интенции как
смыслы Божественного творчества, ре-
ализованные в отдельно взятом челове-
ке, в его непохожести в духовном плане
на других людей. Это есть «идея» чело-
века, воплотившаяся в неповторимости
его духовного мира, особенностях жиз-
ненного пути.

Онтогенетическое развитие челове-
ка предполагает влияние на индивиду-
альность и индивид социальной среды.
Результатом такого влияния выступа-
ют психические новообразования, воз-
никающие в результате формирования
новых свойств, процессов, состояний,
качеств души. Именно в этих душевных
образованиях имеет место духовное и
природное развитие человека.

Если духовное и природное выступа-
ют заданными базисными субстанци-
ями и реализуются в объективном бы-
тии человека, то душевные образова-
ния, возникающие в его онтогенетиче-

ском развитии, характеризуют субъек-
тивное бытие человека. В этих душев-
ных образованиях проявляется субъект-
ность человека.

Исходя из того, что индивидуаль-
ность и индивид есть заданные психо-
логические целостности человека, субь-
ектность можно рассмотреть в контек-
сте социализации этих целостностей. В
этом случае результатом социализации
индивидуальности выступает личность,
а индивида социальный индивид.

Личность можно определить как
духовно-социальный феномен, пред-
ставленный в сознательном существо-
вании, т.е., личность — это та область
субъективной реальности, в которой ду-
ховный мир человека реализуется че-
рез социальное бытие. Здесь человек
осознает себя субъектом, отличным от
других. Таким образом, критерием лич-
ности выступает сознание (рефлек-
сивный уровень) по наличию или от-
сутствию которого говорят о наличии
или отсутствии личности, а по степени
развития - определяют уровень разви-
тия личности. Социальный индивид это
социально-биологический феномен.
Этот феномен характеризуется бессоз-
нательной социальностью (арефлек-
сивный уровень), его свойства позво-
ляют человеку идентифицировать себя
с определенной социальной совокупно-
стью или обществом в целом. Процесс
становления социального индивида во
многом детерминирован индивидуными
свойствами человека, среди которых ти-
пические свойства занимают одно из ве-
дущих мест. Следует сказать, что если
индивидуальность является характери-
стикой личности, то типическое харак-
терно для социального индивида. При
этом типизация социального индивида

осуществляется на основе взаимосвязи типических особенностей индивида и его социальной активности. Другими словами, речь идет о типических особенностях субъектов поведения, общения и т. д.

Опираясь на Святоотеческое Учение, христианскую антропологию и сотериологию можно сказать, что личность и социальный индивид находят свою реализацию в трех основных формах самобытия: «растительной», «чувственной», «разумной» [2]. Это представляется тремя силами, частями души: 1) чувствующей; 2) желательной; 3) разумной (умственной). На уровне самобытия личности и социального индивида указанные стороны души наполняются определенным психологическим содержанием.

Мыслительная сторона души наиболее целостно представлена интеллектом человека.

С позиций православной парадигмы в психологии, согласующейся с творениями Отцов Православной Церкви, интеллект следует рассматривать как атрибут души, выражающийся в умственном опыте человека. В этой связи вызывает интерес теория интеллекта М.А. Холодной. На сегодняшний день это пожалуй единственная психологическая теория, которая предусматривает некую метафизичность в структуре интеллекта и, кроме того, дает представление об интеллекте как особой психической реальности. В данном случае интеллект определяется как «... особая форма организации индивидуального ментального (умственного) опыта в виде наличных ментальных структур, порождаемого ими ментального пространства отражения, и строящихся в рамках этого пространства ментальных данных опыт представ-

ляется в виде ментальных структур, ментального пространства и ментальных репрезентаций.

В рамках субъектности человека, выделенные формы ментального опыта, определяют «изнутри» особенности поведения личности и социального индивида. Особое место здесь принадлежит ментальным *репрезентаций происходящего...*» [3]. При этом под ментальным опытом понимается система наличных психических образований и иницируемых ими психических состояний, лежащих в основе познавательного отношения человека к миру и обслуживающих конкретные свойства его интеллектуальной деятельности. Таким образом, в рамках этой теории структурам, так как они лежат в «основании» иерархии ментального опыта. Иначе говоря, ментальные структуры — это «... своеобразные психические механизмы, в которых в «свернутом» виде представлены наличные интеллектуальные ресурсы субъекта и которые могут «развертывать» при столкновении с любым внешним воздействием особым образом организованное ментальное пространство» [3, С. 148], последнее же позволяет перейти к «ментальным репрезентациям» [3, С. 170], которые имеют выраженность в трех уровнях ментального опыта когнитивного, метакогнитивного, интенционального. Первый из них обеспечивают хранение, упорядочивание и трансформацию наличной и поступающей информации, способствуя тем самым воспроизведению в психике познающего субъекта устойчивых, закономерных аспектов его окружения. Второй позволяет осуществить непропорциональную регуляцию процесса переработки информации и произвольную, со-

знательную организацию собственной интеллектуальной активности. В третьем заключены индивидуальные интеллектуальные склонности, основное назначение которых заключается в том, чтобы предопределять субъективные критерии выбора определенной предметной области, направления поиска решения, источников информации, субъективных средств ее представления и т. д. Указанные уровни определяют свойства индивидуального интеллекта человека, который проявляется через интеллектуальные способности, реализуемые в сверхсознательной, сознательной, бессознательной областях психики.

Желательная сторона души наиболее целостно представлена ценностно-ориентационной сферой личности и социального индивида. Ценности — это, прежде всего, специфически социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их положительное или отрицательное значение для человека и общества, то есть это система критериев, характеризующих жизненную происходящего с человеком и вокруг него (К.А. Абульханова-Славская, А.Н. Леонтьев, Ш.А. Надирашвили и др.). Они раскрывают нравственную и моральную сторону жизненной ориентации человека. При этом нравственные ценности характеризуют духовный потенциал человека и определяют личность. Моральные же ценности выполняют социально адаптивную функцию и присущи как личности, так и социальному индивиду. Таким образом, нравственные ценности представляют собой принципы, детерминирующие духовную реализацию человека в социальном бытии. Моральные ценности определяются обобщенными социально выраженными

потребностями большинства членов социальной совокупности. Другими словами, данные ценности отражают обобщенные жизненно важные потребности той социальной среды, к которой принадлежит человек. Они находят свою выраженность в нормах «сознательной» и «бессознательной» морали. «Сознательная» мораль характерна для личности, в то время как «бессознательная» — для социального индивида.

Говоря о желательной стороне души, возникает необходимость затронуть определение воли как составляющую данной стороны. В христианской антропологии понятие «воля» рассматривается во взаимосвязи с понятиями «желание», «влечение», «страсть» [4]. В современной психологии понятие «воля», «желание», «мотивация», также четко не разделены. Зачастую воля часто поменяется или отождествляется с мотивацией, при этом понятия «желание», «стремление», «хотение», «мотив», как правило, пересекаются и различаются лишь в основном по степени осознанности [5]. Рассматривается воля и как потребность преодоления препятствий [6]. Такой подход к пониманию воли вряд ли можно считать правомерным, если рассматривать человеческую сущность как с позиции христианской метафизики, так и в целом с позиции Священного Писания. Воля, как и свобода, есть атрибут духа и в этом случае человеческая воля есть эманация Божественной воли. В человеческой воле проявляется образ Божий. Поэтому сводить волю к мотивации и еще более к потребности есть заблуждение. Воля, конечно же, имеет свое присутствие в человеческой душе, однако она выходит за границы какой-то отдельной стороны души, воля входит

во все одухотворенные душевные образования. В желательной стороне души воля естественно связана с духовными потребностями человека и, таким образом, детерминирует соответствующую мотивацию.

Чувственная сторона души раскрывает содержание чувственно-эмоциональной сферы человека. В христианской антропологии и Святоотеческом Учении данная сторона связана с сердцем и выступает духовным центром всей жизни человека. Святые отцы указывают на то, что сердце способно мыслить, и оно являетсяместилищем чувств, ему присуще радость, скорбь, страх и т. д. Святые отцы отмечают, что в глубине сердца сокрыта любовь. В нем Бог открывает себя человеку.

Таким образом, чувственная сторона является системообразующей стороной души, она выступает основанием для мыслительной и желательной сторон.

Психологическое содержание чувственной стороны души составляют эмоции и чувства человека.

В эмоциях имеет место душевная ориентация на природную субстанциональную основу человека. Они представляют собой психические состояния, детерминированные «пользой» или «угрозой» для человека внутренней или внешней объективной реальности. В таких состояниях либо мобилизуются энергетические ресурсы в ситуациях связанных с опасностью физического или социального существования человека, либо демобилизуются в ситуациях покоя. Эмоции всегда отражаются во внешнем облике человека через мимику, жесты, взгляд, запах и т.д. Они, как правило, связаны с ощущениями человека. В основном эмоции характеризуют

реактивность поведения социального индивида.

Чувства характеризуют душевную ориентацию на духовную субстанцию человека. В них отображаются низменные или вершинные переживания, связанные с духовным бытием личности. В низменных чувствах имеет место эгодоминантность личностного самобытия. Это переживание гордыни, зависти, мстительности, неприязни, отчуждения, тщеславия и др. Они связаны с ценностной ориентированностью человека на телесное и социальное существование, во многом они являются результатом «прельщения благами видимого физического мира» (прелести). Такие чувства определяют греховность личностного самобытия и, в конечном итоге, приводят к ненависти как интегративному состоянию человеческой души. В вершинных чувствах человека реализуются смысловые устремления к Богу [8]. Они предполагают переживания бесстрастия, смирения, покаяния, благодарности и благоговения к Богу, нестяжания, терпимости, сострадания, кротости и т.д. В них реализуется христианская нравственность, ориентированность на соблюдение законов Божьих. Эти чувства детерминируют интегративной состояние человеческой души, вершинное ее одухотворение любовью. Признаками любви является радость, внутреннее просветление, воодушевление, общность чувств. «Духовная любовь не зависит от внешних условий: она приходит таинственным путем от Бога и влечет сердце человека к своему первоисточнику. Поэтому человек ощущает все большую и большую жажду общения с Богом» [9]. Наиболее целостно любовь представлена в вере как системообра-

зующем интегративном душевном образ- зовании, направляющим человеческую деятельность, поведение, общение, по- знание к Богу.

Рассмотренные стороны челове- ской души определенным образом рас- крывают содержание сверхсознатель- ной (трансрефлексивный уровень), со- знательной (рефлексивный уровень), бессознательной (арефлексивный уро- вень) областей психики. В этом отноше- нии их исследование определяет чело- веческую душу как научную категорию и позволяет рассматривать субъектность как системообразующее качество и как научный предмет психологии.

Литература

1. Григорий Палама. Триады в защиту священно- безмолствующих. М.: Канон, 1995.
2. Феофан (Авсенов), архим. Из записок по пси- хологии. Киев, 1869.
3. Холодная М.А. Психология интеллекта: па- радоксы исследования. — Томск: ТГУ, М.: Барс, — 1997. — С.165
4. Киприан [Керн], архим. Антропология св. Гри- гория Паламы. М.: Паломник, 1996.
5. Ильин Е.П. Психология воли. СПб.: Питер, 2000
6. Симонов П.В. Мотивированный мозг. — М.: На- ука, 1987.
7. Чхартишвили Ш.Н. О природе воли // Труды Кутаисского государственного педагогического ин- ститута. Кутаиси, 1958. Т.19.
8. Братусь Б.С. Опыт обоснования гуманитарной психологии // Вопросы психологии. — 1990. № 6. — С.9-17.
9. Александр [Милеант]. еп. Любовь царица до- бродетелей. СПб.: «Лита», 2000 С.15).